

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

М. С. Мельник

Том I

Полисистемная парадигма
в динамике экономических циклов

М. С. Мельник

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Том I

**Полисистемная парадигма
в динамике экономических
ЦИКЛОВ**

Москва
Берлин
2021

УДК 330.101.541:331.101.23
ББК 65.012.331-640
М48

Мельник, М. С.

М48 Теория экономических циклов. Т. I. Полисистемная парадигма в динамике экономических циклов / М. С. Мельник. – Москва ; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 405 с.

ISBN 978-5-4499-2538-1

Монография является результатом многолетней работы автора над исследованием природы цикличности экономической динамики, которые нашли свое отражение в его монографиях и статьях. В представленном исследовании особое значение отводится системному подходу к определению сущности циклического характера экономической динамики, что способствует установлению содержания эволюционных процессов и закономерностей формирования и развития экономических систем.

Исследование может быть интересно экономистам, научным и практическим работникам, преподавателям и студентам экономических вузов и факультетов, а также широкому кругу читателей.

УДК 330.101.541:331.101.23
ББК 65.012.331-640

ISBN 978-5-4499-2538-1 © Мельник М. С., текст, 2021
© Издательство «Директ-Медиа», макет, оформление, 2021

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Методологические проблемы экономических систем и системообразующего фактора	10
1.1. Методологические проблемы в исследовании экономических систем.....	11
1.2. Основные теоретико-концептуальные направления в исследовании развития экономических систем	40
1.3. Основные подходы к определению системообразующего фактора в экономических системах	65
Глава 2. Эволюционно-системный характер формирования экономической динамики	90
2.1. Проблема целостности экономических систем	91
2.2. Генетические основы динамики экономических систем	117
2.3. Институциональная составляющая в формировании динамики экономических систем	147
Глава 3. Методологические проблемы исследования экономической динамики с учетом ее циклического характера	174
3.1. Обоснование ведущей роли динамики капиталовложений в теории и методологии формирования экономических циклов	176

3.2. Обоснование формирования экономического цикла на основе денежного обращения	201
3.3. Теория больших циклов и её развитие в современных исследованиях.....	229
Глава 4. Формирование полисистемного характера динамики экономических циклов	258
4.1. Объективная обусловленность динамики экономических циклов	259
4.2. Экономическое обособление как условие формирования полисистемного характера экономических циклов.....	292
4.3. Механизм формирования динамики экономических циклов	318
Заключение	363
Список использованной литературы	366
Примечания и комментарии.....	390

Введение

Научные исследования до настоящего времени не сформировали достаточно прочную теоретическую базу обоснования цикличности экономической динамики, вытекающее из неё четкое определение причин кризисов, чем обусловлено отсутствие обоснованной методологии и практических методов прогнозирования оптимальных вариантов социально-экономического развития и предотвращения негативных последствий кризисных состояний национальных экономик.

Как и великая депрессия начала XX века, мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2007 году, вызвал процессы, которые еще раз убедительно подтвердили необходимость переосмысления и теоретических подходов, и практических мер по существенному изменению конфигурации как национальных экономик, так и мировой финансово-экономической системы.

Охватывая экономику, все финансовые институты, социальную сферу, а в отдельных странах порождая политические катаклизмы, современный финансово-экономический кризис со всей очевидностью определил объективную необходимость более эффективных научных исследований в определении причин цикличности экономических систем, выявлении оптимальных вариантов государственного регулирования.

Но направления макроэкономического регулирования эффективны лишь тогда, когда они основаны на учете объективных процессов, происходящих в мировой и национальных экономиках. А современный мировой финансово-экономический кризис свидетельствует о том, что природа экономической динамики не изменилась. Это подтверждают и характеристики динамики понижательной волны Н.Д. Кондратьева, на которой находится в настоящее

время мировая экономика, и периодичность протекания под её влиянием средних и малых циклов.

Отсутствие достаточно глубоких теоретических обоснований практических мер по выходу из кризиса определяет не только индивидуальный и ситуативный характер принимаемых антикризисных мер каждым из субъектов мировой хозяйственной системы, но и препятствует формированию эффективных действий на основе согласованной, координируемой мировым сообществом антикризисной программы.

Именно поэтому необходимо вновь и вновь возвращаться к анализу характера экономических циклов, с целью осмысления природы их происхождения, дальнейшего развития накопленного теоретического наследия, определения тех фундаментальных закономерностей, которые формируют их содержание, в форме периодических подъемов и спадов деловой активности.

Учитывая потребность в конструктивном подходе при исследовании этих общетеоретических проблем и их практическую значимость для определения направлений стабильного экономического развития, исследование основывается на общесистемных началах циклического движения.

Тем самым определение сущности, особенностей, методологии исследования и характера развития экономической системы в процессе её эволюции позволяет выявить общие закономерности такого развития, будет способствовать созданию условий для совершенствования прогностического начала экономической науки.

Системное исследование экономической динамики, несмотря на свою многолетнюю историю, продолжает оставаться одной из фундаментальных и актуальнейших проблем современности. Выработанные на сегодняшний день подходы к определению сущности и характера развития экономических систем противоре-

чивы, а зачастую – и взаимонключающие. На основе этих подходов сформировалось множество научных школ, течений и направлений научных исследований. Это свидетельствует не только о важности самой проблемы, но и о её сложности, о необходимости всесторонности подходов к её исследованию, кропотливого и тщательного отбора новых знаний для их синтеза в логически выверенную и теоретически грамотно выстроенную систему, которая в наиболее полной форме отражала бы объективную реальность и способствовала бы получению ответов на многие практические вопросы, порождаемые современной экономической деятельностью на разных уровнях.

Системное исследование экономической динамики требует определения генетических корней функционирования экономических систем, обуславливает необходимость соотнесения человеческой деятельности в процессе изменения окружающей среды с изменением человека в этой среде. Поэтому экономическая деятельность, являясь совокупностью осознанных и целенаправленных действий, направленных на обеспечение существования человеческого общества, совершенствование этих действий, предопределяют системное развитие условий этого существования.

К сожалению, приходится констатировать, что в последние десятилетия системный характер экономической динамики не нашел своего должного развития в работах ни зарубежных, ни отечественных авторов. Это в полной мере относится и к исследованию экономических систем, где проблема системообразующего фактора как стержневая проблема функционирования системы не решена до настоящего времени на достаточно аргументированном и убедительном уровне.

При анализе теоретических проблем, связанных с обусловленностью экономических систем циклическими

изменениями, недостаточно внимания уделялось проблеме общественного разделения труда как всеобщему закону, его влиянию на формирование экономической динамики.

В исследованиях разных уровней недостаточно изучены вопросы, связанные с генетической наследственностью экономических систем, наличием тенденции, направленной на осуществление изменений количественных и качественных характеристик экономической системы, с приобретением ею новых свойств в процессе изменения и совершенствования её структуры. А это определяет объективную обусловленность приспособления системы к изменяющейся среде, побуждает к поиску оптимальных поведенческих вариантов в ней, к изменению оценочных характеристик индивидуальной изменчивости элементов системы. Эта тенденция отражает универсальную закономерность развития социально-экономических систем, где человек, включаясь в них, наследует типичные для них системные качества и одновременно выступает как потенциальный носитель исторической изменчивости этих систем в целом. Тем самым в процессе эволюционного развития человека формируется его способность подниматься над обыденным уровнем, обусловленным сложившейся ситуацией.

Не получил своего должного развития и эволюционный смысл динамики экономической системы, её подъемов и спадов, более интенсивного развития, или застоя, состояния стагнации как одной из составляющих общественной системы, отражающей процессы её взаимодействия с другими системами и формирующей в этом взаимодействии определяющие тенденции общественного развития.

Теоретическая и практическая значимость проблемы системной обусловленности в формировании эко-

номической динамики, её недостаточная изученность в политико-экономическом разрезе обусловили выбор темы исследования.

Основная цель представленной монографии заключается в том, чтобы, раскрыв системную обусловленность динамики циклических колебаний в экономической системе, определить её сущность и содержание, выявив её взаимосвязь с эволюционными процессами приспособления и преобразования, накопления знаний, с научно-техническими достижениями, проанализировав роль человека в этом процессе, выявить основной источник цикличности экономической системы с целью смягчения негативных воздействий циклов на экономику, что будет служить теоретической базой прогнозирования процессов экономического развития в соответствии с формированием фаз экономического цикла.

Научная гипотеза состоит в том, что для определения действенных механизмов снижения негативных последствий циклического характера экономической динамики требуется выработка единой теоретической и методологической базы. Познание объективных процессов и механизмов, заложенных в циклическом характере экономической динамики, предоставит возможность определить в недрах экономической, и взаимосвязанных с ней систем, научно обоснованные предпосылки и факторы социально-экономического развития. Разработанные теоретико-методологические основы позволят более полно осмыслить, как внутренние механизмы формирования экономической циклическости, так и раскрыть влияние на формирование циклического характера экономической динамики неэкономических факторов, что определит формирование целостного представления о полисистемном характере формирования экономических циклов.

Глава 1.

Методологические проблемы экономических систем и системообразующего фактора

Исследователи, изучающие экономические системы, придерживаются различных, порой противоположных взглядов относительно определения основных методологических подходов к указанной проблеме. По мнению одних, исследование экономических систем определяется необходимостью более детального изучения основных этапов экономического развития, с определением связей между экономическими явлениями, их последовательности и причинной обусловленности. По мнению других, исследование экономических систем диктуется необходимостью следования определенным правилам, постулатам, которые обеспечивают должную всесторонность и непредвзятость исследования экономических систем.

Различия в позициях исследователей экономических систем проявляются и при интерпретации природы формирования экономических систем. По мнению одних, формирование и развитие экономических систем происходит стихийно, как следствие реализации объективных законов, закономерностей, определяющих процесс экономического развития. По мнению других, процесс развития экономических систем определяется как внутренними причинами развития экономических систем, так и субъективными регулятивными процессами, формирующими нормативные системы, культуру, традиции и т. д., т. е. теми возможностями, которые содержит потенциал человека, являющегося непосредственным участником этого процесса.

Развитие экономических систем – это незатухающий динамический процесс изменений содержатель-

ного характера и формообразования, обеспечивающих как экономические изменения и их вариативность, так и сохранение неизменности, инвариантности действия, призванные гарантировать стабильность достигнутых экономических результатов.

1.1. Методологические проблемы в исследовании экономических систем

Системность экономических явлений в динамических процессах, как национальных экономик, так и мировой экономики в целом в последние десятилетия становится очевидной не только для исследователей этого научного направления, но и для многих специалистов смежных отраслей знаний. Поэтому публикации последних лет, в которых предпринимаются попытки исследовать действительные причины и механизмы формирования современного мирового финансово-экономического кризиса, свидетельствуют о потребности в более глубоких научных исследованиях экономических процессов, где объекты и явления рассматривались бы во всей совокупности составляющих их компонентов, связей и отношений, свойств системы, включая их взаимодействие с окружающей средой (Таблица 1).

Указанная потребность в формировании методологии исследования экономических систем обусловлена, с одной стороны, актуальностью формализации основных, базовых понятий экономической теории с позиций системного подхода к исследованию экономических процессов, с другой стороны, необходимостью формирования методологической базы для исследования глубинных динамических процессов, происходящих в экономических системах разных уровней.

Таблица 1
Характеристика основных свойств системы

Свойство системы	Характеристика
Целостность	Свойство целого принципиально не сводится к сумме свойств составляющих элементов
Структурность	Поведение системы обусловлено не только особенностями отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры
Взаимозависимость со средой	Система формирует и проявляет свойства в процессе взаимодействия со средой
Иерархичность	Соподчиненность элементов в системе
Ограниченность	Система отделена от окружающей среды границами
Множественность описаний	По причине сложности познание системы требует множественности ее описаний

Отсюда вытекает необходимость критического анализа, как методологии исследования экономических систем, так и формирования основных подходов к системному анализу динамических процессов в экономических системах.

Уже в работах А. Смита формируются теоретические подходы к пониманию экономической системы, в которых господствующей является идея экономического либерализма. Сама идея основывалась на реальном восприятии эффективности экономической системы, когда, в отличие от неэффективного использования государственной собственности, частное производство на практике доказывало свое преимущество, основываясь на принципе невмешательства, но не сводилась к экономической эффективности.

В то же время, А. Смит, в отличие от его знаменитого выражения «невидимая рука», не использует и не обосновывает в своих работах принцип невмешательства как условие развития экономической системы. В

его понимании для общества, как и для природы, характерны целостность, гармония отношений между человеком и обществом, которая предопределяет объективную возможность и необходимость согласования разрозненных интересов отдельных людей.

Именно в этом контексте и следует понимать его «невидимую руку», которая должна на основе «побуждения человеческой души» обеспечить гармонию человека и общества в процессе хозяйственной деятельности.

По мнению А. Смита, каждый «экономический человек» прежде всего следует своим личным интересам, но столкновение с интересами других заставляет его приспосабливаться к ним, как и другим приходится приспосабливаться к его интересам. Тем самым происходит взаимное приспособление интересов в экономической системе, в результате чего экономические действия следуют по оптимальному пути с учетом интересов большинства элементов системы.

Такой механизм взаимодействия элементов складывается на основе общественного разделения труда, где для удовлетворения разнообразных потребностей каждый нуждается в тесных экономических связях с другими. Эту систему связей опосредует товарный обмен, действующий по сформулированному А. Смитом принципу: дайте мне то, в чем я нуждаюсь, и вы получите от меня то, в чем испытываете нужду вы сами.

Хозяйственный интерес, побуждаемый эгоистическими мотивами, определяет выбор каждым индивидом наиболее выгодного варианта решения своего благополучия в условиях, когда происходят постоянные столкновения с подобными по своей природе интересами и мотивами. Поэтому каждый невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения. Преследуя собственные интересы, он часто более

действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это.

Такой механизм представляется А. Смигу оптимальным, так как обеспечивает баланс и гармонию интересов участников экономического процесса. На этой основе А. Смит формулирует одну из фундаментальных экономических проблем – проблему равновесия экономической системы.

В то же время А. Смит рассматривает эту проблему и в более широком плане, как взаимосвязь и взаимообусловленность отраслевой структуры экономической системы. В четвертой книге «Исследования о природе и причинах богатства народов» он подвергает критике теории, которые отводят сельскому хозяйству приоритетное положение по отношению к другим отраслям и сферам экономической жизни. Тем самым, отмечает А. Смит, они препятствуют развитию мануфактуры и внешней торговли, неосознанно действуя вразрез с той целью, которую себе поставили, косвенно затрудняя развитие той отрасли, которой хотят содействовать. Поэтому, констатирует он, всякая экономическая система, старающаяся чрезвычайными поощрительными мерами привлечь к какой-либо особой отрасли труда большую долю капитала общества, чем направлялось к ней естественным образом, или путем ограничений отвлекать от отрасли ту долю капитала, которая была бы вложена в нее, в действительности поступает как раз обратно тому, к чему стремится.

По мнению А. Смита, экономическая система в этом случае задерживается в своем развитии, вместо того чтобы ускорять развитие общества по направлению к действительному богатству и величию, и уменьшает, вместо того чтобы увеличивать, действительную стоимость продукта его земли и труда. Поэтому каждому человеку предоставляется возможность

конкурировать своим трудом и капиталом. При этом государство освобождается от обязанности руководить трудом частных лиц, где оно всегда будет подвергаться бесчисленным обманам и выполнение которой будет неэффективно, а будет направлять его к занятиям, более соответствующим интересам общества. На государство возлагается выполнение только трех важнейших обязанностей: по ограждению общества от насилий и вторжения других независимых обществ; по защите членов общества от несправедливости и угнетения; по созданию и содержанию общественных учреждений, создание и содержание которых подчинено интересам всего общества.

В этой системе А. Смит задолго до формирования теории институционализма определяет культурные, нравственные, исторические характеристики данного общества, моральные оценки богатства и способы его увеличения как важнейшие составляющие его хозяйственных процессов.

Рассматривая богатство как общее благо и цель человеческих устремлений, А. Смит провозглашает право на полную свободу человека в достижении своих экономических целей. Но это право должно быть реализовано не в ущерб другим, а ради личной выгоды: «Человек ни в коем случае не смеет отдавать себе предпочтение перед прочими людьми в такой мере, чтобы причинить им вред ради личной пользы, хотя бы последняя была несравненно значительнее, чем наносимый им вред»¹.

Тем самым в экономической системе А. Смита четко очерчены нравственные границы взаимозависимости членов общества: «Отдавать свое сочувствие другим и забывать самого себя, ограничивать, насколько возможно, личный эгоизм ... только таким путем мы можем достигнуть между людьми того согласия»².

Но соблюдение этих нравственных норм, по А. Смиту, предоставляет и самому человеку возможность преследовать свои цели, обеспечивать свои интересы, поэтому он может совершенно свободно «следовать своему собственному интересу любым удобным ему способом и конкурировать как произведенным продуктом, так и капиталом с другими людьми»³. На этой основе А. Смит рассматривает как необходимое условие обеспечения развития системы, так и естественное право на обеспечение защиты жизни и собственности.

Убежденность А. Смита состоит в справедливости общественного порядка, сложившегося в экономической системе, и в её гармонии с природой. Верность этой позиции сохранили и многие последователи А. Смита.

Д. Рикардо также был сторонником свободного рынка и ограничения вмешательства государства в экономику. Он исследовал экономику как сложную систему, где действуют объективные, стихийные, но познаваемые экономические законы и существует механизм, обеспечивающий действие этих законов как преобладающих тенденций. Механизм их действия, при отсутствии государственного вмешательства, обеспечивает экономической системе равновесие. Эти взгляды Д. Рикардо изложены в работе «Начала политической экономии и налогового обложения»⁴ (1817 г.), где Д. Рикардо определяет взаимную зависимость отраслей национальной экономики и их соответствующее реагирование на изменения во внешней торговле: «Если при покупке иностранных товаров используется меньшая часть ежегодно производимых продуктов земли и труда Англии в силу того, что цена первых ниже, то на покупку других товаров останется больше денег»⁵.

Пристальное внимание Д. Рикардо уделяет исследованию денежного и кредитного обращения. По его мнению, устойчивость экономической системы определяется устойчивостью денежного обращения, основанном на золоте, где золото в значительной степени, или даже полностью может быть заменено банкнотами. Эта замена дает нации большую экономию, но при условии беспрепятственного обмена их на золото по твердому курсу.

В то же время, Д. Рикардо отмечает, что «кроме обычных изменений стоимости денег и изменений, общих для всего мира торговли, существуют также и частные изменения, которым подвергаются деньги в отдельных странах»⁶. На этой основе Д. Рикардо убедительно доказывает, что политика меркантилизма, основанная на установлении высоких пошлин на ввозимые из-за границы товары, приводит к их удорожанию. Тем самым, искусственное ограничение взаимодействия национальных экономических систем, основанных на международном разделении труда существенно снижает их эффективность.

Важнейшей заслугой Д. Рикардо в определении эффективности функционирования экономических систем явилось обоснование принципа сравнительных затрат, на основе которого он теоретически показал выгоды от порождаемой международным разделением труда, страновой специализации производства.

Д. Рикардо, в отличие от А. Смита, считал, что абсолютные издержки не определяются только сферой международного обмена. При осуществлении внешней торговли на эквивалентных началах национальные экономики обеспечивают экономический эффект за счет производства и экспорта товаров, которые относительно

дешевле, а потому и импорт товаров, производимых за границей, сравнительно дешевле, чем внутри страны.

Основанная на общественном разделении труда, специализация стран на производстве товаров, в которых заложены их относительные преимущества, позволяет им производить такие товары значительно лучшего качества и в значительно большем объеме, превышающем национальные потребности, чтобы экспортировать эти товары в другие страны.

Наряду с этим импорт позволяет получать те товары, затраты на которые чрезмерно велики, вследствие чего они не производятся в данной стране. Вследствие международного разделения труда и его специализации, являющейся основанием принципа сравнительных преимуществ, происходит наращивание объемов торговли между странами и увеличение общего объема мирового производства товаров. Тем самым, развитие международного разделения труда ведет к увеличению международной торговли, что, в свою очередь, противоположно влияет на экономическую систему государства, повышая её эффективность, сокращая издержки на удовлетворение потребностей внутри страны.

Важнейшей особенностью взглядов Д. Рикардо было определение распределительных отношений в экономической системе в качестве приоритетных. Поэтому и исследованию законов распределения общественного продукта, наряду с должным вниманием исследованию производственной сферы, где система производственных отношений тождественна отношениям распределения, он отводит приоритетную роль.

Д. Рикардо сделал важнейший шаг в разработке системного метода исследования экономических процессов. Он стремится объяснить экономические категории, основываясь на категории стоимости. Стоимость является системообразующей категорией в экономиче-

ской системе Д. Рикардо. Именно этим объясняется то, что трудовая теория стоимости была положена в основу экономической теории капитализма как наиболее полно отражающая типичные для этого строя товарные отношения. В свою очередь, единство системы законов экономической системы, которое обуславливает её целостность, подчинено действию закона стоимости и обеспечивается им. Поэтому экономическая система Д. Рикардо и характеризуется логической стройностью, последовательностью и целостностью, где определяющее место отведено строгому научному монизму.

Научная недостаточность метода Д. Рикардо проявилась в том, что между различными экономическими явлениями и процессами существуют не только многообразные функциональные связи, обеспечивающие действие экономического механизма и воспроизводство экономической системы как сложившегося целого, но и генетические связи, которые обеспечивают возникновение экономической системы, её развитие, переход от одной качественной ступени к другой, более совершенной и более прогрессивной.

Объективно ошибочными, соответствующими ранней стадии развития капитализма, являются и взгляды Д. Рикардо о самонастраивающейся, с идеальными обратными связями, экономической системы капитализма, где эффективное применение может найти любой объем капитала и отсутствуют проблемы с реализации производимой продукции.

Значительный вклад в исследование основных факторов и законов развития экономической системы внес К. Маркс. Подвергнув критическому анализу исследования своих предшественников (поэтому подзаголовком «Капитала» является «Критика политической экономии», который философ В. Межуев определяет как

«критику экономического разума»), К. Маркс формирует целостный «экономический закон движения современного общества».

К. Маркс первым из исследователей общественного развития формирует представление об обществе как открытой системе, где он вводит в оборот понятие «общественная формация».

Впервые введенное в оборот в Германии на рубеже XVIII–XIX вв. понятие «формация» (от лат. – образование, вид) в геологии, с целью систематизации пород, тесно связанных между собой в вертикальном – временном срезе, и горизонтальном – пространственном распространении, и в ботанике с целью систематизации закономерностей внешнего и внутреннего строения растений, их эволюции в течение геологического времени и родственных связях, К. Маркс использует для характеристики многоуровневого характера общественного развития, тесной взаимосвязи этих уровней, общности признаков и различий временных эпох.

Применение этого теоретико-методологического подхода позволило К. Марксу выявить общие закономерности общественного развития, открыть его общие и специфические законы и установить преемственность между различными этапами истории.

Естественно-исторический процесс развития человеческого общества представлен К. Марксом как развитие общественно-экономических формаций и их последовательная смена, где указанная формация представляет собой социально-экономическую организационную целостность с присущим ей способом организации и осуществления материального производства, формами общественной организации труда и управления и присущими ей особыми формами взаимосвязей – производственными отношениями. Системообразующим фактором, определяющим развитие и

смену общественно-экономических систем (формаций), у К. Маркса является способ производства, изменение которого определяет смену общественно-экономических формаций: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁷.

Основной составляющей способа производства выступают производительные силы как система субъективных и вещественных элементов, которые характеризуют процесс взаимодействия между человеком и природой в ходе общественного производства. Выражая активное отношение людей к природе, производительные силы воспроизводят условия существования и развития самого человека.

Но необходимой стороной общественного производства, выступают и экономические отношения, которые формируются в процессе движения общественного продукта от его производства к потреблению – производственные отношения: «Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»⁸.

По мнению К. Маркса, все исторические коллизии коренятся в противоречии между производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественно-экономическая формация не станет достоянием истории ранее, чем разовьются все ее производительные силы, а новые производственные отношения не появятся прежде, чем возникнут материальные условия их существования в рамках уходящей формации, но «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими

производственными отношениями... Тогда наступает эпоха социальной революции»⁹.

Следовательно, общественно-экономическая формация, представляя собой систему взаимосвязанных элементов, пребывает в состоянии неустойчивого равновесия. Основу системы составляет способ производства материальных благ, состоящий из производительных сил и производственных отношений, которые находятся между собой в постоянном взаимодействии, составляя основное противоречие системы в период её радикального преобразования. Как отмечает Д. Норт, разработка Марксом вопроса о связи производительных сил (под которыми он обычно понимал состояние технологии) с производственными отношениями (под которыми он понимал различные аспекты человеческой организации и особенно права собственности) представляла собой пионерные усилия, направленные на соединение пределов и ограничений технологии с пределами и ограничениями человеческой организации¹⁰.

Кроме того, К. Маркс рассматривает тесную взаимосвязь таких элементов системы как производство, распределение, обмен и потребление, образующих воспроизводственный цикл, где каждая фаза этого цикла выполняет свою особую функцию, без которой процесс воспроизводства невозможен¹¹. Он подчеркивает роль этой взаимозависимости: «Без производства нет потребления, но и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно»¹².

Способ производства, являясь системообразующим компонентом социально-экономической системы, определяет остальные ее составляющие. Именно спо-

соб производства создает качественную определенность общественной формации и отличает одну формацию от другой.

Таким образом, метод К. Маркса посвящен конкретному анализу общественных экономических систем, развитие которых подчиняется присущим им специфическим законам. Основу каждой общественно-экономической формации представляет соответствующий социальный организм, отличающийся от других не менее глубоко, чем отличаются друг от друга различные биологические виды. В послесловии ко второму изданию «Капитала» К. Маркс приводит высказывание русского рецензента книги, по мнению которого её истинная цена заключается в «... выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замене его другим, высшим»¹³.

Применение К. Марксом этого метода в исследовании исторического процесса развития человеческого общества свидетельствует о том, что уже в «Капитале», задолго до возникновения общей теории систем, была детально исследована структурно-генетическая составляющая теории экономических систем. К. Маркс видел свою основную задачу в анализе причинно-следственных взаимосвязей между экономическими явлениями, выявление которых позволило ему построить целостную концепцию категорий и законов развития экономических систем, их становления, развития и замены.

Тем самым была заложена теоретическая основа развития целого спектра концепций долговременного, волнового развития социально-экономических систем, изучающих закономерности циклического движения экономических систем, его кризисных факторов. Сформировавшийся спектр исследований можно представить в форме гносеологической системности,

которую можно определить как взаимосвязь системного подхода, системного метода и системной теории (Схема 1).

Схема 1
Структура и функции системности

Эта теоретическая база в дальнейшем способствовала становлению целой плеяды видных ученых-исследователей этого направления в лице М. Вебера, В. Зомбарта, М.И. Туган-Барановского, Н.И. Кондратьева, Й.А. Шумпетера и др., где не меньшую ценность представляют исследования противоречий в экономическом развитии общества, противоречия воспроизводственных циклов, пространственно-временная отраслевая структура национальных экономик, т. е., функциональные аспекты экономической системы.

Функциональные аспекты экономической системы содержат определение системы понятий, которые отражают сущность исследуемого объекта, его внутренние необходимые связи, обеспечивая устойчивое состояние и развитие самой системы.

Следовательно, теоретические аспекты исследования экономической системы определяют её закономерности, горизонтальные и вертикальные взаимозависимости основных элементов системы в её структуре, характерные черты взаимодействия фаз воспроизводственного цикла и т. д.

Предназначение метода состоит в выполнении роли регулятора субъективного характера действий по отношению к экономической системе, когда формируется характер соответствующего действия для достижения желаемых целей с позиций организации, управления, регулирования, контроля и т. д.

Именно с позиции функционирования экономической системы рассмотрение товарного воспроизводства представляет собой воспроизводство не только материальных благ, но и капитала и прибавочной стоимости, где основным двигателем функционирования экономической системы является достижение основной цели – получения прибыли.

Обусловленность простого воспроизводства индивидуального капитала, которое является важнейшим элементом и составной частью системы расширенного воспроизводства, характерна как для отдельного предприятия, так и в масштабах национальной экономической системы.

Под этой призмой рассмотрение воспроизводства в условиях товарного производства, где сам процесс воспроизводства представляет собой единство производства, распределения, обмена и потребления, обеспечивает понимание процесса формирования совокупного общественного продукта и условий его реализации.

Реализация совокупного общественного продукта возможна только в условиях соблюдения определенных основных отраслевых пропорций в производстве продукции в национальной экономике. Несоблюдение этих пропорций неизбежно ведет к нарушению производственного процесса и к кризису экономической системы.

Вместе с тем расширенное общественное воспроизводство обеспечивает и рост внутреннего рынка вследствие увеличения спроса на средства производства и

предметы потребления. И в этой взаимной обусловленности заложены возможности постоянного нарушения пропорций, которые, проявляясь в экономических кризисах, прерывают воспроизводственный процесс.

Это же противоречие заложено и в природе основного элемента национальной экономической системы – предприятия. В процессе его функционирования определяются две противоположно направленные тенденции.

Деятельность предприятия по реализации своей основной функции – производству продукции определенного качества и количества – требует поддержания сложившихся взаимосвязей, обеспечивающих целостность предприятия как системы, которая определяет его сущность, внутреннее содержание, его качественные характеристики.

В то же время предприятие постоянно находится под воздействием внешних факторов – изменяются предпочтения потребителей и постоянно ужесточаются условия конкуренции, которые требуют внесения изменений в сложившуюся систему для своевременного реагирования на воздействие тех факторов, которые свидетельствуют о происходящем моральном старении производства. Более того, указанную тенденцию усиливают также износ оборудования, его физическое старение. Это те факторы, которые и служат непосредственной материальной базой формирования жизненных циклов производства, которые и проявляются в масштабе общественного производства как экономические циклы, с их неотъемлемой и разорительной фазой – кризисами.

Следовательно, материальная основа периодических кризисов, заложена уже в самих циклах деловой жизни предприятия, в ходе которого последовательно

реализуются периоды оживления, стремительного подъема, ослабления и кризиса. В то же время кризис побуждает предпринимателя с целью обеспечения конкурентоспособности и устойчивости в развитии совершенствовать производство на новой технологической основе. Тем самым кризис несет в себе побудительные мотивы к изменению и совершенствованию сложившейся ранее экономической системы; её качественно новый уровень выступает противоречивым, но объективным инструментом существенных преобразований на предприятии как саморегулируемой экономической системы. Поэтому внутренняя динамика экономических изменений, происходящих в экономической системе, определяется не только внешними, но и внутренними побудительными мотивами развития самой системы.

Изменение экономической мотивации не только проявляется в формировании динамики внутренних преобразований на предприятии, но и выступает регулятором изменения экономических отношений в обществе, т. е. регулятором экономической системы более высокого уровня – национальной экономики. Следовательно, в формировании динамики внутренних преобразований экономических систем более высокого уровня – национальной и мировой экономической – мотивы хозяйственной деятельности играют свою существенную роль.

Важнейшее значение мотивации проявляется не только в исследовании структурно-генетической составляющей теории экономических систем, которые фиксирует Э. Фромм: «Различие в экономических условиях порождает различие в экономической мотивации. Одна экономическая система может привести к созданию аскетических наклонностей, как было на заре развития капитализма; другая – к преобладанию

бережливости и накопительства, как это происходило в условиях капитализма XIX в.; третья – к преобладающему желанию тратить денежные средства и ко всевозрастающему уровню потребления, что характерно для современных капиталистических стран»¹⁴, но и в функциональной теории систем. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи двух теорий, их органичной целостности.

В исследовании структурно-генетической составляющей теории экономических систем большое значение имеют и прогностические идеи, сформированные на основании выявленных закономерностей развития общественного производства, определения роли науки в становлении современной экономической системы общества и в её влиянии на формирование экономики будущего как инновационной экономики.

Расширение границ совершенствования технологии производства на основе внедрения научно-технических достижений формирует тенденцию постоянного совершенствования воспроизводства, где изменяются не только его условия, но и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразуя себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности. Это проявляется в выявлении творческих дарований человека, где человек воспроизводит себя во всей целостности.

В работах Макса Вебера (1864–1920)¹⁵ и Вернера Зомбарта (1863–1941),¹⁶ на рубеже XIX–XX вв. была предпринята попытка формирования теории экономических систем на основе объединения абстрактного и исторического методов исследования экономических систем.

С этой целью М. Вебер для сопоставления логических конструкций создает идеально-типический метод

исследования экономических процессов, которые формируются на основе эмпирической реальности, посредством выявления в ней наиболее существенных элементов. Затем, следуя в обратном порядке, он сравнивает эту абстрактную идеальную модель с теми реальными процессами, которые имели место в экономическом развитии, и определял их отклонение от сформированной модели.

М. Вебер использует идеально-типический метод для исследования процесса формирования и развития капиталистического общества, который рассматривается и как экономическая система, и, в более широком плане, как форма развития цивилизации.

Развитие капитализма как экономической системы основывается на объективных и субъективных предпосылках. В качестве субъективных предпосылок М. Вебер рассматривает частное присвоение, частную собственность на средства производства, рациональную организацию процессов производства и распределения, формирование свободного рынка ресурсов, развитие техники, средств сообщения и денежного обращения. В объективных предпосылках центральное место в процессе производства принадлежит предпринимателю как собственнику, организатору и координатору производства с его рациональным стремлением к прибыли.

Исследуя генезис капитализма, М. Вебер определил для себя центральную проблему. Суть проблемы заключается в происхождении буржуазного производственного капитализма с его рациональной организацией свободного труда, или, как он отмечает, возникновение западноевропейского класса буржуазии состоит в его своеобразии, ибо буржуа как сословие существовало еще до появления специфического западноевропейского капитализма, но только на Западе.

Основой развития общества, по мнению М. Вебера, является рационализация экономической и социальной жизни. Поэтому ничем не ограниченный рынок свободной конкуренции, ведущий к хаосу, требует законодательного регулирования и рационального управления формированием общественно приемлемых условий хозяйствования и относительным ограничением действий разрозненных предпринимателей. С этой целью он предлагает разделить права собственности и её использование в крупных корпорациях, с переходом этого права к профессиональным управляющим, а также формирование структур управления в сфере бизнеса, на основе формирования и расширения государственных бюрократических структур, развитие государственного регулирования в формировании экономических систем.

В то же время, М. Вебер отмечает и такую общественную опасность государственного вмешательства в экономические процессы как возникновение угрозы со стороны высших должностных лиц государства по установлению контроля над всем обществом. Поэтому он предлагает и механизмы предотвращения этой угрозы.

Дальнейшее развитие идеи М. Вебера получили в работах В. Зомбарта. В своем главном труде «Современный капитализм»¹⁷ В. Зомбарт предпринял попытку проанализировать всю историю капитализма, раннюю стадию – от становления до промышленной революции второй половины XVIII в., затем развитый капитализм, завершающийся первой мировой войной и поздний капитализм.

В качестве методологической основы изучения экономических систем в условиях развития товарного производства В. Зомбарт избрал разграничение экономики и хрематистики Аристотеля. Основываясь на

этом, он предложил классифицировать формы хозяйства по критерию соотношения в них деятельности, направленной на удовлетворение потребностей в конкретных благах (потребительное хозяйство), и деятельности, мотивируемой жаждой денег (приобретательское хозяйство). На этом же основании в своих дальнейших исследованиях В. Зомбарт выводит уровни специализации в хозяйстве, рост обобществления, технический прогресс, конъюнктурные колебания.

В. Зомбарт вводит четкое разграничение между понятиями «хозяйственная система» и «хозяйственная эпоха». По его мнению, хозяйственная система представляет собой абстрактно-теоретическую конструкцию, которая очищена от исторических особенностей и служит основой для систематизации эмпирических фактов. А хозяйственная эпоха представляет собой реальную экономическую систему, которая служит объектом эмпирического исследования.

Выделять отсюда экономические системы, по мнению В. Зомбарта, можно только на основе сформированных теоретических моделей – хозяйственных систем (абстрактно-теоретических конструкций), которые характеризуются тремя группами элементов: духом как основным побудителем к хозяйственной деятельности; формой как совокупностью социальных, юридических, политических отношений; субстанцией как технологическим способом производства. На этом основании он определяет три уровня детерминации экономических явлений в экономических системах: социально-психологический, социально-организационный (институциональный), технико-экономический.

Основными, по мнению В. Зомбарта, в системе капиталистической экономики являются три элемента. Первый элемент – это стремление к максимальной прибыли, так как денежный выигрыш является духовной

основой экономической деятельности. Вторым элементом – институциональная организация, в основе которой лежит преобладание частной собственности, свободное распоряжение работником своей рабочей силой, центральная роль предпринимателя в производстве и распределении доходов, а также незначительная роль государства. Третьим элементом является техническая основа, которая определяется прогрессивными средствами производства.

В. Зомбарт характеризует эволюцию хозяйственной системы как многофакторный процесс, интегральный результат взаимодействия всех подсистем. Определяющим фактором, движущей силой в развитии общества является хозяйственный дух, который при капитализме имеет две основные составляющие в виде духа предпринимательства и бюргерского духа. Первый является определяющим в динамической модели капитализма и характеризуется готовностью к риску, богатством идей, умением комбинировать факторы производства и сбывать товары. Второй определяет консервативную модель капитализма и включает в себя бережливость, расчетливость, умеренность и т. д.

Изменение положения этих двух составляющих (приоритетное или подчиненное) в хозяйственных эпохах, по мнению В. Зомбарта, и определяет содержание самой эпохи.

Экономическую систему В. Зомбарт рассматривает как процесс совместного сосуществования, взаимного дополнения и взаимосвязи высококонцентрированного, мелкого и среднего частного производства, государственного сектора и кооперативного уклада. Тем самым взаимопереплетение этих различных форм хозяйствования формирует «смешанное» общество, перспективы экономического развития которого должны органически сочетать в себе рыночные механизмы с элементами

планомерности и организованности. По В. Зомбарту планомерность и организованность вытекают из рациональной деятельности крупных компаний, из усиления воздействия государства на экономические процессы, что должно позитивно отражаться на сглаживании циклических колебаний, преодолении кризисов, безработицы, делая капитализм управляемым и регулируемым. Тем самым смешанная экономика обеспечивается потенциалом эволюционного прогресса.

В выпшедшей в 1934 г. работе «Немецкий социализм» В. Зомбарт оценивает перспективу эволюции рыночной системы в посткапиталистическое общество.

Основываясь на последствиях мирового экономического кризиса, В. Зомбарт определяет объективную необходимость государственного вмешательства в хозяйственную жизнь.

Таким образом, идеи М. Вебера и В. Зомбарта были обусловлены объективной необходимостью поиска ответов на те существенные проблемы, которые отчетливо проявились на рубеже веков. Предпринятую ими попытку дать определение понятия «экономическая система», рассмотреть её содержание и эволюцию, основываясь на существующих тенденциях в экономических процессах, можно оценить как существенный вклад в разработку одной из актуальных до настоящего времени проблем.

Их идеи нашли воплощение в формировании теоретической модели различных типов «смешанной экономики». А огромная роль развития малого и среднего бизнеса и их влияние на формирование современных национальных экономик, обеспечение их устойчивости, гибкости в реагировании на изменение ситуации на рынке свидетельствуют о глубоком понимании ими этих проблем.

Мысли В. Зомбарта о том, что производство все большего количества товаров, механизмов, технологий будет сопровождаться ростом власти финансового капитала и разрушением «органических стилей жизни» населения, затем национальных государств находит свое подтверждение в наше время.

Выступая как сторонник постепенного и мирного формирования европейской конфедерации, В. Зомбарт на много десятилетий предвосхитил те тенденции европейской интеграции, которые в настоящее время доказывают свою жизненность и актуальность.

Аналогичная ситуация и с теорией экономических систем, которая призвана обеспечить формулировку общих правил рационального выбора в сфере экономического механизма. Определение концептуальных положений сравнительного анализа, выявление специфических особенностей национальных институциональных структур, их роли, как в социальной организации общества, так и в экономических системах, формах их организации и сейчас находят своих сторонников и получают дальнейшее развитие.

В исследовании экономических систем первой теоретико-системной концепцией является «Тектология» А.А. Богданова. По мнению академика А.Л. Тахтаджяна, «это фундаментальная всеобъемлющая наука об универсальных типах и закономерностях структурного преобразования любых систем, строения и развития разных организационных форм... общая теория организации и дезорганизации»¹⁸.

Тектология представляет собой масштабную попытку создания универсальной научной системы обобщения и познания человеческой практики конца XIX–начала XX вв. Предметом её исследования стали наиболее общие формы, принципы и закономерности

сти явлений и процессов, а также особенности их использования для решения задач познавательной деятельности.

Важнейшим направлением исследования А.А. Богданова стала фрагментарность, раздробленность и несовершенство сложившейся механистической картины понимания мира, основанной на разобщённости областей специализированных наук. А в качестве цели исследования было принято повышение эффективности расходования сил и ресурсов общества в связи с нерациональным дублированием в нем научных знаний. Для достижения этой цели и была поставлена задача создать научную систему, которая объединит разрозненные научные принципы, обеспечит интеграцию различных отраслей науки в единое целое.

По мнению академика А.Л. Тахтаджяна, даже через 75 лет после появления первой части «Всеобщей организационной науки» можно утверждать, что по своей стройности, глубине и широте построения тектология осталась непревзойденной.

Важнейшим направлением рассматриваемой работы А.А. Богданова является анализ структурных форм и механизмов преобразования систем в процессе их функционирования и развития, которое имеет актуальнейшее значение для наших дней, когда идет интенсивный поиск форм и методов противостояния мировому финансовому и экономическому кризису.

Именно исследовательские подходы «Тектологии» сочетают в себе как анализ объективных общесистемных закономерностей, так и разработку на этой основе обобщенных условий организационной эффективности систем, методов эффективной организационной деятельности. Отмечая этот вклад, кибернетик М.И. Сетров пишет: «...многие общетеоретические проблемы системного подхода, разработанные

А.А. Богдановым полнее и более строго, чем в современной теории систем и кибернетике»¹⁹.

Важнейшим достоинством тектологии является исследование системных явлений в динамике. На этой основе осуществляется детальный анализ элементарных механизмов системных преобразований с последующим проецированием их на получение комплексных системных эффектов.

В «Тектологии» сформулированы фундаментальные законы теории систем: относительных сопротивлений, организационной прочности, формирования дополнительных отношений между компонентами комплекса, как условия его устойчивости.

Анализ «Тектологии» А.А. Богданова академиком А.А. Тахтаджяном, М.И. Сетровым и другими авторами, свидетельствует о полноте, масштабности и содержательности исследуемых им общетеоретических проблем системного подхода.

Следовательно, «Тектологией» А.А. Богданова было заложено основание дальнейшей разработки общей теории формирования, функционирования и развития систем, даны теоретические основы организационной оптимизации систем. По масштабности и широте освещения проблем функционирования систем, по стремлению выявить и более детально определить конструкцию механизмов взаимосвязи системно – организационных явлений это наиболее яркое исследование, которое не теряет этих качеств и в сравнении с более поздними теоретико-системными концепциями.

Во второй половине XX века в исследовании экономических систем можно выделить новые направления.

Институциональное, которое представлено работами: Дж. Гэлбрейта, Р. Коуза, У. Митчелла, Д. Норта. а также работами российских исследователей С. Авдашева, А. Аузана, В. Радаева, В. Тамбовцева, А. Шаститко,

А. Яковлева и др., определяющих экономическую систему как результат взаимодействия экономических, политических и духовных факторов и воплощенных в конкретные формы государственных институтов.

Теория хозяйственного порядка, в основу которой были положены взгляды В. Ойкена, изложенные в 1947 г. в многократно переизданной книге «Основания национальной экономики».

В экономической системе В. Ойкена протекание хозяйственного процесса обусловлено взаимозависимыми общественными формами частных порядков – политического, культурного и экономического.

В теории В. Ойкена отвергаются как капиталистическая система, так и социалистическая система хозяйствования. В ней формируется социально-рыночная экономическая система, основанная на экономическом гуманизме, с минимальным вмешательством государства в экономику, и обуславливающая формирование эффективного международного рыночного хозяйства. Создание новой экономической системы должно исходить из следующих принципов: обеспечение свободной конкуренции; свободы поведения предпринимателя; частная собственность на средства производства; полная ответственность предпринимателя за свою хозяйственную деятельность.

Вместе с тем все более четкое проявление последствий мирового экономического кризиса 2008 г. и антикризисные меры, принимаемые для стабилизации положения в национальных экономических системах, свидетельствуют о том, что многие теоретические положения В. Ойкена не получили своего практического подтверждения, а функциональные модели национальных экономических систем оказываются неработоспособными, в связи с чем, кризис инициировал активную

разработку концепций, функциональных моделей, эффективных инструментов оптимального поведения в новых условиях.

Однако использование тех же теоретических и практических подходов, которые были выработаны в своем большинстве во второй половине XX в. на базе теорий, сформировавшихся в условиях эйфории бескризисного развития, зачастую не дает ожидаемых результатов.

Стержневой проблемой низкой эффективности теоретических и практических разработок является отсутствие достаточно глубоко обоснованной методологии развития экономических систем, тенденций обуславливающих это развитие, и на этой основе формирование общих и специфичных методов исследований развития экономических систем.

Формированию методологии научных исследований посвящены работы отечественных и зарубежных ученых, в частности, Баскакова А.Я., Елсукова А.Н., Куликова С.Б., Степина Е.С., Т. Куна, И. Лакатоса, К. Поппера, и др.

Предназначение методологии как учения о методах и процедурах научного познания мира состоит в вооружении исследователя системой методов для получения и разработки знаний в рамках конкретной научной области. Поэтому в последние годы все больше научных исследований основываются на использовании методов институционализма, системный подход которого к явлениям и процессам заключается в том, чтобы выйти за границы анализа экономических категорий, используя внеэкономические факторы. Кроме того, привлекательность институционализма заключается и в том, что он не игнорирует экономические категории, прошедшие вековую теоретическую выверенность и практическую апробацию, а

предлагает рассматривать их через призму влияния более широкого спектра факторов.

Системность в методологии институционализма проявляется и в том, что он рассматривает экономическую систему как часть более общей, социальной системы, где экономическая система является равной во взаимосвязи с системой политики, культуры науки и др. Это проявляется и в трактовке экономики как эволюционирующей системы, процессы в которой имеют кумулятивный характер, порождаемый взаимодействием различных экономических феноменов, усиливающих друг друга. Системность в исследовании, с позиции институционализма, заключается не только в составлении прогноза развития, но и в глубоком обосновании системы взаимосвязей, в формировании на этой основе рекомендаций по осуществлению изменений в политике и в общественном сознании.

Слабостью позиции институционализма является сосредоточение его внимания на решении актуальных, значимых и отдельных задач при отсутствии разработанной общей, логически стройной теории функционирования экономической системы, её общей методологии.

Таким образом, исследование системности экономических явлений в динамических процессах прошло длительный путь, в ходе которого предпринимались попытки обосновать действительные причины и механизмы экономической динамики, природу её циклического развития. Выкристаллизовывалась потребность в формировании системного мышления с его ориентацией на использование системных закономерностей, позволяющих соединить взаимодополняющим образом множество разрозненных, часто противодействующих друг другу факторов, влияющих на функционирование экономических систем. В то же время события,

связанные с проявлением современного мирового финансово-экономического кризиса, свидетельствуют о потребности в более глубоких научных исследованиях экономических процессов, о необходимости формирования методологической базы для исследования глубинных динамических процессов, происходящих в экономических системах разных уровней.

1.2. Основные теоретико-концептуальные направления в исследовании развития экономических систем

Проблема экономических изменений принадлежит к числу ключевых в функционирующих экономических системах. Значимость и многогранность понятия «экономическое изменение» состоит в том, что оно обеспечивает трансформацию экономических систем, определяет становление новых форм взаимодействия экономических элементов в системе. Под влиянием изменений в экономических системах разных уровней происходят технологические, экологические, демографические, политические и т. п. изменения различной скорости, масштаба, сложности, направленности. Все эти разновидности изменений вызываются различными причинами (факторами, источниками), иерархию которых достаточно сложно реконструировать, поскольку их множество, и между ними устанавливаются причудливые взаимосвязи. Факторы структурные (интересы и ценности социальных групп), нормативные (системы норм и обычаев) и поведенческие (индивидуальные предпочтения) представляют значительную, но далеко не полную совокупность источников экономических изменений. Эти изменения приобретают разнообразные конфигурации. Основываясь на исследованиях У. Мура, можно выделить следующие направления экономических изменений: постепенный

и непрерывный рост; стадильная ступенчатая эволюция; неравномерное развитие, в основе которого лежит принцип непропорциональности темпов эволюции; циклический рост; разветвленная, многолинейная динамика; циклическая безвекторная динамика; логистический рост; упадок в соответствии с логистической кривой; экспоненциальный рост; падение по нисходящей экспоненте²⁰.

Многоаспектность экономических изменений существенно осложняет процедуру концептуализации данного понятия. Определение экономического изменения зависит от дисциплинарных привязанностей авторов, от акцентуации внимания на различных сторонах экономических изменений. Поскольку само изменение экономических систем в высшей степени многозначно, многосторонне, его историческое изучение велось в рамках различных теоретико-концептуальных подходов, призванных объяснять характер и направленность изменений. В их числе: эволюционная, циклическая, конфликтологическая и синергетическая концепции. Но поскольку ни конфликтологическая, ни синергетическая концепции, по мнению автора, не являются тем теоретическим мостиком, который ведет к пониманию процесса формирования динамики экономических систем и природы их цикличности, основное внимание будет уделено анализу эволюционной концепции и, в частности, одному из её представителей Л. Мизесу. Это в значительной степени обусловлено той ролью в эволюционном процессе, которую Л. Мизес определил общественному разделению труда в развитии экономических систем.

В XIX в. широкой популярностью пользовалась эволюционная концепция, в основу которой были заложены предсказуемость, кумулятивность изменений в

развитии общества как в процессе движения от более простой стадии развития к более совершенной и сложной.

Понятие «эволюционная экономика» основывается на понятии «эволюция», что по существу тождественно понятию развития и используется для анализа содержательных изменений в экономических процессах.

Эволюционный подход к развитию экономических систем можно наблюдать уже в работах А. Смита «Теория нравственных чувств, или Опыт исследования о законах, управляющих суждениями» и «Исследование о природе и причинах богатства народов», характеризовавшего влияние рынка на мотивы поведения человека, который с целью получения собственной выгоды игнорирует положение всего общества²¹.

Исследуя природу возникновения общественных институтов, обеспечивающих как стабильность развития общества, так и становление механизма цен на все товары и услуги, А. Смит приходит к объяснению распространения действия «закона» богатства на все общество.

По мнению А. Смита, люди рождаются с очень близкими возможностями, но в процессе развития человека, на основе его образования и деятельности, жизненного опыта формируется различие в способностях каждого: «различие между самыми несхожими характерами, между ученым и простым уличным носильщиком, например, создается, по-видимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием». Отсюда и вытекает, что, навыки «не столько причины, сколько следствия разделения труда»²².

Во взглядах Дэвида Юма при исследовании им процесса возникновения законов и обычаев²³. также последовательно представлены эволюционные взгляды на зависимость развития экономических систем от раз-

вития социальных процессов. Д. Юм предлагает использовать в исследовании процессов развития общества механизм естественного отбора, отмечая, что каждая из форм существования должна обладать силами и органами, которые необходимы ей для этого существования. Поэтому, по его мнению, правила морали не являются чистым плодом нашего ума, так как они формируются в процессе длительного исторического развития общества с целью обеспечения взаимосвязи и сосуществования различных социальных групп²⁴.

Следовательно, понимание эволюции биологической, социальной и культурной систем, которые являются продуктами естественного отбора, формируется в общественных науках уже в этот период. В то же время во взглядах А. Смита и Д. Юма преобладает не эволюционное, органическое, а механистическое понимание развития. Поэтому поиск «законов движения» экономических систем, по их мнению, осуществлялся по наитию, вследствие эгоистических индивидуальных действий экономических агентов, подобно действию невидимой руки рынка балансирующей вследствие изменения спроса и предложения. В связи с этим, и порядок, и целостность жизни общества и природы возникают вследствие непреднамеренных действий индивидов, координация и благополучное развитие которых достигаются благодаря специализации и разделению труда.

Подчеркивая огромную значимость эволюционных взглядов А. Смита и Д. Юма, Ф. Хайек отмечает, что язык, мораль, право и деньги являются образцами эволюционного отбора и формирования спонтанных порядков, представляя интеллектуальный инструментарий эволюции. Подчеркивая фундаментальную роль общественных наук в формировании теории эволюции, он отмечает, что «работе Дарвина предшествовали

длившиеся уже несколько десятков лет (фактически столетие) исследования, посвященные возникновению сложноорганизованных спонтанных порядков в ходе процесса эволюции»²⁵.

Значительное место в развитии идей эволюции экономических систем и в применении эволюционного подхода к анализу этических проблем и социальных процессов во второй половине XIX в. занимают взгляды Г. Спенсера. Об этом свидетельствует его влияние на развитие экономики и других общественных наук в конце XIX–начале XX в., формирование взглядов таких известных экономистов как Т. Веблен, А. Маршалл, развитие австрийской экономической школы.

По мнению Г. Спенсера, эволюция представляет собой прогресс совершенствования эффективности по направлению движения к идеальному состоянию: «прогресс есть не случайность, а необходимость ... как и развитие зародыша, или цветка»²⁶.

Отсюда и эволюционное развитие является процессом совершенствования более низких форм организации экономических систем к более высоким формам, движения от худших состояний к лучшим, где сложность характерна более развитым и более адаптированным формам. Отсюда эволюция экономических систем представляет собой изменение от однородного к разнородному.

Разнообразие экономических систем является результатом и целью эволюционного процесса, где эволюция выступает процессом достижения равновесия и гармонии в ходе которой: «изменения, представляемые эволюцией, не могут прекратиться, пока не будет достигнуто равновесие, и что равновесие это в конце концов должно когда-нибудь наступить»²⁷. Именно разнообразие, утверждает Г. Спенсер, ведет к развитию, в ходе которого внешняя среда является главной при-

чиной изменений, а разнообразие внутри популяций есть функция от внешней среды, в которой существует биологический организм.

Важнейшим условием развития экономических систем выступает стремление человека удовлетворить свои желания, что спонтанно привело его к кооперации с себе подобными. Накопление знаний, переросших в науку, развитие производственной деятельности стало результатом побуждения граждан к действию на основе собственных предпочтений и их добровольной кооперации, самоорганизации, осуществляющейся без помощи государства, или даже вопреки воле государства. Развивая эту мысль, Г. Спенсер предрекает сокращение функций государства и замену их обычной кооперацией.

В конце XIX века эволюционный подход в развитии экономических систем применяется К. Менгером, австрийским экономистом, основателем австрийской школы. Его основные работы по экономической теории: «Основания народнохозяйственного учения» (1871 г.); «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (1883 г.); «Ошибки историцизма в немецкой экономической теории» (1884г.)

Характерным для работ К. Менгера является стремление определить закономерности в развитии экономических систем, где существенную роль играют деньги как экономический феномен, возникающий в результате целенаправленных действий отдельных хозяйствующих субъектов, с целью создания средства обмена. Исследуя фундаментальные причины возникновения денег в процессе формирования обменных отношений и их особенности, К. Менгер приходит к выводу, что деньги проходят на своем эволюционном пути ряд этапов. Сначала, в процессе осуществления

обменных операций происходит накопление тех товаров, которые обладают большей способностью к обмену, так как их можно обменивать на остальные блага. Затем товары, обладающие этими качествами, играют роль посредников в осуществлении обменных операций. И уже в дальнейшем из этих товаров выделяется особый товар, обладающий наибольшей способностью к обмену. Этот товар и превращается в деньги.

К. Менгер выступает как автор эволюционной теории денег, где они служат объективным результатом общего процесса развития экономических систем, результатом естественного отбора, где происхождение денег как конкретного явления в экономической жизни представляется её конкретным воплощением, органическим социальным институтом²⁸. В 1871 г. в «Основах политической экономии» К. Менгер определяет объективный характер происхождения денег: «происхождение денег ... совершенно ... естественное ... они – не продукт законодательного акта, и санкционирование их государственной властью вообще чуждо понятию денег»²⁹.

Таким образом, эволюционный подход К. Менгера к феномену возникновения и развития денег заключается в том, что он рассматривает их как результат естественного отбора в общем эволюционном процессе развития экономических систем как их генетическую закономерность, где экономическая теория «прежде всего, имеет задачей дать нам уразумение конкретных явлений реального мира, в качестве отдельных примеров известной законосообразности в последовательности явлений, то есть выяснить их генетически... Этот генетический элемент неразрывен с идеей теоретических наук»³⁰.

Одним из продолжателей взглядов К. Менгера стал Людвиг фон Мизес, экономист, основатель новоав-

стрийской школы в экономической науке и наряду с Ф. А. фон Хайеком – один из виднейших её представителей.

Л. Мизес внес существенный вклад в разработку проблем эволюции экономических систем на основе их циклического характера, денежного обращения, человеческого поведения, философии и теории познания.

В своей методологии он следует принципу рационализма, отрицая возможность применения методов естественных наук к анализу экономических явлений. А являясь ярким представителем либерализма, отстаивает свою позицию невмешательства государства в развитие экономических систем.

В 1922 г. выходит его книга «Социализм. Экономический и социологический анализ», в которой Л. Мизес обосновывает свои позиции как сторонник эволюционной концепции общественного развития³¹.

По мнению Л. Мизеса, экономика как наука развилась из дискуссии о денежной цене товаров и услуг, уходя своими древнейшими корнями в исследования монетарной теории, которые переросли в изучение движения цен. Он отмечает: «Деньги, денежные цены и все, связанное с вычислениями в денежном выражении, – вот те проблемы, с которых началась экономическая наука»³².

Характеризуя объективную обусловленность эволюции экономических систем, деятельностью людей, Л. Мизес определяет необходимость деятельности неполной удовлетворенностью человека, его нуждой. Она порождает его целенаправленное стремление, где конечная цель состоит в том, чтобы избежать того, что представляется несовершенством, т. е. насытить нужду, достичь удовлетворения и стать более счастливым. Следовательно, если бы люди имели в избытке

необходимые природные ресурсы для полного удовлетворения своей нужды, то они могли бы пользоваться ими необдуманно. Им пришлось бы учитывать только собственные силы и наличное время. Но все-таки им пришлось бы экономить время и труд, так как экономия материалов их не интересовала бы.

На самом деле ограниченность материалов приводит к тому, что их приходится использовать так, чтобы удовлетворить сначала наиболее насущные нужды. Поэтому на каждую потребность приходится стараться расходовать меньшее количество материалов.

В этом, по мнению Л. Мизеса, сферы рациональной и экономической деятельности совпадают, и всякое разумное действие является одновременно и действием экономическим, а всякая экономическая деятельность рациональна именно на основе этих действий и формируется общество: «Экономическая деятельность есть деятельность рациональная. И поскольку полное удовлетворение невозможно, сфера экономической деятельности совпадает со сферой рационального действия. Она состоит в первую очередь в оценке целей, а затем – в оценке средств, ведущих к этим целям. А значит, вся экономическая деятельность зависит от существования целей. Цели господствуют в экономике, и только они сообщают ей смысл»³³.

Посредством попыток установить силы, которые определяют развитие общества, рациональная философия истории стремится открыть закон социальной эволюции, который действует на всем протяжении существования общества и определяет его развитие. И если это не так, то необходимо выдвинуть другой закон и показать, при каких условиях управляет первый, а при каких – второй. «Но это означает всего лишь, что конечным законом общественной жизни

будет закон, определяющий границы действия и сменяемость законов социальной эволюции»³⁴.

Установление закона, в соответствии с которым общество растет и изменяется, не тождественно определению направления общественной эволюции, так как всякое данное направление развития по необходимости ограничено, имея и начало развития, и его конец. В то же время область действия закона принципиально не ограничена, т. е., не имеет ни начала действия, ни его конца.

В науке об обществе причинность остается фундаментальным принципом познания, определяет Л. Мизес. А поскольку наука не может выносить суждений о целях, то она не может ничего сказать и об эволюции к более высокой стадии, как это имеет место у Гегеля, где развитие есть последовательное восхождение мирового духа, абсолютной идеи через сменяющие друг друга образы культуры к полному самопознанию, или у Маркса, где история общества есть закономерная смена общественно-экономических формаций, обусловленная развитием производительных сил и находящая свое завершение в коммунистическом устройстве.

По мнению Л. Мизеса, нигде нет доказательств развития по восходящей линии. Это в такой же степени относится и к пессимистической концепции истории, которая рассматривает исторический процесс как упадок. Поэтому причинность остается фундаментальным принципом познания, так как ставит вопрос о движущих силах исторического развития, которые определяют природу общества его содержание и изменения условий жизни.

Характеризуя роль науки об обществе, Л. Мизес устанавливает тесную взаимосвязь между развитием экономических систем, наукой как обособившейся системой, знаниями об эволюции биологической и

природной систем, социальным организмом и той особой ролью, которую играет в этом процессе общественное разделение труда: «Современная биология позаимствовала у науки об обществе ... развитие, разделение труда и борьбу за существование. Но она не остановилась на метафорах и выводах по аналогии, а к своей пользе развила благоприобретенное»³⁵. В то же время он отмечает, что одно только сравнение с биологическим организмом должно было бы научить социологию, что социальный организм может быть достигнут только как система органов. Это означает именно то, что сущность организма составляет разделение труда. Только разделение труда делает из частей члены, в совместной работе которых распознается единство системы, организма. Это в полной мере относится как к жизни растений, животных, так и к жизни общества. «Именно в терминах разделения труда общественный организм может быть уподоблен биологическому. Разделение труда есть *tertium comparationis* (*tertium comparationis* – третье сравниваемое (лат.), т. е. общий признак сравниваемых вещей, явлений) давнишних аналогий. Разделение труда есть фундаментальный закон организации всех форм жизни [Hertwig, *Allgemeine Biologie*, 4 Aufl., Jena, 1912, S. 500 ff. Гертвиг О., *Общая биология*, Спб, 1911, С. 517 и след.; Hertwig, *Zur Abwehr des ethischen, des sozialen und des politischen Darwinismus*, Jena, 1918, S. 69 ff.]»³⁶

По мнению Л. Мизеса, сначала закон разделения труда был установлен в сфере общественной жизни, когда политэкономы подчеркивали значение разделения труда в общественном хозяйстве. Затем его, как принцип в биологии, воспринял в 1827 г. французский естествоиспытатель, профессор зоологии Мильн-Эдвардс Анри (1880–1935).

В то же время, несмотря на то, что разделение труда можно рассматривать как общий закон, необходимо учитывать, что он действует по-разному на уровне организмов животных, растений и на уровне организации человеческого общества. Поэтому происхождение, эволюция и значение физиологического разделения труда не имеют ничего общего с природой разделения труда в обществе. В человеческом обществе разум и воля способствуют объединению прежде независимых групп и превращению их в часть некоего целого, тогда как на уровне организмов, животных, растений вмешательство этих сил невообразимо.

Но развитие экономических систем и развитие разума является единым процессом поскольку, по – мнению Л. Мизеса, развитие общественных отношений выступает исключительно результатом действия воли. Само общество является продуктом мысли и воли и не существует помимо того и другого. «Его бытие – внутри человека, а не во внешнем мире. Изнутри оно проецируется наружу. Общество – это сотрудничество, это общность в действии. Определить общество как организм – значит определить его как систему разделения труда. ... Эволюция от человека-животного к человеку разумному была возможна и была осуществлена только благодаря общественному сотрудничеству. Только так мы можем понять высказывание Аристотеля, что человек есть животное общественное»³⁷

Л. Мизес исследует разделение труда как закон общественного развития. Он отмечает, что мы еще далеки от понимания глубоких тайн жизни, законов происхождения живого.

С этой целью и необходимо более тщательное исследование разделения труда, которое исторически имеет два природных источника: неравенство человеческих способностей и разнообразие внешних условий

жизни человека на земле, которые можно свести к разнообразию природы. Поэтому, как только поведение человека становится сознательным и логичным, оно подпадает под действие неравенства человеческих способностей и разнообразия внешних условий жизни. Эти условия буквально навязывают человечеству разделение труда.

Теоретические взгляды Л. Мизеса основываются на исследовании процесса общественного разделения труда³⁸, Э. Дюркгеймом, который вслед за О. Контом и в споре с Г. Спенсером стремится доказать, что разделение труда укоренилось не потому, что оно способствует росту производства, как это доказывают экономисты, а в результате борьбы за существование.

Э. Дюркгейм особое внимание уделяет специализации как важнейшей составляющей разделения труда, он устанавливает её тесную взаимосвязь с плотностью населения, что чем выше плотность населения, тем острее борьба за существование. Это обстоятельство вынуждает индивидуумов развивать специализацию, в противном случае они не смогут себя прокормить. При этом Э. Дюркгейм не замечает, что определяющее значение разделения труда состоит в том, что оно ведет к росту производительности труда. Отрицая связь между ростом производительности труда и разделением труда, Э. Дюркгейм исходит из ложного понимания основного принципа утилитаризма и из закона насыщения потребностей. Поэтому его представление о развитии цивилизации под давлением изменений в размере и плотности населения неприемлемо.

Рост населения обусловлен ростом производительности, которая обеспечивает возможность прокормить все большее число населения, а не наоборот. Но сама производительность труда возрастает на основе разделения труда и его следствия – специализации труда. И

только на этой основе формируется кооперация как необходимое сотрудничество в условиях разделения труда, которое приводит к использованию разнообразных способностей людей и является основой зарождения территориального разделения труда.

Поэтому Л. Мизес и определяет, что если бы силы и способности каждого, как и внешние условия производства, были везде одинаковыми, то необходимости в разделении труда не было бы. А человек сам по себе никогда бы не додумался до того, чтобы облегчить себе борьбу за существование разделением труда и сотрудничеством. Он основывается на исследовании К. Штейнена об огромном значении многообразия местных условий производства для начальных этапов разделения труда³⁹. По мнению К. Штейнена, общественная жизнь не смогла бы возникнуть у людей с одинаковыми от природы способностями и в мире, наделенном географическим однообразием, так как возможное объединение людей для решения задач, непосильных для отдельного человека, не ведет к образованию общества вследствие своей кратковременности. Но для происхождения общественной жизни эти объединения важны тем, что они, сближая людей, приносят понимание различий в природных способностях, а это, в свою очередь, дает начало разделению труда.

Уже сам факт разделения труда становится фактором дальнейшей дифференциации. Оно обеспечивает дальнейшее совершенствование индивидуальных способностей, благодаря чему сотрудничество становится все более производительным. В сотрудничестве человек в состоянии выполнять то, что ему одному было бы не по силам, а посильные труды делаются более производительными. Это становится очевидным

после того, когда условия роста производительности в условиях сотрудничества формулируются с достаточной точностью для анализа.

Качественно новым этапом в развитии понимания эволюционной природы развития экономических систем является установление роли международного разделения труда как важнейшего условия усиления взаимозависимости национальных экономических систем и формирования на их основе глобальной экономической системы. Важнейшей заслугой А. Мизеса является его вывод, основанный на исследованиях Д. Рикардо⁴⁰, Д. Миля⁴¹, который определяет эволюционную обусловленность качественных характеристик разделения труда, степень свободы отношений между странами. Он тесно увязывает несвободный характер движения труда и капитала между странами с относительными расходами на производство как производными географического разделения, но не абсолютными расходами, присущими для свободного характера отношений. Но «когда тот же принцип был приложен к разделению труда между индивидами, обнаружилось, что преимущество возникает не только от сотрудничества с теми, кто превосходит тебя в том или ином отношении, но и от сотрудничества с теми, кто решительно во всех отношениях тебе уступает»⁴². Следовательно, основанное на разделении труда преимущество имеет общий характер, как для индивидов, так и для экономических систем, сотрудничество с менее одаренным, способным и прилежным приводит к выигрышу, как и сотрудничество с более одаренным, способным и прилежным. Этот выигрыш основывается на росте производительности труда в результате его разделения и объединения. Именно этот исторический опыт, по мнению А. Мизеса, обращает врагов в друзей, войну в мир и создает из разрозненных людей общество. В этом про-

цессе торговля является техническим средством для разделения труда. Такое осознание природы организма и преодоление концепции организации как основной модели понимания мира, является одним из величайших достижений науки.

Особое значение в теоретических взглядах Л. Мизеса, по нашему, мнению, для определения целостности экономических систем, имеет его понимание формирования общества, существующее только там, где волеизъявление делается совместным, а действие превращается в содействие. Поэтому общество, это кооперация в совместном стремлении к целям, которые для отдельного человека или совсем недостижимы, или достижимы с меньшей эффективностью. Этот подход позволяет установить естественный характер целостности экономических систем. Благодаря такому подходу общество является не целью, а средством, с помощью которого каждый отдельный член общества стремится достичь собственных целей. И само общество возможно потому, что воля одного человека и воля другого находят связь в общем стремлении. Общая работа возникает из стремления к тому, чтобы получить желаемое, но на том основании, что и сотрудничающие получают желаемое, поэтому их воля и его деятельность становятся средствами для индивида, с помощью которых он достигает собственных целей.

В связи с этим разделение труда проливает свет на природу формирования экономических систем как естественной основы формирования человеческого общества. Осознание его значения, привело к существенному углублению знаний о человеческом обществе. Об этом убедительно свидетельствует сравнение взглядов Э. Канта и его предшественников, которые выдвинули в XVIII веке учение о разделении труда, где рикардовской теории международной торговли –

недоставало теории общества. Несмотря на то, что учение о гармонии интересов уже содержало все далеко идущие приложения, столь важные для теории общества. Но Э. Кант не уделяет внимания этим идеям, он связывает с международным разделением труда и международной торговлей возможность будущего вечного мира, отказа от войн.

На основе взглядов Л. Мизеса можно установить тесную зависимость развития экономических систем с расширением сферы применения разделения труда, что означает прогресс национальных хозяйств, направленных на все более полное удовлетворению потребностей членов общества. Этот прогресс одновременно является и социальным прогрессом, поскольку предполагает интенсификацию общественных отношений.

В то же время, теория эволюции Л. Мизеса имеет следующие черты незавершенности. Первая из них состоит, прежде всего, и важнее всего в том, что определив общественное разделение труда как закон развития, он связывает его определяющее влияние с воздействием извне, но не устанавливает его внутреннее устойчивое взаимодействие с другими системами общества, что должно быть определяющим для закона развития, который оказывает существенное влияние на характер изменений в общественном производстве.

Вторая характерная черта незавершенности теории эволюции – в неполноте исследования причинно следственных взаимосвязей развития общественного разделения труда с другими системами общества. Именно эта характерная черта, по нашему мнению, явилась основной причиной того, что Л. Мизес остановился в одном шаге от понимания природы цикличного характера экономической системы. Определив в основе теории эволюции разделение труда как закон, управляющий ростом и упадком организма⁴³, где периоды упадка

связаны с периодами регресса в разделении труда, а периоды развития с прогрессом в совершенствовании системы разделения труда которое народами никогда полностью не утрачивался, а подхватывалось другими народами, ускоряя развитие⁴⁴ на основе реализации ее преимуществ. Л. Мизес делает вывод, что прогресс системы разделения труда целиком зависит от реализации ее преимуществ – более высокой производительности.

Для него неприемлем вывод К. Маркса о зависимости общественного строя от достигнутой степени технического развития, который в дальнейшем избегал этой ранней версии: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом»⁴⁵. По мнению Л. Мизеса, «Попытка истолковать развитие общества как результат развития техники является просто способом обойти проблему, никак ее не решая. Как в рамках такой концепции можно объяснить само развитие техники?»⁴⁶.

Эти обоснования опираются на исследования Адама Фергюсона (1723–1816), шотландского философа и историка, учителя А. Смита, который показал, что развитие техники зависит от общественных отношений, а каждый век развития техники дает лишь то, чего позволяет достигнутая степень общественно-го разделения труда⁴⁷.

Существенное значение, как для определения природы цикличности экономической системы, так и на цельное формирование понимание взаимосвязи эволюции разделения труда и развития технологий в общественном производстве имеют и взгляды известного немецкого философа и социолога профессора Лейпцигского университета Пауля Барта⁴⁸, по мнению которого, технические усовершенствования возможны лишь там, где разделение труда создало почву для их использования.

На этой теоретической базе и формируется его мнение, что механизированное производство товаров предполагает такое общество, где на небольшом числе предприятий можно сконцентрировать производство товаров для десятков тысяч или миллионов человек. Поэтому в обществе натуральных крестьянских хозяйств нет места для паровой мельницы. И только разделение труда может натолкнуть на мысль о механизации мукомольного производства: «Сведение всех общественных явлений к развитию системы разделения труда не имеет ничего общего с грубым и наивным материализмом технологических и других материалистических концепций истории»⁴⁹.

Взгляды, А. Смита, А. Фергюсона, П. Барта, Л. Мизеса на взаимосвязь разделения труда и развитие технологий в общественном производстве имеют прямое отношение и к сформировавшемуся в последние десятилетия направлению в российской экономической мысли (работы Глазьева С.Ю., Яковца Ю.В., Акаева А. и др.) об определяющей роли технологических укладов в формировании больших экономических циклов, где основу технологических укладов составляют крупные изобретения и внедрение в производство принципиально новых технологий, обеспечивающих существенный рост производительности труда.

Теоретические взгляды А. Смита, А. Фергюсона, П. Барта, Л. Мизеса противоположны и мнениям целой плеяды романтиков, оплакивавших тот факт, что человек прошлого, чьи силы были «гармонически» развиты в условиях натурального хозяйства, но системой разделения труда они превращены из независимых индивидуумов в зависимое общественное существо.

В этом плане подлежит критике и марксистская позиция, в соответствии с которой при достижении высшей стадии коммунизма «исчезнет порабощающее че-

ловека подчинение его разделению труда ... исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда⁵⁰. На этом основывается и критика К. Марксом Прудона, который по этой причине не понимал «даже этой единственно революционной стороны фабрики»⁵¹.

Иллюзорное восприятие развития экономической системы в том и заключается, что в условиях развивающегося и усложняющегося процесса разделения труда невозможно достичь поставленных целей по удовлетворению возрастающих потребностей человека затратами лишь того количества труда, которое не тяготит человека. В то же время независимый в экономическом отношении труд работника будет менее производительным, соответственно его трудовые усилия для достижения своих целей тем более не будут приносить удовлетворения. Чем дальше человек, включенный в экономическую систему, уходит по пути специализации труда, тем больше рост производительности специализированного труда в значительной степени вознаграждает его за потерю удовольствия от самого труда. Поэтому каждый новый этап развития экономических систем, предполагает качественно новый уровень системы разделения труда и его специализации, обеспечивая и качественно новый уровень производительности труда как неперемное условие улучшения экономического положения самого человека. Поиски же гармонично развитого человека у истоков хозяйственного развития являются тщетной задачей, так как по справедливому замечанию Э. Дюркгейма, личность не была дарована человеку изначально, она была приобретена в ходе эволюции общества⁵².

В то же время, эволюционное развитие экономических систем под призмой развития системы разделения труда обусловлено волей самого человека, пониманием

своих выгод, вытекающих из своего участия в общественном процессе, из которого вытекает усиление общественных связей как подъем на более высокую ступень развития. Отсюда вытекает и объективная обусловленность самого процесса развития экономических систем, его необходимость и поступательность, в котором возможны и остановки, и периоды регресса.

В связи с этим, объективно возникает проблема определения общественных законов, которые обуславливают развитие общества, так как цивилизации возникли и расцвели на основе неосознанного использования общественного разделения труда других законов развития, а также законов природы, формирования системы знаний, использования культурного наследия.

Поиски этих общественных законов в экономических системах прежде всего приводят к исследованию роли собственности, в том числе и частной собственности, где разделение людей на собственников и не имеющих собственности происходит в результате разделения труда, а социальная функция частной собственности на средства производства заключается в передаче благ в руки тех, кто лучше умеет ими распоряжаться.

Соблазн отнять и разделить равномерно собственность только создает видимость повышения общего благополучия. Равномерное распределение ведет к тому, что эффективность использования собственности существенно падает вследствие неумения рачительно её использовать, эффективно осуществлять текущее производство и предвидеть перспективы. Как отмечает Ч. Бентам: «Создавая собственность, законы создают богатство, но не создают бедности; бедность есть первоначальное состояние человека»⁵³.

Отсюда истоки атавизма идеи коммунистического распределения. Кто страстно жаждет подобного пере-

распределения, тот проявляет полное непонимание природы общественного производства.

В процессе эволюции экономических систем разделение труда, первоначально ограничено узким кругом, затем оно развивается, становится все более универсальным, охватывая всё человечество, формируя общественные связи, интенсифицируя их, расширяя круг целей совместных действий. Разделение труда в своем развитии выходит за границы национальных экономик, когда становится очевидным универсальность и действительность по отношению ко всей системе общественного разделения труда, выгод от международного разделения труда. Объединение усилий наций на основе международного разделения труда обеспечивает возможность получения совокупного эффекта от системы международного разделения труда. Поэтому сердцевиной либеральной теории общества и является теория разделения труда.

Но вместе с разделением труда автоматически происходит и концентрация производства, т. е. чем сильнее расщеплена работа, тем выше должна быть концентрация однородных операций, что и является основанием рассмотрения концентрации производства как оборотной стороны разделения труда.

Указанная зависимость обусловлена тем, что система разделения труда обеспечивает большую производительность труда, в первую очередь благодаря специализации операций и процессов. Чем чаще повторяется операция, тем выгоднее использовать для нее специализированный инструмент. Расщепление труда идет дальше, чем профессиональная специализация или, по крайней мере, чем специализация производств.

Даже если рассматривать операции и процессы, объединенные в рамках одного предприятия, которое

само производит все компоненты конечной продукции как единое производство, то можно говорить об объединении нескольких производственных единиц в общем предприятии, где каждая производственная единица включает вертикально и горизонтально объединенные процессы и операции.

Следовательно, в основе концепции развития экономических систем находится экономическая, а не техническая составляющая, так как она формируется под влиянием, прежде всего, экономических, а затем её производных – технических факторов. Отсюда и масштабы производства определяются взаимным дополнением факторов производства, оптимальная комбинация которых является важнейшим условием эффективности производства. Развитие разделения труда на каждом новом этапе обуславливает рост производственных единиц, специализацию их составных частей, определяя тем самым общие тенденции экономического развития. Поэтому действительный размер производства является результатом взаимодействия оптимальной комбинации факторов производства и специализацией производственных единиц на основе усечения разделения труда.

Оптимальное соотношение факторов производства определяет его размеры, позволяет наиболее полно использовать все факторы производства и обеспечивает наибольшую прибыль.

Производной от разделения труда и его специализации является концентрация производства, которая, в первую очередь, преследует цель объединить в одном месте обособленные специализирующиеся производства. Концентрация производства в наиболее полной мере позволяет обеспечить достижение эффекта масштаба.

В свою очередь, расположение производственных единиц, характер их естественного местоположения

определяются территориальным разделением труда, специализацией территориальных производственных единиц и наличием инфраструктуры, обеспечивающей их взаимосвязь. Поэтому территориальное разделение труда будет оказывать влияние на издержки по транспортировке сырья, материалов и готовой продукции в различных отраслях.

Концентрация производства, являясь оборотной стороной процесса разделения труда и его специализации, действует как обратная тенденция по объединению разделенного труда хозяйствующими субъектами в результате возникновения новых отраслей производства. В результате прогресса в разделении труда на место совокупности однородных производств, в каждом из которых выполняется множество различных процессов и операций, приходит совокупность различающихся производств, в каждом из которых осуществляются однородные процессы и операции. В результате число одинаковых производств сокращается, тогда как круг их прямых или косвенных потребителей растет. Если бы изготовление сырых материалов не было привязано к определенным географическим точкам – обстоятельство, действующее в направлении, противоположном тенденции к разделению труда – в каждой отрасли образовалось бы только одно производство. Об этом убедительно свидетельствует А. Вебер⁵⁴.

В то же время концентрация предприятий предполагает горизонтальный и вертикальный характер. В основе процессов и горизонтальной, и вертикальной концентрации находится капитал, который воспроизводит себя, приносит плоды и возрастает только до тех пор, пока продолжают успешные и удачные инвестиции. Чем быстрее изменяется экономическая ситуация, тем короче периоды времени, когда сделанные инвестиции можно рассматривать как источник благ. Для

новых капиталовложений, для реорганизации производства, для обновления техники нужны способности, имеющиеся только у немногих. Если в исключительных случаях эти способности переходят из поколения в поколение, потомки могут сохранить и даже преумножить оставленное им богатство, но, как правило, наследники не проявляют предпринимательских способностей, и унаследованное богатство быстро расточается.

Таким образом, даже относительно поверхностный анализ роли общественного разделения труда в развитии экономических систем позволяют сделать вывод о его определяющей роли в формировании экономической динамики. Первоначально ограниченное узким кругом, разрозненных, обособленных экономических единиц, разделение труда развивается, расширяет свое влияние, объединяет эти обособленные единицы силой закона, формируя универсальный характер все расширяющихся экономических связей – от домашних хозяйств до уровня глобальной экономики – объединяет на основе взаимодействия, интенсифицирует их на пути достижения все новых уровней производительности труда, для достижения общей цели – удовлетворения потребностей людей. На этой экономической основе, определяемой непосредственными и прямыми нуждами людей, нормами и правилами их поведения, формируется и развивается институт собственности, другие институты будущего структурированного образования – человеческого общества, где человек постепенно приходит к пониманию своей взаимозависимости в нем.

1.3. Основные подходы к определению системообразующего фактора в экономических системах

Внимание ученых, исследующих закономерности формирования и развитие экономических систем, а также исследователей теории экономического анализа, теории управления, теории организации и др., все больше привлекает проблема системообразующего фактора.

Однако целый ряд принципиальных недостатков общей теории систем, в том числе отсутствие в современной науке достаточно точного и исчерпывающего определения системы, а также и содержательной характеристики системообразующего фактора, порождает множественность противоречивых, зачастую взаимоисключающих трактовок этих понятий при исследовании экономических систем.

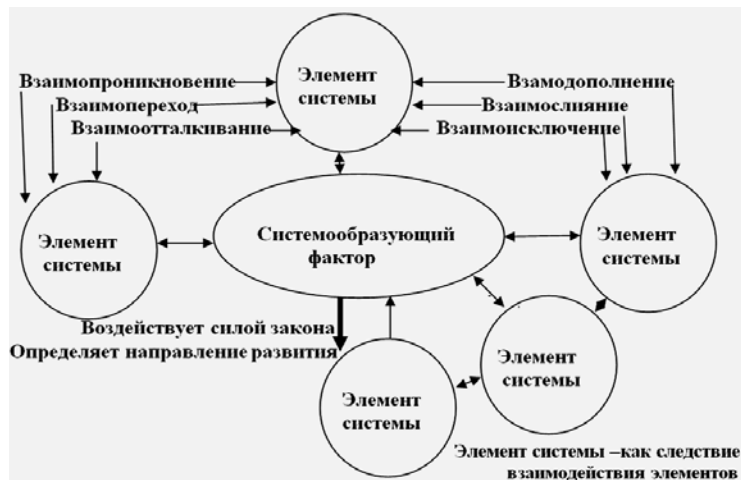
В общей теории систем в исследовательских приближениях к формулировке понятия «система» определился главный ее признак, т. е., система образуется только в том случае, если имеет место некий системообразующий фактор, который неорганизованное, хаотическое множество взаимодействующих компонентов упорядочивает и переводит на уровень системы.

Если же этот фактор, под влиянием которого хаотическое взаимодействие множеств превращается во взаимосодействующее и взаимоподдерживающее единое целое, не установлен, то нет оснований утверждать, что определено функционирование системы.

Более того, формирование системного подхода в современной науке на основе познания, как общей теории систем, так и системного подхода в целом, без вскрытия такого фактора не позволяет приложить саму общую теорию систем к конкретной деятельности исследователя, в данном случае, к исследованию экономических систем.

Следовательно, определение системообразующего фактора в экономической системе является узловой проблемой, на основе определения которой может быть обеспечено построение и определено содержание понятия «экономическая система». Отсюда вытекает, что детальное исследование экономической системы, обеспечение системного подхода к определению её содержания основывается на выявлении, достаточно аргументированном теоретическом обосновании сущности самого системообразующего фактора экономической системы. Поэтому, определение системообразующего фактора экономической системы выступает изначальной, самой основной и кардинальной проблемой в формировании и развитии теории экономической системы. Схематически система взаимосвязей системообразующего фактора и элементов системы может быть представлена следующим образом (Схема 2)

Схема 2 Взаимодействие системообразующего фактора и элементов системы

Второй по значимости проблемой теории экономической системы выступает обеспечение единства структурно-генетической составляющей теории экономических систем, где большое значение имеет определение закономерностей развития самой системы, обусловленных действием системообразующего фактора, а также возможность формировать прогнозы её развития на основе выявленных закономерностей развития общественного производства; функциональной составляющей экономической системы, которая содержит определение системы понятий, отражающих сущность экономической системы, её внутренние необходимые связи, определяющие устойчивость состояния и развития самой системы.

Указанное единство должно обеспечить взаимосвязь и взаимный переход от синтетических к аналитическим механизмам экономической системы, и наоборот. Тем самым формируется концептуальный мост, связывающий системную деятельность на уровне национальной экономики как системы с закономерностями её развития, с одной стороны, и её обусловленность развитием хозяйствующих субъектов, домохозяйств и самого человека как первичного и очень важного элемента в этой системе зависимостей, с другой.

Противоречия современного этапа формирования системного подхода к исследованию экономических систем состоит в том, что исследования общих проблем системной обусловленности динамики социально-экономических процессов, которые получили за последние десятилетия весьма серьезное развитие, в значительной степени теряют свою ценность вследствие нерешенности основной проблемы экономической системы – определения системообразующего фактора.

В значительной степени это можно объяснить тем, что многие методологические положения системной

обусловленности экономической динамики или незаслуженно предаются забвению, или игнорируются. Об этом свидетельствует представленная в исследованиях множественность и противоречивость подходов в определениях системообразующего фактора экономических систем.

Профессор П.А. Левчаев в статье «Основы системного выделения элементов финансовых ресурсов»⁵⁵ отмечает необходимость применения системного подхода к различным сферам деятельности человека и системного рассмотрения сущности явлений и процессов в современном мире.

Используя в своем исследовании положения, выдвинутые в работах таких ученых, как: А.Н. Нов⁵⁶, А.И. Уемов⁵⁷, П.В. Шичкин⁵⁸ и др., П.А. Левчаев определяет методологию своего системного исследования: «как наука принимает форму общенаучных и конкретно-научных методов исследования системы финансовых ресурсов предприятия с целью наиболее полного использования разработанных положений в практике»⁵⁹.

Автор отмечает, что для реализации системного подхода приобретают важность такие понятия как цель, элемент, межэлементные связи, структура системы, системообразующие факторы. И далее: «Цель – системообразующий фактор, ради реализации которого выделяются и функционируют элементы. Цель предполагает определенную направленность развития системы – от хаоса – к высшей форме ее организации»⁶⁰. Это положение вызывает целый ряд вопросов. Каким образом системообразующий фактор может выступать целью системы, если он является неотъемлемой частью системы? Каждая система имеет многообразие целей, совокупность которых подчинена основной общей цели – её миссии. Но и цели системы, и её мис-

сию формирует организация на основе субъективного восприятия объективных процессов. Следовательно, системообразующий фактор является субъективным по процессу своего происхождения? Как могут элементы системы выделяться и функционировать ради реализации системообразующего фактора, если и элементы системы, и её системообразующий фактор как единое целое подчинены функциям системы, и в этом случае системообразующий фактор подчиняет и упорядочивает множество взаимодействующих компонентов организации и переводит их на уровень системы.

Рассматриваемая далее трактовка роли системообразующих факторов теряет содержательность: «Системообразующие факторы – факторы, оказывающие причинно-следственную связь на образование и функционирование системы, т. е. факторы, вызывающие корреляционную зависимость между каким бы то ни было событием и структурой системы»⁶¹.

Рассматривая внешние факторы системы работ как способствующие возникновению и развитию системы, но вместе с тем являющиеся чуждыми для ее элементов, и внутренние факторы, как порождаемые системными элементами, Левчаев П.А., наряду с системообразующими факторами организации, вытекающими из её цели, утверждает, что «Существенными системообразующими факторами является пространство и время»⁶². Но пространство и время являются всеобщими категориями основных форм существования материи, ее неотъемлемыми свойствами. Они представляют собой формы, выражающие определенные способы координации материальных объектов и их состояний. Содержанием этих форм является движущаяся материя, материальные процессы, где их особенности и характер должны определять основные свойства этих форм. Почему же вдруг всеобщие категории

материи, ее неотъемлемые свойства для систем оказываются системообразующими факторами?

Профессор И. Кац в статье «Планирование – системообразующий элемент государственного регулирования экономики»⁶³, отмечает, что «близорукость» рынка можно компенсировать планомерным воздействием на ряд экономических процессов, выделяя роль государственного планирования в разработке долгосрочных прогнозов, концепции развития и т. д. Автор статьи приводит пример централизованного планирования в Южной Корее, где использование средне- и долгосрочных планов, целевых программ с установлением производственных заданий сочетается со строгой системой мониторинга хозяйственной деятельности и безжалостной экономической и административно-командной отбраковкой неудачников.

Но планирование является субъективным результатом оценки протекающих в экономической системе процессов.

Наряду с этим, И. Кац не раскрывает причину использования категории «системообразующий», её содержание, роль в предполагаемой по смыслу системе государственного регулирования и её взаимосвязь с другими элементами данной системы.

Журавлева Т.А. в статье «Налоги как системообразующий фактор экономического развития»⁶⁴, определяет влияния сферы налоговых отношений на социально-экономическое развитие государства и его регионов. Оно оценивается уровнем воздействия системы налогообложения на темпы экономического роста, что позволяет использовать систему налогообложения в качестве стимула к совершенствованию структуры экономической деятельности.

Рассматривая социально-экономическое содержание природы налогов и налогообложения как специ-

фическую форму финансовых отношений, автор отмечает, что мотивом налоговых реформ служит стремление превратить налоговую систему в импульс экономического роста. На этой основе определяется необходимость преобразования налоговой системы в российской экономике.

Таким образом, Т.А. Журавлева определяет систему налогообложения, во-первых, как стимул к совершенствованию структуры экономической деятельности; во-вторых, как составную часть эффективного механизма взаимодействия социально-экономических процессов, в-третьих, как специфическую форму финансовых отношений, обеспечивающую активное воздействие на производство и придающую импульс экономическому росту; в-четвертых, исходя из регулятивной и фискальной функции налогов устанавливает объективную необходимость совершенствования налоговой системы.

Все отмеченные характеристики свидетельствуют о том, что налоговая система является необходимой составной частью общего хозяйственного механизма, направленного на формирование более эффективного механизма хозяйствования, и не более того.

В этом, как и в предыдущем случае, системообразующий фактор представляет собой субъективно сформированный подход к сложившейся практике хозяйственной деятельности с целью приведения его в соответствие с объективными требованиями протекания экономических процессов. Но это никак не может являться определением системообразующего фактора, исходя из его объективной природы функционирования.

Сотрудники Института проблем управления РАН Новиков Д.А., Петраков С.Н., Федченко К.А. придерживаются аналогичного мнения, характеризуя стимулирование в управлении проектами как системообразующий фактор механизмов управления ими⁶⁵.

Основываясь на исследованиях Буркова В.Н., Новикова Д.А., Воропаева В. И.^{66,67} они характеризуют механизмы мотивации как важнейшие классы механизмов управления проектами. Рассматривая иерархическую организацию в отношении элементов нижнего уровня, авторы предприняли попытку ответить на вопрос «зачем элементам нужны более высокие уровни иерархии?».

Поиск ответов на этот вопрос построен на рассмотрении теоретико-игровых моделей управления проектами, основанных на исследованиях Новикова Д.А.⁶⁸. Это, по мнению авторов, позволяет достичь коллективно-рационального равновесия доминирующего (по Парето) набора индивидуально-рациональных равновесий.

Наличие внешнего стимулирования, т. е. институционально установленная возможность центра влиять на предпочтения агентов, отмечается авторами, может интерпретироваться как эффект власти. Поэтому, по их мнению, стимулирование является системообразующим фактором, а его введение позволяет согласовать интересы участников проекта на уровне взаимодействующих субъектов, эффект от деятельности которых будет не меньше суммы эффектов самостоятельной деятельности каждого из них.

Следовательно, в отличие от ранее рассмотренных точек зрения, системообразующий фактор характеризуется как внешний по отношению к формируемой системе и «может интерпретироваться как эффект власти». В этом случае и власть выступает как системообразующий фактор, только уже внутренний. Поэтому стимулирование рассматривается как эффективный заменитель власти. Но, отмечая, что в системе взаимодействующих субъектов каждый из участников ведет себя в соответствии с принципами индивидуальной рациональности, где эффект от деятельности должен

быть не меньше суммы эффектов самостоятельной деятельности каждого из них, авторы упускают из вида, что эффект системы как раз в том и состоит, что он должен быть выше суммы эффектов участников. Если же эффект равен сумме эффектов самостоятельной деятельности каждого участника, то целесообразность введения данной системы стимулирования и замены ею властных полномочий должны определяться другими параметрами. А целесообразность такой замены не очевидна, так как в некоторых случаях она может привести и к снижению эффективности, и к потере управляемости проектом. Велихов Е.П., Бетелин В.Б., Кушниренко А.Г.⁶⁹, формируя прогноз развития науки и техники в XXI веке, считают развитие науки и техники ключевым фактором долгосрочной промышленной политики в российской экономике. По их мнению, российская промышленная политика должна обеспечить создание и поддержание «станового хребта» высокотехнологичной промышленности – системообразующих компаний, аналогами которых являются 900 ведущих компаний США.

Приоритетными в этом плане должны выступать отрасли производящие высокотехнологичную конечную продукцию. Основные задачи компаний, встроенных в эти отрасли, должны обеспечить реализацию российской бизнес-модели «экономики знаний». На этой основе должны быть обеспечены производство конкурентоспособной конечной продукции и захват соответствующих ниш мирового рынка.

Авторы отмечают, что базой современной высокотехнологичной промышленности являются массовые информационные технологии, которые обеспечивают сквозную автоматизацию процессов проектирования, конструирования, подготовку и функционирование производства, изготовление и сопровождение новых

промышленных изделий. Именно они и должны существенно сократить стоимость разработки и сроков выхода на рынок новой продукции. Об этом свидетельствует опыт развития автомобилестроения в США: информационные технологии позволили сократить сроки разработки новых моделей автомобилей в два раза – с 5 лет в 1980-х годах до 2,5 лет в настоящее время.

По мнению авторов, материальная база для оперативного внедрения суперкомпьютерных технологий в системообразующие компании-отрасли и осуществления такой смены в США и Европе уже создана, что обеспечивает их лидерство на мировых рынках высокотехнологичной продукции⁷⁰.

Авторы характеризуют массовые суперкомпьютерные технологии как «технологическое оружие» в целях завоевания мирового рынка в XXI в. На этой основе предлагается формирование национальных системообразующих компаний-отраслей, необходимых для удовлетворения потребностей высокотехнологичных отраслей, учреждений науки и образования⁷¹.

Следовательно, использование категории «системообразующие» в данной работе рассматривается как приоритетное развитие в формируемой экономической структуре тех элементов, которые в отраслях экономики, производящих конечную продукцию, должны занять ведущее место и определять общее направление развития экономической системы. Поэтому речь идет не об объективно действующем системообразующем факторе, а о выстраиваемой организационной структуре, которая по своей сути должна в наиболее полной степени отвечать объективным требованиям сформировавшихся в настоящее время тенденций экономического развития.

Парамонов В. и Строков А.⁷² анализируют системообразующие проблемы на пути экономической инте-

грации России и стран Центральной Азии, определяя этот процесс как «глобализация» против «регионализации». По мнению авторов, на протяжении 90-х годов Россия и страны Центральной Азии, не рассчитывая на возможность возобновления ранее сформированных региональных экономических связей, стали предпринимать настойчивые попытки по осуществлению экономического рывка за счет привлечения прямых иностранных инвестиций. Со стороны России это была ставка на интеграцию в евро-атлантическое сообщество, а со стороны стран Центральной Азии ставка делалась на многовекторность. Однако к концу XX в. стало очевидно, что для обеих сторон полноценная и выгодная интеграция в глобальную экономику представляет собой иллюзию. Поэтому России и странам Центральной Азии для защиты от негативных воздействий глобализации следует на время отказаться от масштабной интеграции в мировое хозяйство и решить проблему создания собственного регионального общего рынка. Не изолируя участников регионального объединения от мировой экономики, этот рынок на начальном этапе должен функционировать достаточно автономно. Такой путь видится авторам наиболее эффективным и оптимальным.

Таким образом, Парамонов В. и Строков А. определяют системообразующими проблемами в дальнейшем развитии России и стран Центральной Азии приоритетность региональной экономической интеграции сторон по отношению к их разнонаправленным устремлениям к интеграции в мировую экономику.

Профессор Н.Н. Думная, рассматривая неравномерность развития мирового хозяйства в условиях глобализации, определяет её как новую особую стадию, новый этап в процессе интернационализации производства и капитала в развитии мировой экономики⁷³.

Автор отмечает, что в 80–90-е годы XX в. сложилось принципиально новое международное разделение труда, основанное не только на привычной специализации по сферам и отраслям производства или же предметной специализации, но и на выпуске и поставке на мировой рынок компонентов, узлов, деталей, в связи с чем стало возможным специализироваться на отдельных стадиях технологических процессов. Это послужило основой для дальнейшего развития интернационализации производства. Указанные кардинальные сдвиги привели к нарушению равновесия в мировой экономике. Но в отличие от предшествующих исторических этапов, такое нарушение в настоящее время приобрело не только новые формы, но и иную сущность. Причина в том, что мировая экономика стала единой рыночной системой. «Следовательно, системообразующим фактором в ней выступает капитал»⁷⁴.

В качестве аргументов, подтверждающих данный вывод, приводится то, что капитал по своей природе является интернациональным, а по своей сути – интегрирующим фактором, а национальные хозяйственные комплексы национальны, специфичны, уникальны, их же связи однородны и, имея товарно-денежную форму, во все большей степени унифицируются международными правилами и нормами.

На этой основе Н.Н. Думная отмечает, что на мировую экономику во все большей степени распространяются все свойства рыночной экономики как самоорганизующейся системы со слабым регулированием процессов, откуда следуют и нестабильность, и кризисы и т. п., что в условиях глобализации приводит к росту главного системного фактора риска – неустойчивости самой рыночной системы. В логике доказательств автора, в ее аргументации, присутствует целый ряд противоречий, которые свидетельствуют о том,

что в значительной мере выводимые следствия не обусловлены тем, что приводится в качестве причин, а много вопросов вызывают и попытки определения особенностей международной и национальных экономических систем.

Во-первых, почему только в нынешнем состоянии мировой экономики, автор усматривает черты единой рыночной системы, если существует множество источников с аргументированной системой доказательств, подкрепленной огромными массивами статистических данных, убеждающих, что процесс становления мировой экономики как системы уже имеет вековую историю? Наличие в данной системе в XX в. национальных хозяйств с иными, нерыночными методами управления национальными экономиками не является свидетельством отсутствия единства (как характеристики целостности самой системы), так как эти же государства в общем и целом на мировом рынке подчиняли свою экономическую политику рыночным требованиям. Некоторые из них существуют и по настоящее время.

Во-вторых, по какой причине только на этапе, когда мировая экономика становится единой рыночной системой, системообразующим фактором в ней выступает капитал? Капитал определяет процесс формирования товарного производства, а в условиях сформировавшихся товарно-денежных отношений он является элементарной частицей, пронизывающей экономическую систему общества снизу доверху, от домашних хозяйств, предприятий, отраслей и до национальной экономики. Затем капитал выходит за её пределы, распространяя свое влияние на всю сферу внешнеэкономической деятельности. Для этого процесса и является характерным зарождение и распространение влияния капитала на мелкие товарные производства, становление и развитие на этой основе крупного производства и

сбыта, формирование отраслей национальных экономик и капиталистической экономики в масштабах национальных хозяйств, а затем – и формирование мирового хозяйства как системы. По каким же причинам капитал не является системообразующим на этих этапах, а для мирового хозяйства становится таковым?

В-третьих, разграничение капитала по своей природе на интернациональный, интегрирующий и национальный как однородный и уникальный не имеет под собой основания. Еще К. Маркс в «Капитале» убедительно доказал всеобщий характер капиталистического производства, распределения, обмена и потребления. Не международные правила и нормы унифицируют товарно-денежные отношения между странами, они всего лишь закрепляют эти уже сформировавшиеся в течение многолетней практики и господствующие нормы и правила для соблюдения их всеми странами, отношения между национальными экономиками и их субъектами. Поэтому система отношений в мировом хозяйстве является производной от взаимодействия национальных экономик и их хозяйствующих субъектов, и разделение, обособление этих процессов, с целью выявления их особенностей неуместно, так как вредит пониманию этой взаимосвязи и единства.

В-четвертых, выделение таких особенностей как подчиненность закономерностям на основе спроса мировой экономики, а функционирование национальной экономики – эффективности, не соответствует действительности. Производство любого уровня прежде всего определяется спросом, так как изначально целесообразность производства основывается на его наличии, а также на заработной плате, доходах населения, как основы платежеспособности и составной части спроса. Эффективность же формируется в процессе производства. Следовательно, эта категория

вторична, но она приемлема как для отдельных производств, национальных экономик, так и для мировой хозяйственной системы.

В-пятых, состояния равновесия и неравновесия чередуются, с отклонением от «нормы», и равновесие является лишь временным состоянием любой экономической системы: предприятия, отрасли, группы отраслей, национальной экономики, мирового хозяйства. Поэтому способом существования не только для рыночной системы (понимаемой как мировая экономическая система), но и для любого капиталистического производства являются циклические, структурные кризисы, динамичный рост, которые первоначально формируются в рамках национальных экономик, и только по мере развития экономической мощи и масштабов распространения выходят за национальные рамки и перерастают в мировое явление.

В-шестых, как мировая экономика, так и любое национальное хозяйство представляют собой полисистемы с иерархией систем различных уровней с единой системой законов развития.

В диссертационном исследовании Тюплина А.А., посвященном территориальному экономическому поведению, которое, по мнению автора, является результатом общественного разделения труда и закрепления видов труда за определённой территорией, указанное поведение представлено как система эмпирически фиксируемых поведенческих образцов, воспроизводимых данной территориальной общностью. На этой основе и формулируется авторское понимание системообразующего фактора⁷⁵.

В диссертации утверждается, что системообразующим фактором и важнейшей функцией территориального экономического поведения в информационную эпоху выступает коммуникация, что позволяет говорить о

становлении и развитии коммуникационной экономики. С точки зрения А.А. Тюльпина, важную роль в социально-экономической жизни государства играют региональные коммуникации, а также располагающиеся на конкретной территории предприятия и организации.

Автор определяет региональную коммуникацию как многоуровневую систему управляемых социально-экономических связей определённого социально-территориального субъекта с его внутренней и внешней средой, где коммуникация как атрибут социального действия является важнейшей, системообразующей функцией территориального поведения экономических субъектов. Профессиональное ведение региональной коммуникации, с одной стороны, способствует налаживанию и поддержанию внешних социально-экономических связей региона (города, предприятия), а, с другой – обеспечивает «скрытое поддержание общезначимого действия» внутри региона (города, предприятия), выполняя функцию «генетического кода», отвечая тем самым за сохранение и регулирование территориального поведения региональной общественности.

Сотрудники ИЭ РАН Евстигнеева Л.П. и Евстигнев Р.Н. в качестве системообразующего базиса экономики рассматривают финансовый капитал⁷⁶. По их мнению, политика реформирования российской экономики поставила множество проблем внедрения капитала, как в экономику, так и в общественное сознание. В связи с этим отмечается сложившийся парадокс, когда ставится и решается большое число конкретных вопросов, связанных с капиталом (капитализация, уставный капитал, частный капитал, акционерный капитал и т. п.), но вне поля зрения остается общее представление о капитале как системе разных функциональных капиталов, его функциях в формировании рынка.

Суть противоречия состоит в том, что трансформация экономики была сориентирована на создание финансово-денежных рынков вокруг бюджета как сферы образования дополнительных финансовых ресурсов и рыночной стабилизации рубля. Но эта задача носила характер автономных макроэкономических преобразований, в дополнение к которым была осуществлена рыночная трансформация микроуровня путем приватизации, и таким образом сформирован базис частной собственности. При этом не были созданы механизмы структуризации частной собственности и частного капитала как механизмов системного взаимодействия микро- и макроэкономики, без которых не может обходиться рынок.

Авторы отмечают, что формирование финансово-денежного капитала отвечало на трудности государства, но при этом государство осталось главным финансистом и главным инвестором, что стало барьером для обеспечения взаимосвязи микро- и макроуровней. Роль финансового капитала как нового базиса рыночной экономики не была понята ни государством, ни обществом, так как финансовый капитал является наиболее общей начальной категорией рыночной трансформации, он позволяет сформировать распределение собственности и тем самым задать систему социально-экономических субъектов общественного производства.

На этой основе авторы соотносят концепции Дж.М. Кейнса, Дж. Р. Хикса и А. Маршалла с проводимыми реформами российской экономики. По их мнению, в процессе реформирования российской экономики в основном используется концепция Дж.Р. Хикса, в соответствии с которой выход из экономического кризиса рассматривается как производный от финансово-денежной стабильности, обеспечивающий на

указанной базе повышение поступлений денежных средств от внутренних и внешних инвесторов.

Но Дж. Р. Хикс не проводит анализ становления рыночной макроэкономики. Он рассматривает функционирование развитой рыночной экономики, для которой характерным является то, что капиталом выступают средства, приносящие средства. На этом и основаны его подходы к определению уровня процента как стоимости средств, поставленного в прямую зависимость от стоимости риска вложений, скорректированного структурой различных видов денежных активов и их прибыльностью⁷⁷.

Действительно, концепция Дж. Р. Хикса утверждает, что макроэкономическая природа капитала выявляется в виде финансово-денежного сектора экономики, либо в виде системы финансово-денежных оборотов, а сам капитал с учетом его нового конкретного содержания становится денежным капиталом. Отсюда следует, что степень сбалансированности валютного, денежного и фондового рынков оказывает определяющее влияние на изменение ставки процента.

Обособление финансово-денежной структуры на макроуровне вследствие неравномерности средних темпов инноваций обуславливает нестабильную цикличность, с затяжными периодами спада, что приводит к выходу экономической системы за границы спонтанного развития рыночной экономики⁷⁸.

Поэтому Дж. Р. Хикс, определяя зависимость микроэкономики с её инерционной системой рыночного товарно-денежного равновесия от равновесия на денежном рынке, которое придает устойчивость экономической системе, выступает сторонником возрастания экономических регулирующих функций государства⁷⁹. Тем самым государству отводится роль использования ценовых механизмов равновесия внутри товарно-

денежного оборота для обеспечения рыночного равновесия на макроуровне, с целью поддержания развития финансово-денежного рынка и рынка государственных ценных бумаг.

По мнению Евстигнеевой Л.П. и Евстигнеева Р.Н., раскрыть содержание нового рыночного базиса экономики, трансформирующего её в систему рынков, можно лишь на основе анализа денежного капитала как системообразующего фактора экономики, где такой капитал выступает начальной категорией рыночной трансформации.

Этой цели для осознания новой роли капитала в изменившихся условиях, утверждают авторы, более всего соответствует теория Дж. М. Кейнса. Они подчеркивают, что Дж. М. Кейнса прежде всего интересовала проблема особенностей капитала, обуславливающая их единство и единство микро- и макроуровней экономики, в связи с чем исследовалась взаимная метаморфоза инвестиций, как денежной формы капитала и дохода⁸⁰. При этом макроуровень формируется как надстройка над микроэкономикой и развивает свои специальные финансово-денежные структуры, тем самым происходит трансформация экономики в денежную экономику⁸¹.

По мнению авторов, кейнсианство направлено на поиск базисной формы капитала, обладающей системообразующей функцией.

Евстигнеева Л.П. и Евстигнеев Р.Н., анализируя условия и варианты выхода из равновесия, отмечают, что Дж. М. Кейнс обрисовал две способности формирования устойчивой ситуации нестабильности, уходящие корнями в обыденный циклический кризис перенакпления, но при этом преодолевают его рамки. Возможность перенакпления и повышения уровня цен создается на повышательной инвестиционной волне.

Приближение к границе полной занятости определяет возможность отрыва инфляции от регулирующего действия процентной ставки и переход в режим «подлинной», либо «истинной» инфляции, когда рост цен не вызывает роста спроса, а обуславливает наращивание стоимости издержек, видимо, посредством неформальной девальвации внутренней валюты⁸². Эта нестабильность, по мнению Дж. М. Кейнса, имеет спонтанные механизмы формирования. Для понижательной инвестиционной волны характерно формирование ситуации квазистационарности со следующими характеристиками: динамика инвестиций находится в функциональной зависимости от динамики занятости; предельная эффективность капитала близка к нулю – экономика носит застойный характер; уровень цен поддерживается стабильным. Отсюда возможность перехода в режим экономического спада и кризиса⁸³. Выход из которых связан с адекватной государственной политикой⁸⁴.

Авторы отмечают, что Дж. М. Кейнс подвел экономическую науку к современному синергетическому направлению исследований становления и развития экономических систем как процесса самоорганизации, исходя из квантовой природы развития, в соответствии с которой энергетический потенциал эволюции формируется в процессе переходов от порядка к поисковому хаосу и к новому порядку. Такова природа конфигурации сложных систем на пути их дальнейшего усложнения, сопровождаемого усилением их открытости. Это нелинейные неравновесные системы, внутри которых возникают множественные варианты развития, происходит их вероятностный отбор, появляются различного типа устойчивые неравновесные и равновесные состояния, заключающие в себе различное качество и превращающие самоорганизацию в последовательность неравновесных фазовых переходов.

По мнению Евстигнеевой Л.П. и Евстигнеева Р.Н., по отношению к указанной системообразующей роли капитала его специализированные формы в лице производительного капитала, сбережения, бюджета выступают узкими и частными определениями. А упор на инвестиционную функцию капитала ставит дилемму иерархии форм капитала и обуславливает выделение денежного капитала как его базисной формы, по аналогии с тем, как таковой базисной ролью в рамках микроэкономики либо классического капитализма был наделен производительный капитал.

Такая высокая оценка исследования финансового капитала Дж. М. Кейнсом в конце XX в. еще раз подчеркивает влияние его теоретического наследия на формировании системного подхода к анализу функционирования национальной экономической системы.

Вместе с тем, рассмотрение сущности денег, основанное на номиналистических позициях, которых придерживался Дж. М. Кейнс, только в XX в. обусловило целую череду финансовых кризисов, в результате которых финансовые рынки ведущих стран мировой экономики превращались в руины, распространяя свое губительное влияние на производственную и непроизводственную сферы, порождая затяжные рецессии экономик.

Профессор Рысьмятов А.З. исследует кризис, охвативший аграрный сектор экономики страны в 90-е годы, в результате которого, по его мнению, были утрачены системообразующие факторы аграрного сектора экономики, снизилась эффективность управляющих связей и произошло ослабление целевой функции всех составляющих её элементов⁸⁵. Автор отмечает, что одним из важнейших системообразующих факторов, определяющих эффективность функционирования аграрного рынка, являются неразвитость и отсутствие ряда его рыночных институтов, что обуславливает

несоответствие технических, технологических и экономических факторов существующей институциональной среде аграрного рынка, влечет за собой увеличение рисков, неуверенность в деятельности предпринимателей и служит основным фактором повышения трансакционных издержек.

По мнению А.З. Рысьмятова, для успешного хода аграрных реформ и обеспечения долгосрочного и устойчивого экономического роста необходимо формирование и развитие основных системообразующих институтов аграрного сектора, таких как эффективный собственник; господдержка и регулирование; организационно-правовые формы предпринимательства и объединений предприятий; санация и банкротство неплатежеспособных предприятий; рыночные контрактационные и корпоративные связи.

Наряду с более глубокими обоснованиями и соответствующей аргументацией определения системообразующего фактора экономических систем, в исследованиях, и в публикациях представлен обширный ряд менее обоснованных подходов к сущности системообразующего фактора и к его роли в функционировании экономической системы.

В.А. Катунин⁸⁶, исследуя частную собственность как исходное экономическое отношение капиталистического хозяйства, рассматривает два подхода к исследованию собственности: как сумму элементов экономической системы, которое, по мнению автора, лишает систему реального содержания, и как сложное экономическое отношение капитала и наемного труда. Автор отмечает, что в классической политэкономии А. Смит рассматривает общественное разделение труда и частную собственность в единстве как системообразующий фактор рыночной экономики.

Вместе с тем А.А. Тюльпин, опираясь на исследование В.П. Шкрёдова⁸⁷ по данной проблеме, отмечает, что широкий спектр мнений по проблеме исходного отношения свидетельствует о ее недостаточной методологической разработанности и о необходимости построения синтетической концепции, систематизирующей накопленное знание.

Рассматривая форму движения капитала Д-Т-Д, А.А. Тюльпин подчеркивает, что капиталистическая собственность в ней вводится со всеми присущими ей достоинствами и недостатками. Если же вместо Д-Т-Д рассматривается форма простого товарного обращения Т-Д-Т, то такая форма не отражает специфику капиталистического способа производства и поэтому не может выступать в качестве исходного отношения, вследствие чего капиталистическая собственность как фактор, обуславливающий всеобщность товарной формы производства, выносится за пределы системы производственных отношений в качестве юридической категории. Поэтому закономерно возникает вопрос: может ли юридическое отношение частной собственности выступать в качестве системообразующего?

По мнению А.А. Тюльпина, исчерпывающий ответ на указанный вопрос должно дать дальнейшее исследование методологии рассматриваемой проблемы, а в настоящее время можно лишь констатировать, что ни первое, ни второе направления исследования исходного отношения не в состоянии непротиворечиво согласовать свойства «генетической основы» и «всеобщности товарной формы производства». Причина в том, что для обоснования всеобщности формы производства явно или неявно вводится капиталистическое отношение или его элементы.

По мнению Старцева Ю.Н.⁸⁸, системообразующим фактором развития региона является маркетинговый

процесс, который внес бы в разноаспектную и слабо скоординированную деятельность федеральных и региональных органов власти осознанность и действенность в осуществлении региональной экономической политики. Тем самым, по мнению автора, будет обеспечена координация действий для интенсификации социально-экономического развития и получения такого синергетического результата как рост конкурентоспособности региона в целом.

Ю.Н. Старцев отмечает, что усиление динамики и ослабление прогнозируемости роста технологий, потребления и индивидуализации порождает как в национальных, так и мировой экономиках резкое возрастание уровня неопределённости. Поэтому прежде всего требуется разворачивание маркетингового процесса для усиления конкурентоспособности региона. Автор отмечает, что в отличие от развитых стран, где конкурентоспособность предприятий формируется на основе открытости рынков на макро-, или мезоуровне, российскими предприятиями конкурентоспособность главным образом определяется на микроуровне. Свидетельством тому является отводимое первое место среди факторов, понижающих конкурентоспособность российской экономики, большому объёму устаревшего оборудования, а второе – нехватке финансовых ресурсов. Такие факторы как недостаточный уровень НИОКР, неэффективный менеджмент, низкая квалификация работников отмечаются в последнюю очередь.

Автор формулирует из сложившейся ситуации основной вывод – отсутствие системообразующего фактора, способного интегрировать деятельность отдельных производителей таким образом, чтобы формировалась высокая конкурентоспособность страны, региона, территории в целом, т. е. маркетинговая ориентация.

По мнению А. Белоусова, «В России государство традиционно, в том числе и до 1917 года, играло системообразующую роль и в экономике, и в обществе... Функцию гражданского общества выполняли особые корпорации (дворянство, КПСС)...»⁸⁹.

Таким образом, понимание значения проблемы системообразующего фактора привлекает к ней внимание значительного числа исследователей из разных отраслей знаний. Вместе с тем значительный спектр определений содержания системообразующего фактора свидетельствует о том, что авторы недостаточное внимание уделяют проблеме сущности системообразующего фактора, его объективному процессу происхождения, независимому от воли и желания хозяйствующих субъектов, а также их сущностной, генетической роли в развитии экономических систем в течение длительных эволюционных экономических процессов.

Основываясь на сущностной, генетической роли системообразующего фактора в развитии экономических систем, а также основываясь на положениях теории систем, его можно определить *как имманентно присущее экономической системе свойство, устанавливающее упорядоченную множественность составляющих её элементов и формирующее её определенность и целостность.*

Учитывая существенную роль системообразующего фактора в развитии экономических систем, формировании их динамики, эта проблема будет подвергнута более тщательному анализу.

Глава 2.

Эволюционно-системный характер формирования экономической динамики

Формирование динамики развития экономической системы в последние десятилетия требуют определения сущности, особенностей, методологии исследования и характера развития всеобщей экономической системы. Все большее необходимой представляется разработка общих принципов адаптации элементов системы, недостаточное внимание и игнорирование которых может повлечь за собой избыточное перенапряжение в экономической системе и ее деформацию.

Учитывая конструктивность и практическую значимость общетеоретических проблем и исходя из общесистемных начал циклического движения, необходимо определить направления их использования для стабильного экономического развития.

Тем самым определение сущности, особенностей, методологии исследования и характера развития экономической системы в процессе её эволюции позволяет выявить общие закономерности её развития, будет способствовать созданию условий для совершенствования прогностического развития экономической науки. В связи с этими задачами в настоящее время формируются новые направления исследований. К ним относятся эволюционная теория, институционально-эволюционная теория, эволюционная экономика. Однако в целом необходимо констатировать, что эволюционная теория и эволюционный подход только набирают силу, и им предстоит пройти еще свой путь развития и совершенствования.

2.1. Проблема целостности экономических систем

Исследование динамики экономической системы, несмотря на свою вековую историю, продолжает оставаться одной из фундаментальных и актуальнейших проблем современности. Сформированные к настоящему времени подходы к определению сущности и характера развития экономических систем противоречивы, а зачастую – и взаимоисключающие. На их основе сформировалось множество научных школ, течений и направлений научных исследований. Наиболее представительными из них являются: марксистская школа, классическая (с её трансформацией в неоклассическую), кейнсианская (с трансформацией в неокейнсианство), либеральная (с трансформацией в неолиберальную) и т. д.

Уже сам перечень свидетельствует не только о многосторонности подходов к данной проблеме, но и о её сложности, требующей кропотливого и тщательного отбора новых знаний для их синтеза в логически и теоретически грамотно выстроенную систему, которая способствовала бы получению ответов на многие практические вопросы, порождаемые современной экономической деятельностью на разных уровнях.

Значение методологических и теоретических разработок данной проблемы возросло в связи с необходимостью осмысления макроэкономических процессов в условиях глобализации экономики, с усилившейся тенденцией формирования региональных экономических объединений, с усилением зависимости развития национальных экономик. Кроме того, требует тщательного изучения и влияние на динамику экономических систем таких факторов как глобальные экологические проблемы, проблемы народонаселения, ограниченность

и сокращение запасов природных ресурсов в связи с их интенсивным потреблением и т. п.

Важность теоретического осмысления и анализа происходящих процессов в экономических системах повышается в связи с необоснованно сформировавшимся во второй половине XX в. представлением об устойчивом, долгосрочном, бескризисном развитии стран с развитыми экономиками. В связи с указанным, основное внимание в исследовании экономических систем уделялось преимущественно прикладным микроэкономическим проблемам, при этом проблемы функционирования экономических систем на макроуровне, взаимоотношения в системе мирохозяйственных связей в значительной степени исследовались эпизодически, фрагментарно.

Аналогичная ситуация складывается уже при определении самого понятия «экономическая система», в которое исследователи данной проблемы вводят разные содержательные характеристики.

Понятие «экономическая система» должно основываться на общем понятии системы (от греч. *systema* – составленное из частей, соединенное), которое определяется как «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство»⁹⁰. Но при более тщательном рассмотрении становится очевидным слишком широкий спектр причинно-следственных связей, охватываемых определением.

В то же время экономические системы относятся к разряду сложнейших систем, а взаимосвязи между их элементами в процессе динамики их развития чрезвычайно подвижны и зачастую неопределенны.

Поэтому исследователи экономических систем, стараясь учесть эти особенности, предпринимают попытки конкретизации определений, где система означает

упорядоченный объект с определенным порядком организации, подчиняющим составляющие элементы и определяющим связи между ними, или система рассматривается как совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, образующих определенную целостность⁹¹.

Изложенное свидетельствует о предпринимаемых попытках наряду с сохранением общих характеристик, присущих системе (взаимосвязь элементов и целостность) в процессе их развития, внести ограничение в качестве «упорядоченности» и «предписания определенного правила (порядка) организации».

Эта же особенность взаимосвязи элементов экономической системы – их упорядоченность, отмечается и в другом источнике: «Экономическая система есть совокупность взаимосвязанных и определенным образом упорядоченных элементов экономики»⁹².

Динамику экономической системы обеспечивающих её целостность с позиции институционализма формулирует Ф. Прайор: экономическая система включает все организации, законы и правила, традиции, убеждения, позиции, оценки, запреты и схемы поведения, которые прямо или косвенно воздействуют на экономическое поведение и результаты.

Но более емко, по нашему мнению, содержательность динамических процессов экономической системы с позиции целостности характеризуют П. Грегори и Р. Стюарт, по мнению которых экономическая система определяется как совокупность механизмов и институтов для принятия и реализации решений, касающихся производства, дохода и потребления в рамках определенной географической территории. Составляющими этого определения выступают механизмы экономической системы, её институты, фазы производства и потребления воспроизводственного процесса и

ограниченность экономической системы географической территорией как неотъемлемой составной части макроэкономической системы – национальной экономики.

Поэтому в преобладающем большинстве исследований утверждается объективная потребность всестороннего подхода к определению целостности экономической системы с позиций исследования ее динамики, где её процессы и составляющие их элементы рассматриваются во всеобщей связи и взаимозависимости, и уже на этой основе подлежит выработке представление об экономической системе как о комплексе взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений и процессов.

Кроме того, объективной необходимостью определения целостности экономической системы выступает определение и исследование ее конституирующих категорий, формулировка законов и специфики развития с целью более полного и адекватного отражения экономических процессов, понимания механизмов их формирования и протекания.

Однако как в общей теории систем, так и в определении понятия экономической системы до настоящего времени отсутствует единая общепринятая формулировка, как самого понятия «система», так и понятие ее целостности. По мнению В.Д. Могилевского, «многочисленные определения не нашли поддержки у научной общественности, и теория систем остается без общепринятой формулировки, хотя все прекрасно понимают, о чем идет речь, формально довольствуются широкой трактовкой термина, а конкретизируют понятие через перечисление его свойств»⁹³.

При этом свойства системы, рассмотренные В.Д. Могилевским, полностью соответствуют свойствам экономической системы: в основе системы дол-

жен лежать некий материальный продукт; все системы ориентированы на человека, а потому они оказываются взаимосвязанными; каждая система состоит из специфических элементов, но их работа и структура системы подчинены общей цели; элементы системы должны обмениваться между собой веществом, энергией, информацией; системе присуще свойство развития, адаптации к новым условиям путем создания новых элементов и связей между ними⁹⁴.

Неотъемлемым условием функционирования любой экономической системы является её ориентированность на удовлетворение определенных потребностей человека. Если экономическая система перестает отвечать этому требованию, или решает соответствующие проблемы неэффективно, следует реакция, обуславливающая общественное отторжение данного продукта или услуги. Поэтому каждая экономическая система содержит комплекс специфичных задач, решаемых каждым экономическим субъектом или элементом в структуре экономического субъекта, но их работа в целом подчинена основной цели деятельности экономической системы. Отсюда следует, что экономическая система не может существовать иначе как во взаимосвязи элементов, которые осуществляют обмен между собой продукцией, финансами, информацией, что оказывает существенное влияние на её структуру. В то же время определяющее влияние на структуру экономической системы оказывает конкретно сформулированная, общественно-значимая и эффективно достигаемая цель.

Динамике экономической системы присущи свойства развития, адаптации к новым условиям развития, совершенствования путем создания новых связей, развития и совершенствования элементов со своими частными целями и средствами их достижения.

Таким образом, из анализа основных критериев, определяющих свойства динамики экономической системы можно заключить, что *динамика экономической системы представляет собой протекание особо структурирующегося, развивающегося и адаптирующегося комплекса объединенных в единое целое избирательно вовлечённых на основе взаимодействия составляющих, выполняющих специализированные производственные функции, с целью удовлетворения общественных потребностей.*

Именно на получении фокусированного полезного результата системы при разработке общей теории систем акцентирует внимание академик П.К. Анохин, определяя систему как комплекс избирательно вовлечённых компонентов, взаимодействие и взаимоотношение которых приобретает характер взаимодействия.

Проанализируем основные критерии, составляющие содержание определения динамики экономической системы. Прежде всего это характеристика формирования и поддержания целостности с позиции методологии анализа экономической системы. Целостность является имманентно присущим признаком любой системы. Без целостности экономическая система, как и любая другая система, не может существовать.

Целостность обусловлена целым рядом характеристик, которые определяют её содержание. Во-первых, это относительная обособленность системы от внешней среды, которая предполагает её формирование в условных границах. Во-вторых, целостность включает в себя и такие по своей противоположной направленности динамические свойства как делимость и связность, а исходя из этого, единство обусловлено согласованностью и организованностью. В-третьих, целостность является функциональным свойством экономической системы, её неотъемлемым параметром, степень прояв-

ления которого зависит от конкретно складывающейся объективной ситуации и объективно-субъективной реакции системы на изменения внешней среды. Нарушение целостности, как по объективным, так и по субъективным причинам служит причиной кризисного состояния системы, вплоть до её полного разрушения.

Экономический смысл свойства целостности заключается и в формировании, развитии системы взаимосвязей между элементами экономической системы, выполняющими обособленные специализированные функции, экономический эффект от выполнения которых проявляется только вследствие их объединения и оптимального формирования на этой основе основных функций экономической системы.

Отсутствие, или недостаточно квалифицированное выполнение отдельных специализированных функций элементами системы, а также неэффективная функциональная соорганизованность между ними, в определяющей степени отражается на выполнении основных функций экономической системой. Осуществление этих процессов в динамике определяет интегративные свойства экономической системы.

Кроме того, особенностью экономической системы, как и всех социально-экономических систем, является субъективно-объективный характер её формирования, поддержания и развития, где на основе познания объективных экономических, технических, технологических и организационных процессов реализуется конструктивное направление системного подхода, определяющее систему как сознательно создаваемое средство для достижения цели. Это многообразие составляющих экономической системы, необходимость поддержания их функциональной взаимосвязи в условиях динамического протекания соорганизованных

процессов дополнительно свидетельствует о том, что целостность является важнейшим параметром экономической системы.

Динамические процессы являются основой формирования жизненных циклов экономических систем, которые в процессе своего развития проходят разные этапы. Сохранение целостности на разных уровнях развития экономической системы, которые характеризуют фазы её развития, определяют жизнеспособность самой системы. В.Д. Могилевский предлагает в процессе исследования жизненного цикла системы использовать его деление на следующие качественно отличающиеся друг от друга этапы: этап формирования и начального роста, этап бифуркаций, фазы зрелости и гибели систем⁹⁵.

В исследованиях по системологии для сохранения целостности системы сформулированы два важных условия, которые являются значимыми и для экономических систем. Во-первых, система обеспечивает сохранение целостности, если суммарная энергия движения не будет превышать энергию её внутренних связей. Во-вторых, система обеспечивает способность в сохранении своей целостности, если энергия её внутренних связей будет превышать суммарную энергию внешних, разрушающих систему воздействий⁹⁶.

В синергетическом подходе исследования систем утверждается, что высшая соорганизованность всех элементов системы определяет формирование положительного синергетического эффекта, основанием же для отрицательного синергетического эффекта является дезорганизация системы. А поскольку высокая соорганизованность всех элементов системы определяет высокий уровень её целостности, то есть все основания для заключения, что высокий уровень параметра це-

лостности определяет положительный синергетический эффект экономической системы.

Соответственно, нарушение целостности системы влечет за собой возникновение системного кризиса, который определяет процесс существенного ухудшения функционального состояния системы, вплоть до её разрушения. Указанное состояние может быть обусловлено усилением функциональных противоречий в экономической системе на основе прогрессирующего процесса эволюционных изменений, когда структура и характер сложившихся отношений становятся препятствием для самих изменений или накопление критической массы организационных изменений выступает как разрушительная сила самой системы.

Следовательно, системные кризисы могут быть обусловлены разрастанием функциональных противоречий в экономической системе вследствие естественных эволюционных изменений или организационных нарушений до такой критической границы, которая является пределом развития данной системы и требует существенных преобразований в самой системе. Но они могут быть обусловлены негативным внешним воздействием такой силы, которая приведет к разрушению системы или спровоцирует неадекватную реакцию факторов самой системы, чреватую ее разрушением.

Кризисы в экономических системах могут возникать и в тех случаях, когда нарушается выполнение какой-либо специализированной функции (функциональный кризис), что влечет за собой снижение эффективности, но не приводит к нарушению целостности самой системы. Разрастание функционального кризиса может привести к нарушению целостности системы, а в конечном счете, к системному кризису.

Основываясь на синергетическом подходе к исследованию систем, можно представить себе следующие варианты нарушения её целостности.

Во-первых, внутренние эволюционные естественные процессы развития системы и организационных изменений в ней, нарушающие функции элементов системы и существенно снижающие её эффективность.

Во-вторых, спровоцированные внешними факторами преднамеренные изменения, ведущие к ухудшению условий функционирования системы.

В-третьих, сочетание негативного воздействия внешних факторов и неадекватность организационных и функциональных изменений в системе.

Эволюционный процесс развития экономических отношений свидетельствует о том, что процесс производства материальных благ, их распределения, обмена и потребления осуществляется в тесном взаимодействии производителей, торговцев, потребителей. Многократно эта взаимозависимость усиливается в условиях товарного производства. Рост масштабов производственных единиц, порождающий тесную взаимосвязь сотен и тысяч работников, их зависимость от деятельности других хозяйствующих субъектов приводят к формированию соответствующих норм отношений, стандартов поведения, закрепляющихся в повседневной жизни посредством традиций или нормативно-правовых актов общества. В итоге они становятся тем связующим звеном, которое «переплавляет» индивидуальные и групповые отношения в общие нормы и правила для всех, формирует целостность экономической системы.

Поэтому, при определении экономической системы необходимо учитывать и эту очень важную её составляющую, которая в значительной степени определяется выработанными и сформировавшимися в процессе

многовековой истории развития базовыми ценностями общества и сформированными на их основе мотивами хозяйственной деятельности. Отсюда вытекает, что неотъемлемой составной частью целостности экономической системы является институционализация, которая обеспечивает создание устойчивого взаимодействия членов общества в процессе их совместной деятельности в форме общественных институтов. Под их влиянием происходит нормативное регулирование и интеграция деятельности людей на основе ценностных ориентаций.

Указанное регулирование осуществляется как на макроэкономическом уровне, так и на уровне микроэкономики. При характеристике целостности экономических систем необходимо учитывать, что их равновесие на обоих уровнях зависит от действующих общественных экономических механизмов. Эти механизмы основаны на соответствии ценностных ориентаций тем целям и задачам, которые заложены в самих механизмах хозяйствования общества и должны оптимально отражать отношение их участников к удовлетворению потребностей общества.

Следовательно, целостность, характеризующая равновесием экономической системы, зависит не только от соответствующего уровня развития производительных сил и производственных отношений, уровня экономических свобод, соотношения пропорций между отраслями экономики и сферами деятельности; она обусловлена правилами поведения и участия в воспроизводственных процессах и основывается на заинтересованности членов общества в сохранении и развитии экономической системы.

В то же время необходимо учитывать, что по своему предназначению, роли и положению в структурах экономических систем, взаимосвязи и взаимодействии

участников хозяйственной деятельности в экономических системах разноуровневые. Они могут подразделяться: на функциональные – основанные на выполнении обособленных функций в экономических системах; межфункциональные – обеспечивающие взаимосвязь обособленных элементов и подсистем одного уровня; иерархические – обеспечивающие взаимосвязь элементов и подсистем разных уровней. Взаимосвязи и взаимодействие участников хозяйственной деятельности в экономических системах в значительной степени определяют стабильность экономических систем, так как именно они формируют конструкцию, детерминант состояния целостности структуры экономической системы. Так, современные национальные экономические системы представлены большим числом экономических объединений со сложной внутренней структурой и массой небольших, мобильных, динамичных, экономических организаций. В своей совокупности и первые, и вторые, составляют более сложные отраслевые структуры, которые, свою очередь, определяют структуру и содержание национальных хозяйств.

Таким образом, объективная обусловленность целостности экономической системы заключается в адекватном реагировании каждой относительно обособленной составляющей экономической системы соответствующего уровня на воздействие внешней среды, в единстве и согласованности их взаимодействия на основе полного и безусловного выполнения каждой из них своих функций как реакции на изменения, происходящие во внешней среде. Кроме того, выполнение своих функций каждым из компонентов экономической системы обеспечивает сохранение и развитие сложившейся системы воспроизводственных

отношений между ними, что также является важнейшим условием целостности, сохранения и развития экономической системы.

Однако анализ условий целостности экономических систем будет далеко не полным, если не будет дано четкое разграничение статического и динамического подходов к их исследованию.

Й. Шумпетер, анализируя статическую модель поведения относительно обособленных экономических систем на основе теорий предельной производительности и предельной полезности, определяет условия состояния устойчивого равновесия фирм в процессе их экономической деятельности, основанной на кругообороте капитала, как равенстве между затратами и доходами. По его мнению, статическая модель не отражает реальные экономические процессы. В условиях господства свободной конкуренции рыночные цены не могут превышать издержек производства. Это превышение, определяемое как прибыль, послужило бы сигналом для других производителей, приток капитала которых, обеспечил бы рост предложения, снижение цен и исчезновение прибыли.

В центре анализа экономической системы, находящейся в динамическом, постоянно изменяющемся процессе, находятся внутренние факторы, обуславливающие развитие системы. Определяющим фактором, по мнению Й. Шумпетера, являются инновации – новые технологии, новая организация производства, новые продукты, новые рынки, которые вызывают коренные преобразования в способах производства и реализации товаров. Именно они, по мнению Й. Шумпетера, нарушают равновесие, изменяя сложившиеся издержки, доходы, цены, приводя к разрушению неэффективные экономические системы и организации, поддерживая, тем самым, рыночный

механизм в непрерывной динамике, которая и обеспечивает сохранение целостности экономической системы более высокого уровня.

По мнению Й. Шумпетера, именно инновационная деятельность обуславливает циклическое развитие экономических систем вследствие неравномерности процесса внедрения нововведений, который протекает в виде колебаний различной длительности. На первой фазе нововведения притягивают и обуславливают быстрый рост инвестиций, попутно сопровождаясь внедрением целой серии новшеств. Затем производство переходит в длительную фазу процветания. Но постепенно нововведения исчерпывают свой потенциал, уменьшается прибыль, увеличивается число банкротств, экономические системы с целью оптимизации избавляются от устаревших элементов. Рост производительности труда, качества товаров, объемов производства, снижение цен и увеличение реальных доходов населения, вызывают спад, глубина которого пропорциональна скорости поступательного процесса.

Циклическое движение, по мнению многих исследователей экономических систем, является созидательным разрушением, побуждающим предпринимателей к непрерывному обновлению производственного процесса, стимулирующим достижение более высокой ступени развития.

В этом процессе особая роль отводится денежно-кредитной системе. Деньги и кредит являются связующим звеном как в процессе осуществления кругооборота капитала, так и в процессе развития экономической системы, обеспечивая её целостность. Более того, денежная форма капитала выступает как изначальной для экономического развития, так и важнейшим средством для его расширения и совершенствования, поскольку внедрение инноваций предполагает дополни-

тельные денежные средства, которые наиболее доступны и распространены в качестве банковского кредита.

Но оценки роли денежно-кредитной системы в циклическом движении экономических систем существенно отличаются. Если для традиционного классического подхода характерна нейтральная роль денег в развитии экономических систем, то и М.И. Туган-Барановский и Й. Шумпетер приходят к выводу об активной роли денег в процессе производства. По их мнению, кредит, увеличивая количество денег в обращении, усиливает денежные импульсы в производственном секторе. Именно посредством перераспределительной функции кредита денежные средства обеспечивают отток ресурсов и факторов производства от менее эффективных производителей к более эффективным. Они обеспечивают более высокий уровень производительности труда, преобразований в средствах производства, перестройку и совершенствование его структуры, увеличение объемов, изменение структуры цен.

Следовательно, роль кредита в экономической системе заключается не просто в увеличении массы денег для обслуживания процесса обращения капиталов, как это вытекает из классической концепции, а в его активной роли по перераспределению ресурсов в экономической системе и их концентрации в руках более предприимчивых производителей в те периоды, когда эффективность производственного потенциала достигает предела повышения своей эффективности. Тем самым обеспечивается не просто экономическая динамика экономической системы, а динамика развития, совершенствования, повышения эффективности самого процесса производства с сохранением целостности экономической системы в условиях её совершенствования и развития. На этой основе и формируется та

капиталотворческая и производительная теория кредита, которая определяет его как создателя, творца капитала и главного двигателя экономического развития общества.

Логическим продолжением исследования этих процессов служит определение проблемы эффективной конкуренции. Преобразования, связанные с внедрением новых технологий, можно рассматривать как основу формирования рыночного механизма в процессе плодотворного взаимодействия сил монополии и конкуренции.

Одновременно этот механизм обеспечивает и целостность экономической системы в рыночных условиях, так как стремление завоевать монопольные позиции на рынке выступает важнейшим стимулом конкуренции, а, следовательно, и развития экономической системы. Одновременно это же временное монопольное положение является мощным стимулом обострения конкуренции. Но его долговременный характер ведет к паразитированию и из мощного стимула монопольное положение превращается в свою противоположность.

В отличие от сохранения целостности экономической системы, направленной на удовлетворение потребностей спроса за счет статической эффективности использования имеющихся ресурсов, Й. Шумпетер рассматривает её с позиции динамики экономических процессов – как способность увеличивать удовлетворение потребительского спроса за счет введения инноваций. Инновации характеризуются процессами творческого разрушения равновесных ситуаций, сложившихся в экономических системах, ускорения процессов формирования новых условий для сокращения издержек производства, повышения качества товаров и снижения их цен. Основанная на этих процессах конкуренция характеризуется как эффективная, являющаяся мощ-

ным стимулом роста производительности труда, расширения ассортимента выпускаемой продукции, увеличения объемов производства и снижения цен.

Но наиболее благоприятные условия для такой конкуренции, по мнению Й. Шумпетера, формируют монополии. Они в процессе своего развития, используя особые права и привилегии, предоставляемые властями, или пользуясь исключительными правами собственности на дефицитные ресурсы и невозпроизводимые блага, сконцентрировали в своих руках огромные ресурсы, которые становятся носителями технического прогресса, обеспечивая внедрение нововведений и вознаграждение за техническое и организаторское новаторство.

Логическим завершением теории экономического развития капитализма, разрушением целостности его экономической системы у Й. Шумпетера выступает идея самоотрицания, «умирания» капитализма. Капиталистическая экономическая система, по его мнению, оставаясь экономически эффективной, саморазрушается вследствие наличия целого ряда имманентных ей факторов. Первым и важнейшим из них является то, что инновации, обеспечивающие технический прогресс и определявшие функции предпринимателя, ставящие его во главу угла процесса нововведений, институционализируются, а предприимчивость и риск отступают на второй план. Соответственно, на второй план уходят и их носители – предприниматели, основа капиталистической экономической системы. На первый план выходят организованные в команды специалисты – менеджеры, уделом которых и становятся инновации. Частная собственность предпринимателей уступает свои позиции акционерной форме собственности, которая искажает мотивы хозяйствования, так как интересы акционеров смещаются в сторону более

быстрого получения прибыли – в фиктивный капитал, фондовые биржи, ценные бумаги. Поддержание процессов материального производства, его регулирование во все большей степени становится уделом «социального» государства.

Следовательно, в динамике экономического развития проблема финансовой и денежно-кредитной политики – одна из важнейших и сложных проблем. Её функциональное предназначение в значительной степени заключается в обеспечении совместимости финансовой устойчивости и кредитной активности. Обеспечение этой совместимости и является определяющим условием инновационного развития экономической системы при сохранении её целостности.

Вместе с тем общая теория систем формирует представление о целостности как обозначение важнейшего свойства системы, которое при разных уровнях сложности и структурной расчлененности обеспечивает более тесную связь своих подсистем и элементов, чем их связи с внешней средой. Поэтому без изменения качественной определенности целостность обеспечивает системе возможность самосохранения и саморазвития.

Достижение такой совместимости подсистем и элементов экономической системы является неперенным условием восприимчивости экономической системы к инновациям. Именно различие в степени такого единства, предложения денег и, соответственно, стимулирование спроса для оживления экономики и рынка в развитых странах создают основу стабильности роста и устойчивого денежного обращения, а в развивающихся странах приводят к инфляции, нарушению денежного обращения, разбалансированности между спросом и предложением.

Поэтому структура экономической системы не обладает такой степенью жесткости связей между элемен-

тами, которая присуща физическим явлениям; она является структурой, обеспечивающей относительно стойкий способ связи различных и относительно самостоятельных элементов целого.

Отсюда следует, что проблема соотношения целого и составляющих его подсистем и элементов имеет свое особое значение для познания экономических явлений, но проявление в них особенностей процесса динамического структурирования должно учитывать их существенные отличия от материальных явлений.

Важнейшим условием выработки более полного понимания динамики экономической системы с сохранением ее целостности является её постепенность – от отождествления системы и структуры, к признанию зависимости структуры системы от ее функций, а затем – и распространение этой зависимости на изучение социальных объектов, отличающихся своей целенаправленностью, избирательностью, особой регуляцией и нелинейным развитием.

На этой основе изменяется и содержание понятие «целостности» как качества системного объекта, так как соотношение целого и составляющих его подсистем и элементов неразрывно связывается с понятиями «взаимосодействие».

Процесс развития и усложнения экономических систем тесно связан с развитием функционального разделения труда между ее подсистемами, относительная самостоятельность которых, обеспечивая свою специфическую сферу деятельности, развивая и углубляя её, вместе с тем охватывает влиянием смежные сферы, способствуя раскрытию их содержания. На этой основе научные знания идут еще дальше. Они вычленяют и делают предметом самостоятельного анализа десятки различных механизмов функционирования и взаимодействия обособленных подсистем. При всех расхождениях

в деятельности обособленных систем, в особенностях действий механизмов реализации их функций, несомненной является функциональная дифференциация экономической деятельности, обусловленная необходимостью наиболее эффективного решения разнообразных экономических задач по удовлетворению потребностей общества. Кроме того, одновременно и параллельно с этим процессом развиваются и усложняются механизмы, обеспечивающие сбор, хранение и обработку информации, необходимую для дальнейшего совершенствования и организации более эффективной человеческой деятельности.

Следовательно, целостность функционирования экономической системы в условиях все более углубляющегося процесса разделения и специализации труда во всех областях и сферах человеческой деятельности, сопровождающих и обуславливающих экономическое развитие, не характеризуется противостоянием процессу его дальнейшей расчлененности и обособленности. Целостность определяется как качество экономической системы, определяющее взаимодействие ее подсистем и элементов, которое обеспечивает их наиболее эффективное функционирование для решения конкретных производственных, сбытовых, организационных, коммуникативных, оценочных, познавательных задач. Поэтому на каждом новом этапе развития система формирует все более совершенные формы реализации целостности в отношении взаимосвязи и взаимодействия элементов, объединенных в системе, как воплощение отношения «часть-целое».

Эволюция экономических систем свидетельствует о том, что целостность имеет существенное значение не только по отношению к взаимосвязям между системой, подсистемами, и их элементами, т. е. к определению их

пространственно-сущностных и качественных характеристик содействия, но и по отношению к временному процессу их развития.

Структура экономических систем характеризуется не только синхронностью эволюционного развития составляющих её подсистем и элементов. Её развитие подчинено закономерному процессу совершенствования подсистем, основанному на последовательности формирования фаз, стадий и этапов становления, вызревания и отчуждения или дальнейшего совершенствования в рамках определенных временных и пространственных границ.

Логика формирования этих закономерностей как «общая теория эволюции» разрабатывается в монографии венгерского биолога В. Чаньи. Основное внимание в своих исследованиях он сосредоточил на проблемах этологии и генетики поведения. Поэтому особенности действия общих законов эволюции анализируются на разных уровнях развития: молекулярном, организмическом, экосистемном, нейрофизиологическом, и самом высшем уровне – культуры, включая ее духовную и техническую составляющие.

Действие общих законов рассматривается им в трех теоремах. Первая – «теорема материи и силы». Её содержание заключается в том, что в ходе эволюции физической системы ее структуры развиваются и распадаются. В течение времени доля активной энергии, участвующей в процессе, возрастает, силы, влияющие на взаимодействие структур, увеличиваются, пока их рост не останавливается физическими границами системы. Вторая – «теорема энергии». Её содержание определяется процессами эволюции, когда система уходит от термодинамического равновесия, ее энтропия убывает, количество энергии сохраняется, время, затрачиваемое энергией, и сложность системы возрастают.

Третья – «теорема информации», определяемая следующим содержанием: «В ходе эволюции системы в ней возрастает репликативное информационное содержание, которое расчлняется и концентрируется, пока вся система сохраняет репликативное единство. Таково состояние эволюционного равновесия системы, ее самоконтроль и внутренняя стабильность максимальны, тогда как в отношении к внешним воздействиям она минимальна»⁹⁷.

Можно подвергать сомнению отдельные положения этой концепции, но главное в ней, по нашему мнению, заключается в том, что в процессе эволюции систем их развитие подчинено общему закономерному процессу совершенствования, где действуют общие законы эволюции и их непосредственному воздействию подчинено и развитие экономических систем.

Об свидетельствует характеристика целостности экономической системы. Признавая целостность как принципиальную невозможность свести свойства системы к сумме свойств её подсистем и элементов и невозможность вывести из свойств подсистем и элементов свойства системы, но, при этом, определяя зависимость каждой подсистемы и её элементов, их свойств и соотношения в системе от места, функций и т. д. внутри целого,⁹⁸ мы должны одновременно признавать, что отношения между подсистемами систем и их элементами, а также связи, которые их объединяют, основаны на общих закономерностях. Более того, подсистемы и их элементы, их взаимосвязи и взаимосодействие в системном единстве формируют новые интегративные свойства и закономерности, которые не только не присущи им в их разобщённости, но и совершенствуют свои качественные характеристики на каждом новом этапе своего развития. Сплочение, объединение при помощи взаимосвязей и взаимосодей-

ствия подсистем и элементов приводит к образованию целого. Тем самым формируется не только механизм функционирования системы, но и определяется процесс познания ее. Он начинается с общего представления о целом. Затем происходит разделение целого на составляющие его части. Проводится их анализ, оценивается выполнение каждой из них своих функций, и только затем действие системы мысленно воспроизводится в целом.

Этот процесс закономерностей исследования и познания целостных объектов был сформулирован К. Марксом в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.»⁹⁹.

Основываясь на важнейшей со времени Г. Гегеля мысли о том, что мир состоит не из готовых, законченных объектов, а представляет собой совокупность процессов, в которой объекты только представляются неизменными, К. Маркс определяет, что поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь.

Проявление этой закономерности и использование всестороннего подхода к проблеме целостности экономической системы находит свое воплощение в «Капитале», где подвергаются детальному анализу процесс производства, процесс обращения, процесс воспроизводства и обусловленность распределения прибавочной стоимости. Они исследуются детально и в органическом единстве, с их отличительными особенностями по отношению к предшествующим этапам экономического развития.

Целостность экономической системы по К. Марксу заключается в том, что каждой своей формой капитал выполняет определенную реальную функцию экономической системы. Если в денежной форме капитал

объединяет рабочую силу и средства производства, то в производительной форме он производит новую потребительную стоимость, являющуюся вещественным носителем самой капитальной стоимости и вновь созданной прибавочной стоимости. В товарной форме, основной является функция реализации капитальной стоимости и прибавочной стоимости, так как потребительная стоимость основное свое предназначение выполняет в сфере индивидуального и производительно-го потребления.

Анализируя индивидуальный капитал, К. Маркс рассматривает его не как единичный, случайный, а как представителя бесчисленного множества капиталов, которые в своей совокупности составляют общественный капитал в целом. При этом отдельные части индивидуального капитала принимают форму основного капитала, а другие – оборотного, совершая разные обороты.

Тем самым анализ экономических категорий соответствует определенной последовательности и отражает не только исторический процесс развития экономических отношений, не только значение экономических категорий в этом процессе, динамику изменения их положения, но и переход от анализа более простых экономических отношений к более сложным.

Детальным исследованием индивидуального капитала создается теоретическая основа анализа общественного капитала: «кругообороты индивидуальных капиталов переплетаются друг с другом, предполагают и обуславливают друг друга, и как раз благодаря этому-то сплетению образуют движение всего общественного капитала»¹⁰⁰. Вследствие кругооборота капитала деньги приобретают форму денежного капитала, факторы производства – форму производительного капитала, а товар –

форму товарного капитала. Все эти формы находятся в единстве и непрерывно переходят друг в друга.

Закономерности стадий развития системы исследуются посредством перехода от более простых форм к более сложным, и уже на этой основе определяется содержание экономических категорий и закономерностей развития каждой новой стадии развития.

Анализ процесса развития экономической системы как последовательно происходящий во времени переход от первой ко второй, а затем и к третьей стадии, обуславливает и рассмотрение их основных форм – кооперации, мануфактуры и крупной машинной индустрии, которые представляют собой качественно новые ступени повышения производительности труда и соответствующие новые ступени производства прибавочной стоимости.

Описанный метод исследования дополняется анализом одновременно сосуществующих экономических процессов, находящихся в определенной взаимной связи и взаимодействии. Такую связь в науке принято называть структурной. Примером использования этого метода анализа является раскрытие объективно необходимой взаимосвязи и взаимодействия между отдельными индивидуальными капиталами как частями совокупного общественного капитала в процессе его воспроизводства. Этим методом раскрывается взаимозависимость между главными видами капитала: промышленным, торговым и ссудным.

В дальнейшем анализ закономерностей расширенного воспроизводства позволяет определить источник расширенного воспроизводства, которым является капитализация прибавочной стоимости, в результате чего накопление капитала осуществляется в обоих подразделениях, что обеспечивает сохранение целостности и расширенное развитие экономической системы.

Указанное развитие обеспечивается и за счет того, что товарное производство самостоятельно формирует себе рынок за счет роста производства, которое влечет за собой расширение рынков сбыта товаров.

Для сохранения взаимосвязей в развивающейся экономической системе и обеспечения реализации совокупного общественного продукта, с сохранением целостности системы необходимо выполнение условий реализации. Эти условия составляют абстрактную теорию реализации, которая на практике воплощает имманентно присущие экономической системе противоречивые тенденции, действующие одновременно и обуславливающие цикличность развития экономической системы. В процессе действия первой тенденции, порождаемой отставанием спроса от предложения вследствие усиления деловой активности на основе конкуренции, нарушается процесс воспроизводства. В процессе действия второй тенденции посредством перелива капитала из одних отраслей в другие сформировавшиеся диспропорции ликвидируются и восстанавливается нарушенное экономическое равновесие.

Следовательно, объединенные и взаимодействующие элементы экономической системы формируют её внутреннюю целостность, нарушение которой порождает экономические кризисы. И чем сильнее эти нарушения, тем больше по глубине, времени протекания и масштабам последствий экономические кризисы.

Метаморфозы капитала свидетельствуют о том, что целостность экономической системы в значительной степени обусловлена её структурой, где свойства системы проявляются посредством специфики функционирования её составных элементов, взаимодействующих между собой с присущим им природным единством, обуславливающим целостность системы. Это природное единство, целостность экономической

системы и позволяет, с одной стороны, капиталу на различных стадиях приобретать различные функциональные формы – денежную, производительную и товарную, с другой, изменение одного элемента системы неизбежно вызывает изменение других.

Таким образом, целостность предстает в своем изначальном представлении о её первичности, которая не предполагает делимость и неразложимость самой системы на множество элементов, а представляет собой единое подлинное целое, с потерей которого сама система прекращает свое существование.

Основой целостности экономической системы выступает не её неделимость в пространстве и времени, а её конечная неделимость как свойство общего действия, где адекватное отражение свойств её целостности основано на неразложимости экономического действия на множество элементов.

2.2. Генетические основы динамики экономических систем

При определении генетических корней функционирования экономических систем необходимо соотнести человеческую деятельность по изменению своей окружающей среды и изменение её в этой среде. Экономическая деятельность, являясь совокупностью осознанных и целенаправленных действий, направленных на обеспечение существования человечества, а также на развитие и совершенствование этих действий, обуславливает развитие и совершенствование условий этого существования.

Характеризуя этот процесс, Г. Гегель писал, что неизмеримая масса желаний, интересов и деятельностей является орудием и средством мирового духа. В процессе своей деятельности живые индивидуумы и народы, ища и добываясь своего, в то же время оказываются

орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют¹⁰¹.

В развитие положения Г. Гегеля о роли общественно-исторической практики как критерия истины К. Маркс характеризует человеческое общество как обособившуюся от природы часть материального мира, которая представляет собой всю совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей. В процессе этой совместной деятельности, её специфики формируется характер отношения общества и человека, процесс их взаимного воспроизводства. Тем самым степень организованности общества, состояние и развитие основ его функционирования определяются самим характером жизнедеятельности людей в процессе общественного производства. При этом определяются специфические отличия общества как социального образования, где на основе общественных отношений реализуется процесс социализации человека, и формируются законы развития человеческого общества, отличающиеся от других систем и законов материального мира¹⁰².

Существенную роль в установлении генетических корней функционирования экономических систем играет эволюционная теория Ч. Дарвина. Она содержит в себе логичные и подтвержденные в огромном количестве фактические данные. Её суть можно кратко представить в следующих положениях: для каждого вида живых организмов существует многообразие индивидуальной наследственной изменчивости по морфологическим, физиологическим, поведенческим и другим признакам, которое имеет непрерывный количественный или прерывистый качественный характер; размножение живых организмов происходит в геометрической прогрессии; ограниченность жизненных ресурсов

для любого вида живых организмов является основой борьбы как внутри вида, так и с природными условиями; в условиях этой борьбы выживают и дают потомство наиболее приспособленные особи, которые лучше всего адаптировались к условиям среды, что, по мнению Ч. Дарвина, и является естественным отбором; естественный отбор изолированных разновидностей в разных условиях приводит к расхождению их признаков, а в дальнейшем – к видообразованию. Следовательно, важнейшей заслугой Ч. Дарвина является установление механизма эволюции – постепенного естественного отбора случайных ненаправленных наследственных изменений, который объясняет многообразие живых существ и их целесообразное приспособление к условиям существования¹⁰³.

Во второй половине XIX в. идеи, изложенные в «Происхождении видов» Ч. Дарвина, получили подтверждение и развитие в исследованиях австрийского священника и ботаника Г.И. Менделя. На основе семилетних исследований он создал научные принципы описания и исследования гибридов и их потомства. Была разработана и применена алгебраическая система символов и обозначений признаков. Сформулированы два основных принципа, или закона наследования признаков в ряду поколений, позволяющих предсказывать развитие наследования. Высказана идея дискретности и бинарности наследственных задатков¹⁰⁴.

В начале XX в. состоялся синтез дарвинизма и генетики. На основе анализа природных популяций российский генетик С.С. Четвериков определил механизм накопления и поддержания индивидуальной изменчивости, заложив основы эволюционной генетики¹⁰⁵. Одновременно синтез идей корпускулярной генетики с классическим дарвинизмом нашел подтверждение в исследованиях Р. Фишера, Дж. Холдейна и С. Райта¹⁰⁶.

Значительный вклад в формирование современной синтетической теории эволюции внесли зоолог Э. Майр и палеонтолог Дж. Симпсон. Исследования Э. Майра, в особенности его «Систематика и происхождение видов» (1942), способствовали дальнейшему развитию синтетической теории эволюции, явившейся синтезом генетики и концепций эволюции, восходящих к Ч. Дарвину¹⁰⁷. Дж. Симпсон ввел в оборот понятие «филетическая эволюция» (от греч. *phyle* – род, племя), которая характеризует эволюцию группы организмов, отличающихся прогрессирующим приспособлением особей последовательных поколений под действием направленного отбора. При этом генофонд данного вида изменяется как целое, без обособления дочерних видов. В результате возникает единая (без ответвлений) филетическая линия как непрерывный ряд последовательных во времени групп. Тем самым эволюция организмов, осуществляется постепенным однонаправленным изменением всей эволюционирующей группировки¹⁰⁸.

Теория естественного отбора была развита в трудах выдающегося отечественного ученого И.И. Шмальгаузена, который впервые попытался установить единый механизм микро- и макроэволюции, в широком смысле определяющий всю эволюцию жизни на Земле, отраженную с точностью до рода. Он исследовал процесс исторической обусловленности адаптивных видоизменений, которые характеризуются появлением новых свойств, а при постоянных изменениях внешних условий постепенно заменяются сходными по выражению мутациями. В конечном счете, модификации прокладывают путь для будущих генетических перестроек, облегчая комплексное приспособление организмов к меняющейся среде и способствуя автономизации индивидуального развития. Важнейшим

событием в развитии эволюционного учения стала книга И.И. Шмальгузена «Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора)», в которой он объясняет механизм автономизации онтогенеза от случайных колебаний среды¹⁰⁹.

Основы экологии, биогеографии, филогенетической систематики и этологии, заложенные в трудах Ч. Дарвина, развились в самостоятельные отрасли науки, формируя современные представления о путях, механизмах и закономерностях эволюции. На этой теоретической основе, благодаря активному применению в эволюционных исследованиях идей и методов молекулярной генетики и биологии развития, были достигнуты значительные успехи в эволюционной биологии.

Во второй половине XX в. формируется общая теория эволюции, которая характеризуется как расширение теории Ч. Дарвина на все процессы наследования, эволюции человеческого общества, его организации, и определяется как методологический дарвинизм.

С полным основанием можно утверждать, что существенный вклад в становление общей теории эволюции внес выдающийся философ и логик XX в. Карл Раймунд Поппер. В 1934 г. выходит в свет его первая книга «Логика научного исследования» (в переводе на русский язык «Логика и рост научного знания»), в которой ученый как теоретик и экспериментатор формулирует высказывания, системы высказываний и проверяет их шаг за шагом. В области эмпирических наук, в частности, ученый выдвигает гипотезы, или системы теорий, и проверяет их на опыте при помощи наблюдения и эксперимента¹¹⁰.

В 1963 г. выходит его вторая книга «Предположения и опровержения», в которой К. Поппер, характеризуя природу человеческого познания, отмечает, что человеческое

познание стремится к истинному описанию объективно существующего физического мира. И он готов согласиться с тем, что человек может получить истинное знание о мире. При этом К. Поппер категорически не согласен с мнением о существовании критерия истины – критерия, который позволил бы нам выделять истину из всей совокупности сложившихся убеждений. По его мнению, даже если в процессе научного поиска случайно определяется истина, то нельзя с уверенностью знать, что это – истина. Анализируя индуктивный метод научного познания и его методологию, основанные на научном познании, начинающемся с наблюдения, затем констатации фактов, их обобщения и выдвижения теории, К. Поппер приходит к отрицанию индуктивного метода познания. Он утверждает, что индукция, т. е. вывод, опирающийся на множество наблюдений, представляет собой миф. Она не является ни психологическим фактом, ни фактом обыденной жизни, ни фактом научной практики.

По мнению К. Поппера, человек в своем познании действительности всегда опирается на определенные верования, ожидания, теоретические предпосылки. Поэтому процесс познания начинается не с наблюдений, а с выдвижения догадок, предположений, объясняющих мир. Затем догадки соотносятся с результатами наблюдений, отбрасываются после их фальсификации, заменяются новыми догадками. Пробы и ошибки – вот из чего складывается, считает Поппер, метод науки. Для познания мира, утверждает он, нет более рациональной процедуры, чем метод проб и ошибок – предположений и опровержений: смелое выдвижение теорий, стремление сделать все возможное для того, чтобы показать ошибочность этих теорий, и временное их признание, если наша критика оказывается безуспешной. По мнению К. Поппера, метод проб и ошибок харак-

терен не только для научного, но и для всякого познания вообще. Более того, метод проб и ошибок является не только методом познания, но и методом всякого развития. Природа, создавая и совершенствуя биологические виды, действует методом проб и ошибок. Каждый отдельный организм – это очередная проба, где успешная проба выживает и дает потомство, а неудачная проба устраняется как ошибка¹¹¹.

В работе «Объективное знание» (1972 г.) К. Поппер подводит итог предшествующих исследований, а также излагает основные положения и новой теории трех миров и проблем эволюционной эпистемологии, работу над которыми он не прекращает до конца своей жизни. В 1979 г. выходит в свет второе, исправленное и дополненное издание этой работы, которое и было переведено на русский язык¹¹². Автор выдвигает и обосновывает положение, что в процессе исследования необходимо различать три мира: физических состояний; мыслительных состояний и диспозиций к действию; объективного содержания мышления, состоящий из содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства. Наиболее значимым в выдвинутой теории является третий мир. Его исследованию, так как он является естественным продуктом человеческой деятельности и формируется на основе и в результате взаимодействия физического мира и сознания, К. Поппер и уделяет пристальное внимание.

Здесь К. Поппер как критик марксизма, называя его «нищетою историцизма», исповедует те же взгляды, которые в русле эволюционной теории Ч. Дарвина, изложены в «Немецкой идеологии», где в качестве первой предпосылки всякой человеческой истории выдвигается существование телесной организации человеческих индивидов и обусловленное ею отношение к природе. В связи с этим, подчеркивается, что всякая

историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они благодаря деятельности людей подвергаются в ходе истории.

Решить проблему генетических основ становления, развития и функционирования экономических систем невозможно, если не исследовать взаимосвязи проблем происхождения человеческой деятельности, специфики человеческих форм отражения, которые генетически связаны с языком. Логика этого эволюционного процесса заключается в том, что сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь стали двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых и формируется человеческий мозг. Подробное отражение этот процесс находит в «Немецкой идеологии», где понимание взаимосвязи языка и сознания определяется и в их одинаковой древности. «Язык так же древен, как и сознание ... язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»¹¹³ [14]. В отличие от Г.В.Ф. Гегеля и его последователей, обособлявших язык и сознание от общества, от действительной жизни, подчёркивается, что язык существует только в обществе, он не врожденное, биологическое явление, не принадлежность отдельного человека: «...ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они – только проявления действительной жизни»¹¹⁴. Происхождение человеческого языка рассматривается во взаимодействии с формированием человека как общественного существа в процессе общественно-производственной деятельности: «объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным»¹¹⁵. Так как сознание «с самого начала есть общественный продукт и остаётся им, пока вообще существуют люди»¹¹⁶, практическая активная деятельность является основной возникновением сознания, а также закрепления

его результатов в названиях. Люди начинают с того, что овладевают предметами внешнего мира. «Благодаря повторению этого процесса, – писал К. Маркс, – способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди... научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов»¹¹⁷.

Развитие языка способствует не только совершенствованию процесса мышления, процесса познания мира и совершенствованию способов взаимоотношения с окружающим миром, но и способствует развитию восприятия, памяти, воображения, внимания, эмоциональных и волевых процессов, всего того, что обеспечивает мотивацию поведения. Люди сами начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им жизненные средства, т. е. делают тот шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им жизненные средства, люди тем самым косвенным образом производят и свою материальную жизнь. Какова жизнедеятельность индивидов, отмечает К. Маркс, таковы и они сами, следовательно, от материальных условий их производства зависит то, что собой представляют индивиды.

К. Поппер критикует марксизм за то, что в нем история общества рассматривается как процесс подчиненный объективным закономерностям, что обуславливает возможность научного предвидения на основе познания этих закономерностей. В связи с этим, он характеризует детерминизм К. Маркса как ограниченный, лапласовский, механистический детерминизм и считает, что в этом состоит «нищета историцизма». При этом, рассматривая проблемы соотношения закона и тенденции и роль в жизни общества социальной

технологии в работе «Нищета историцизма», К. Поппер утверждает, что законы и всеобщие тенденции радикально отличаются друг от друга, так как закон всеобщ и действует в любом явлении, а у тенденции такой черты нет. В связи с этим, исторический материализм представляет собой некий историцизм, «историческое творчество», которое заменяет историческую реальность схемой, заранее предопределяющей общественное развитие от первобытного строя через классовое общество к коммунистической эре. При этом, заявляя об утопии утверждений о преобразовании общественного строя, он считает возможным совершенствование общественных отношений, социальных институтов и т. д. на основе социальной инженерии (социальной технологии), тем самым противореча себе в доводах против исторического материализма.

Второй важной составной частью формирования окружающего мира, по мнению К. Поппера, является возникновение языка. Именно закрепляясь в языке, знание превращается в «объективный дух», приобретает объективный характер. Человек идет дальше, выделяясь из животного мира благодаря владению «специфически человеческим языком». Он обладает способностью вывести свои теории из своего организма, что позволяет смотреть на них как на объект критически, устанавливая, может ли теория решить его проблему и может ли она быть истинной, или её необходимо устранить, так как она неверна. Именно для решения задач такого рода, по мнению К. Поппера, можно использовать только специфически человеческий язык.

Следовательно, язык в своем развитии проходит такой же длительный путь, как и сознание. Для отдельного индивида, его действительного сознания язык имеет такое же практическое значение, что и для других людей. Поэтому язык, порождаемый объективной потреб-

ностью общения с себе подобными и возникает на этой основе. Аналогичная основа формирования и сознания – как осознание на первой ступени развития чувственно воспринимаемой среды и себя в ней, и в то же время, осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида. Постепенная замена инстинкта сознанием, его постепенное развитие вследствие целенаправленной трудовой деятельности, рост потребностей и совершенствование трудовых процессов, рост производительности труда и увеличение объемов производимых материальных благ влекут за собой и рост населения, что только усиливает роль языка в развитии сознания.

Но качественно новой ступенью в развитии человеческого общества становится производство идей, представлений об окружающей среде. Сознание человека, будучи в значительной степени зависимо от условий материальной жизни, с течением времени все больше освобождается от этой зависимости, приподнимаясь все выше над реальной жизнью.

Процесс углубления представлений об окружающей среде, развитие общения людей и совершенствование на этой основе материальных условий жизни являются взаимными, обуславливающими друг друга. На этой основе совершенствуется как материальное, так и духовное производство, которое проявляется в совершенствовании и развитии языка законов общества, религии, морали, культуры, искусства и т. д., расширяя свое влияние на все сферы человеческой деятельности, обогащая их и способствуя дальнейшему развитию. Тем самым важнейшей сферой производства, наряду с материальной, являющейся основой любого иного производства, становится производство идей. Оно непосредственно вплетается в развитие производительных сил и

само становится непосредственной производительной силой, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему развитию языка и общения, вплоть до его современных форм. Следовательно, сознание есть все более интенсивно прогрессирующий процесс отражения в мышлении человека явлений и фактов его бытия, с активным обратным воздействием на реальные процессы жизни самого человека и на его окружающий мир.

По мнению К. Поппера, «третий мир», несмотря на постоянное воздействие на него человека и обратное воздействие с его стороны, сохраняет свою автономность. Это мир теоретических систем, проблем и критических рассуждений, мир содержания журналов, книг и библиотек, который обособившись от человека, породившего его, живет своей особой жизнью. Он развивается в соответствии со своей логикой развития, логикой развития научных идей и открытий, логикой поиска истины, логикой проб и ошибок. Этот путь К. Поппер характеризует как процесс дарвиновской селекции, который проходит четыре фазы динамики теорий: определение проблемы; выдвижение гипотезы для её решения; отбрасывание не получивших подтверждения гипотез, или теорий; выдвижение новой и более точной постановки проблемы в результате критической дискуссии.

Дальнейшее развитие положения, в которых эволюция человеческого знания, подобно естественной эволюции в животном и растительном мире, является результатом постепенного движения по направлению ко всё более и более совершенным теориям, получают в «Эволюционной эпистемологии» К. Поппера¹¹⁸. В ней К. Поппер формулирует пять основных тезисов эволюционной эпистемологии, в основе которой находится жестко заданное методологическое основание – принцип естественного отбора.

В первом тезисе констатируется: «Специфически человеческая способность познавать, как и способность производить научное знание, являются результатами естественного отбора. Они тесно связаны с эволюцией специфически человеческого языка»¹¹⁹. К. Поппер отмечает, что этот тезис почти тривиален. Действительно, научное познание человека как биологического вида, являющегося продуктом естественного отбора, формируясь наравне со всеми другими сферами человеческой деятельности, подвержено влиянию процесса биологической эволюции. Соответственно, и язык, выступая сугубо социальным явлением, рассматривается как свойство человека, развившееся в результате биологической эволюции.

Второй тезис: «Эволюция научного знания представляет собой в основном эволюцию в направлении построения все лучших и лучших теорий. Это – дарвинистский процесс. Теории становятся лучше приспособленными благодаря естественному отбору. Они дают нам все лучшую и лучшую информацию о действительности»¹²⁰. Однако развитие науки, определяющее возникновение новых теорий, в отличие от дарвинистской теории последовательного приспособления видов к окружающей среде путем незначительных мутаций и естественного отбора, представляет собой более динамичный процесс.

Н.Д. Кондратьев, а за ним и Й. Шумпетер, характеризуют процесс появления новых теорий, знаний, где имеют место периоды формирования совокупности новых знаний, открытий, в революционно короткие промежутки времени, которые влекут за собой революционные преобразования в технике, технологии производства. Более того, проблема возможности и необходимости научного развития свидетельствует о наличии объективных и субъективных причин как

стимулирующих, так и сдерживающих развитие знания, т. е. находятся за пределами теории познания. В значительной мере этот процесс характеризуется уже не столько процессом эволюции человеческого общества как биологической, столько как социальной системы. Тем более что отбор научных знаний по принципу их соответствия потребностям человеческого развития осуществляется по принципу общественного признания, или неприятия вновь сформировавшихся теорий в ходе рассмотрения общего процесса эволюции социальной системы.

Третий тезис «Ученому-человеку, такому как Эйнштейн, позволяет идти дальше амбы владение тем, что я называю специфически человеческим языком»¹²¹. Эпистемология К. Поппера – это теория научного познания, которая пытается объяснить статус науки и ее рост. А объективизация знания осуществляется в виде знаковых систем посредством текстового изложения, которые не только являются необходимым условием научного познания, но и обеспечивают его передачу следующим поколениям.

Четвертый тезис: «Каждый аспект джастификационистской и обсервационистской философии познания ошибочен... Информация не вливается в нас из окружающей среды. Это мы исследуем окружающую среду и активно высасываем из нее информацию, как и пищу. А люди не только активны, но иногда и критичны»¹²². Здесь К. Поппер следует положениям своей теории познания – при нахождении ошибок предыдущих теорий они отвергаются, заменяясь новыми, как и отвергается чувственное, ассоциативное формирование теорий. Фраза «индукции не существует» еще раз подчеркивает, что К. Поппер отвергает получение новых знаний путем обобщения чувственных данных, т. е. ме-

тодом индукции, при этом акцентируя внимание на активный характер формирования знаний.

Пятый тезис: «В ходе эволюции человека необходимой предпосылкой критического мышления была дескриптивная функция человеческого языка: именно дескриптивная функция делает возможным критическое мышление»¹²³. Здесь К. Поппер еще раз подчеркивает важнейшее значение роли языка в развитии научного познания, делая акцент на его дескриптивную, т. е. описательную функцию.

Таким образом, К. Поппер предлагает рассматривать науку как прогрессирующую от одной проблемы к другой – от менее глубокой к более глубокой. Научная теория является попыткой решить научную проблему, связанную с открытием некоторого объяснения. Противоречия же могут возникать либо в некоторой отдельной теории, либо при столкновении двух различных теорий. «Только благодаря проблеме мы сознательно принимаем теорию... Т. о., наука начинается с проблем, а не с наблюдений, хотя наблюдения могут породить проблему...»¹²⁴.

Для К. Поппера наука является динамическим явлением, ибо наука, как он полагает, может существовать только в процессе роста. В отличие от логических позитивистов, которые концентрировали внимание на структуре научного знания, К. Поппер переносит центр внимания на развитие науки. «С объективной точки зрения, эпистемология представляет собой теорию роста знания, теорию решения проблем...»¹²⁵. Выдвижение на первый план изменения научного знания, его роста и прогресса может и противоречить распространенному идеалу науки как дедуктивной системы, но «рациональность науки состоит в рациональном выборе новой теории, а не в дедуктивном развитии теорий»¹²⁶. На этом основании К. Поппер отвергает взгляды о дедуктивном

развитии теорий и об индуктивном происхождении законов и теоретических терминов. По его мнению, хотя «вера в то, что наука развивается от наблюдения к теории, все еще так широко распространена ... ни одна научная теория не может быть выведена из высказываний наблюдения»¹²⁷. Поэтому формулировка содержания понятия теории выглядит следующим образом: «Теории – это наши собственные изобретения, наши собственные идеи. Они не навязываются нам извне, а представляют собой созданные нами инструменты нашего мышления ...»¹²⁸.

Формулировка процедуры критической проверки теорий, составляющая «учение о погрешимости знания» К. Поппера, заключается в определении законов и теорий как гипотетических, или предположительных, так как все теории являются догадками, предположениями, гипотезами. При возникновении вопроса о критериях предпочтения одних теорий другим, истинность которых невозможно обосновать эмпирически, исследователь должен определиться по поводу принципов предпочтения и возможности одних теорий быть «лучше» других¹²⁹. К. Поппер утверждает, что не существует «абсолютной надежности» теорий, но так как выбирать приходится, лучше всего выбрать проверенную теорию¹³⁰. На этой основе он пытается для отбора теорий ввести квазикритерии¹³¹, где правдоподобность высказывания будет определяться возрастающим ростом истинностного содержания и убывающим с ростом ложного содержания. Следовательно, более сильная теория с более богатым содержанием будет иметь большую правдоподобность, что образует логическую основу метода науки – смелых предположений и попыток их опровержения. Теория тем более дерзка, чем больше ее содержание, но поэтому она является и более рискованной, так как с большей вероятностью мо-

жет оказаться ложной. Поэтому поиск правдоподобности является более ясной и более реалистической целью, чем поиск истины. Этим объясняется как сам метод науки, так и метод истории науки, определяющий рациональную процедуру приближения к истине¹³².

Таким образом, эпистемология, уходя корнями вглубь веков, находит свое отражение и теоретическое развитие в работах представителей такой значимой ветви философии как теория познания, определившая объектом своего исследования природу, источники и значимость знания.

Во второй половине XX в., характеризующейся интенсификацией интеграционных и обменных процессов в обществе, глобализацией информационных обществ, стремлением к синтезу отраслевых научных знаний, эти тенденции проявляются в возникновении целого ряда общенаучных методологий системного, комплексного, информационного подходов, синергетики и целого ряда других методологий.

Эти процессы стали основанием для формирования следующих методологических принципов координации взаимодействия в межотраслевых исследованиях: выработки единых исходных представлений об объекте изучения (принцип релевантности); построение единого предмета исследования; выделение дисциплины, отражающей высшие уровни развития объекта и структурирования интегрального знания; субординация и координация методов исследования; определение генеральной цели междисциплинарного исследования; создание единой теоретической концепции объекта исследования.

Из двух основных направлений, наметившихся в современном исследовании познания, более широкое распространение получила эволюционная теория познания, которая отдает предпочтение ориентации

современной цивилизации на естественнонаучное знание. Именно для этого направления характерно большое число исследований, которые расширяют современные представления о механизмах отражения, об эволюции этих механизмов.

Виднейшим представителем современной эволюционной теории познания (эпистемологии) является один из её основоположников, доктор физико-математических и доктор философских наук Герхард Фоллмер. Свое основное внимание он уделяет исследованию эволюции органов познания и познавательных способностей, исходя из того, что совершенствование познания человека представляет собой эволюционный процесс. В ходе этого процесса совершенствовались познавательные способности и структуры человека, всё более соответствуя реальному миру, так как они формировались в ходе этого приспособления, и только такое согласование является определяющим условием выживания самого человека. Поэтому формирование «врожденных» познавательных структур осуществляется как природный эволюционный процесс. По мнению Г. Фоллмера, фактом является то, что развитие современной науки позволяет ей с успехом выходить далеко за пределы человеческого опыта, поэтому становится очевидным, что высокоразвитая познавательная способность является только одним из условий, которые были необходимы для возникновения такой науки. Другими такими условиями являются разделение труда в культуре, развитие достижений математики и в целом предположения, что явления объясняемы¹³³.

Главной предпосылкой эволюционной эпистемологии выступают базовые утверждения гипотезы «гипотетического реализма». К ним, по мнению Г. Фоллмера, можно отнести, во-первых, то, что имеется реальный мир, который независим от нашего восприя-

тия и сознания; во-вторых, то, что он структурирован; в-третьих, во всех областях действительности существует непрерывная историческая и генетическая связь между отдельными состояниями, когда существование первого события обуславливает существование второго, при этом, первое событие является причиной, которая влечет второе событие – следствие; в-четвертых, все индивиды обладают восприятием и сознанием; в-пятых, наши органы чувств находятся под влиянием реального мира и взаимодействуют с ним; в-шестых, наше мышление и сознание есть функция мозга как естественного органа; в-седьмых, научные высказывания должны быть объективными.

По мнению Г. Фоллмера, память и способность к обучению, любопытство, абстракции и возможность верификации результатов конкретного исследования, создание и использование понятий, формирование гипотез, коммуникативные потребности, применение описательного и убедительного языка, критическая позиция и потребность в согласии, основанном на приемлемости концептуальной схемы – все это в действительности типично человеческие черты, которые укоренены биологически и одновременно составляют основу науки.

Вместе с тем уже во Введении к «Эволюционной теории познания», характеризуя развитие эволюционной эпистемологии на современном этапе, Г. Фоллмер четко разграничивает направления её исследований. На примере работ «Оборотная сторона зеркала» Конрада Лоренца и «Объективное знание» Карла Поппера, Г. Фоллмер показывает, что в обеих работах на поверхности просматривается общее стремление авторов решать одни и те же проблемы человеческого познания посредством одной идеи – эволюции. Но в действительности они исследуют различные проблемы.

Если в основе исследования К. Лоренца находится проблема эволюции человеческих познавательных способностей, то основу исследования К. Поппера составляет проблема эволюции научного познания. Решение этих проблем подчинено общей эволюционной идее и универсальной эволюции. Но при этом эволюция способных к реальному познанию систем и эволюция науки представляют собой различные фазы и ступени эволюции. Поэтому, характеризуя исследование К. Лоренца, можно говорить об эволюционной теории познания, а исследование К. Поппера – об эволюционной теории науки.

В свою очередь, основное направление развития эволюционной теории познания, которая получила отражение в его книге, Г. Фоллмер определяет, что она ориентирована преимущественно биологически и в ней обсуждается, прежде всего, эволюция человеческих познавательных способностей, что связано, в противоположность К. Попперу, с явно выраженной натуралистической позицией. Но это лишь свидетельствует о том, что эволюционная теория познания развивается по разным направлениям, которые обогащают и развивают её. Да и сама эволюционная теория познания, по мнению Г. Фоллмера, ещё по-прежнему представляется исследовательской программой, теоретико-познавательные рамки которой ещё должны быть развиты в полноценную теорию.

Применение дарвинизма к эволюции знания, его наследование, а также изменение в процессе наследования путем совершенствования и накопления, углубление процесса познания приводят к их естественному отбору в процессе социально-экономического развития, к его интеграции, дифференциации, комбинированию, чем и определяется положение Гегеля о всеобщем характере роста знания в процессе мировой

эволюции. Тем самым человек, будучи включенным в объективные природные и социальные связи, являясь объектом действия природы и общества, их продуктом и результатом, одновременно, опосредуя свое отношение с внешним миром, выступает субъектом познания и действия, он опосредует свое отношение с внешним миром. Процесс формирования, накопления и совершенствования знаний происходит путем познания окружающего мира, выявления последовательности, причин изменений, происходящих в нем, последствий этих изменений и тем самым определяет условия своих действий, выбор средств и способов деятельности по преобразованию окружающей среды.

Вместе с тем, это целесообразная форма деятельности, которая детерминирована внутренними и внешними потребностями и интересами, побуждающими к выдвижению определенных целей, на достижение которых и направляются знания, навыки и умения по преобразованию среды обитания. Следовательно, сами уровни знаний, навыков умений, средств достижения целей, а соответственно, и мотивов поведения, и целесообразной деятельности по удовлетворению потребностей обусловлены объективными условиями среды обитания человека и уровнем его развития в ней.

Но переход от познания к преобразованию окружающей среды, в процессе которого знания превращаются в серьезное орудие по созданию в ней все более благоприятных условий своего существования и развития, предполагает ряд условий.

Первым важнейшим условием указанного преобразования является окружающая природная среда, которая изначально выступает неисчерпаемым объектом познания, а затем в процессе накопления знания о ней, в соответствии с действием объективных законов функционирования природной среды, с пониманием

возможностей их использования для улучшения и преобразования условий своего существования, и с объектом преобразования.

Вторым важным условием рассматриваемого преобразования является сам человеческий труд, в процессе которого, используя орудия труда с целью экономии в расходовании человеческой энергии, совершенствуя их с этой целью, индивид опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Поэтому труд связан не только с применением, но и с изготовлением орудий труда, что приводит к дальнейшему развитию знаний у человека, к совершенствованию способности его мышления. Тем самым улучшение в процессе труда природных условий своей жизни приводит к изменению и собственной природы, к развитию творческих способностей человека.

Третьим важнейшим условием преобразования является развитие познавательной деятельности человека, накопление им знаний об окружающей среде как необходимая предпосылка повышения производительности труда, его эффективности, совершенствование процесса сознательного преобразования действительности. Кроме того, в процессе жизнедеятельности человек непрерывно взаимодействует не только с естественной, но и с социальной средой, которая формируется и используется человеком для обмена знаниями и удовлетворения своих потребностей. В социальной среде потребление и обмен знаниями становятся более интенсивными. «Социальная, политическая, духовная жизнь общества, — пишет В.С. Барулин, — это как бы ступеньки возрастания удельного веса сознания в различных общественных процессах ... оно выступает центром, осью духовной жизни, но рассматривается в аспекте сферы духовного производства как продукт деятельности социальных институтов и в единстве с ними»¹³⁴.

Следовательно, применение дарвинизма и к эволюции знания, которое обосновывает В. Турчин в работе «Феномен науки», свидетельствует о том, что знание наследуется так же, как и генотип, и ему присущи такие же изменения в процессе наследования. Взаимодействуя друг с другом, разные элементы знания в процессе этого взаимодействия, подобно генам при скрещивании, формируют новые комбинации. Они, как и гены, в ходе взаимодействия индивида с внешним миром, подвергаются отбору в процессе общественно-исторической практики, важнейшей частью которой является экономическая деятельность.

В эволюционном процессе происходит и формирование социально-экономической системы посредством естественного выбора оптимального объединения нескольких элементов, где формируется наиболее эффективная их комбинация, которая размножается и используется как целое в качестве элемента более сложной системы. Тем самым формируется иерархия сложной системы, которая возникая как естественно, так и в процессе сознательной деятельности человека, является организованной, с неотъемлемым атрибутом этой системы – необходимостью управления ею.

Управление социальными системами также проходит свой эволюционный путь. По мнению американских экономистов Александра и Кати Ласло, управление развитием социально-экономической системы, частью которой мы сами являемся, есть процесс управления эволюцией этой системы. Но для успешного управления таким развитием необходимо осознание этого процесса как эволюционного, с учетом всей предшествующей истории социально-экономической системы. В разработанной на основе биологической синтетической теории эволюции и математического аппарата они утверждают, что общая теория эволюции

представляет собой увеличительное стекло, которое сосредотачивает наше внимание на том, как происходят изменения, и предлагают нам оценить свою роль в этом творческом процессе. По их мнению, конструирование социальных систем является инструментом для формирования систем, в которых мы работаем, учимся и живем. Оно дает нам возможность быть активными участниками творческого преобразования нашего социального мира. Соединяя эти два подхода, эволюционное конструирование систем представляет собой путь решения проблем и развития в эпоху, когда сложность современных глобальных процессов может оставить нас без надежды на светлое будущее. Успешное эволюционное будущее в органическом сотрудничестве с природной средой зависит от нашей способности провести творческую энергию нашего идеального образа будущего в грубую материю нынешних реалий, не соскальзывая в фаталистический пессимизм или в утопический оптимизм¹³⁵.

Одновременно, переплетаясь и взаимодействуя с рассмотренными процессами эволюции, формируется и материальная культура, в развитии которой четко отслеживаются её качественные этапы. Одним из важнейших таких этапов является переход в системе производства, следующей за неолитом, к выплавке металла. Если на предшествовавшем этапе материалы для орудий труда являлись природными, то выплавка металла направлена на изготовление материала с необходимыми свойствами для изготовления необходимого орудия. Благодаря этому люди получают новые материалы с нужными для них свойствами, которых нет в природе.

Следующим значительным этапом в эволюции знания об экономических системах стали исследования развития производства на основе использования новых источников энергии – двигателей – технической базы

первой промышленной революция в XVIII в., в корне изменившей весь облик производства. Основным предметом исследований становится технический прогресс, определяемый процессом совершенствования двигателей – от паровой машины до двигателя внутреннего сгорания, а затем – электромотора.

Качественно новым этапом в системе знаний о системе производства становится середина XX в., которая характеризуется существенными изменениями в его структуре, переходом к управляемым двигателям, автоматизацией производственных процессов. Внедрение в процесс производств вычислительных машин приводит к более быстрому, чем прежде, росту производительности труда и придает системе производства характер автономной самоуправляющейся системы. Тем самым можно говорить о второй промышленной революции, которая в еще большей степени, чем первая, повлияла на общее преобразование системы производства.

Переход в развитии материальной культуры от одного этапа к другому свидетельствует о том, что протекание производственных процессов на каждом новом этапе становится все более динамичным. Жизненные циклы машин и механизмов становятся все короче. Физическое старение во все большей степени уступает моральному старению.

Одновременно с этим процессом все быстрее обновляются и устаревают и знания. Если на индустриальном этапе развития перемены в области знаний происходили относительно медленно, и знания в процессе обучения и их использования могли служить долго, то к концу XX в. ситуация стала кардинально меняться. Знания стали очень быстро обновляться и устаревать. Век энергии сменяется веком информации.

Человечество вступило в новый этап своего развития, в век информации, где определяющей теорией стал закон Мура, который гласит, что каждые восемнадцать месяцев количество информации удваивается. Другими словами, чтобы успеть за переменами, необходимо каждые полтора года практически обновлять свой багаж знаний.

Под натиском информации происходит изменение и в мышлении. Если на предшествующем этапе развития успех сопутствовал тем, кто умел накопить и перераспределить больше материи-энергии, то все большее значение приобретает умение обращаться с информацией-энергией. Если раньше шла борьба за доступ к материальным объектам, то на новом этапе острота борьбы сместилась к источникам информацией.

Существенно изменяется и содержательная составляющая экономических систем. Если в первые десятилетия второй половины XX в. производство было подчинено материализации идей в новых видах товаров, что стало основной проблемой всей воспроизводственной системы, то особенностью её функционирования в последние десятилетия XX в. – начале XXI в. приоритетным становится производство идей.

Следовательно, проблема изучения особенностей, определяемых характером, содержанием, механизмами создания, распространения и использования знаний, составляющих основное содержание современной экономической системы, является к настоящему времени вполне сформировавшимся и наиболее динамично развивающимся направлением мировой экономической науки¹³⁶.

В связи с изложенным, важнейшими составляющими экономических систем выступают разработка основополагающих принципов функционирования этих систем, которые обеспечивают постоянное и нараста-

ющее по своей динамичности и научной насыщенности производство идей. Их дальнейшее тиражирование, становится уделом менее развитых экономических систем. Уже сейчас стоимость научной составляющей в производстве современных товаров достигает 80%, и только 20% приходится на их материализацию. Есть все основания полагать, что в дальнейшем тенденция увеличения стоимости научной составляющей в общей стоимости будет только возрастать. Поэтому в современной экономической системе все более весомое значение приобретает уже не способность быстро материализовывать результаты фундаментальных и прикладных исследований, а эффективно их применять, что свидетельствует о формировании нового качественного этапа экономики, основанной на эволюционном характере развития знаний – экономики изобретающей. В передовых странах разрабатываются идеи и принципы, воплощающиеся в конкретные конструкции, производство которых во все большей степени перемещается в азиатские страны, или на почти полностью автоматические заводы в развитых странах.

Важнейшей составляющей экономических систем, на которую одним из первых обратил внимание А. Богданов, является существование интегративных структурных уровней организации материи. Они определяются не конструкцией отдельных видов материальных систем, а более общими организационными законами.

В реализации идей структурные уровни наиболее полно представлены в научных теориях. Необходимость их существования определяется процессом создания идеальных конструкций материального мира. Эти конструкции, основываясь на законах взаимодействия понятий, способствуют формированию идеальных систем, которые соответствуют системам реального

мира. А так как формирование теорий обусловлено необходимостью взаимодействия (посредством использования общих понятий и законов) множества участников этого процесса, то это является социальной основой существования горизонтального интегративного уровня. Этот процесс К. Поппер определил как совокупность таких идеальных теоретических миров – «третьим миром».

Пьер Тейяр де Шарден в книге «Феномен человека», вышедшей в 1940 г., характеризуя существование горизонтального интегративного уровня, предсказывает удивительное по прозорливости развитие событий. Он пишет, что благодаря изобретению железной дороги, автомобиля, самолета физическое влияние каждого человека, некогда ограниченное, теперь расширяется на сотни миль. Поэтому вся совокупность мыслящих сил и единиц вовлечена во всеобщее объединение, что приводит к органической суперагрегации душ¹³⁷.

В процессе эволюции экономические процессы воспроизводства общества и индивида имеют общую основу. Они соотносятся как общее и частное. Инстинкт сохранения индивида как биологической особи постоянно побуждает его к действиям направленным на удовлетворение потребностей своих и членов семьи. Но удовлетворить он их может с отделением индивида от средств производства, только участвуя в общественном воспроизводственном процессе, воспроизводя и себя, и средства производства, и всю совокупность отношений в этом процессе. Тем самым, участие в воспроизводстве на индивидуальном уровне, обеспечивает реализацию воспроизводства на уровне общественном.

Детальное исследование этой зависимости в процессе эволюции экономической системы проведено К. Марксом в «Капитале». Исследователь экономических систем венгерский экономист Я. Корнай, характе-

ризуя системную парадигму, процесс перехода от одной системы к другой, наличие возможности на основе системы знаний объяснять настоящее и предвидеть будущее экономической системы, так характеризует этапы в формировании системной парадигмы: «Маркса можно считать «пионером» системной парадигмы, поскольку он не ограничивался изучением какой-то одной области капитализма (политической, экономической, социальной или идеологической), а рассматривал их в неразрывной связи и анализировал их взаимодействие. ... Системный подход Маркса заключается в том, что он изучал не отдельные институты капитализма, но их совокупность как систему в целом. ... Мизес и Хайек не обошли вниманием тот фундаментальный факт, что политика и экономика тесно взаимосвязаны. Стимулы, коммуникации, сбор и обработка информации – подобные вопросы лежат в основе их аргументации. Идеи Мизеса и Хайека являются выдающимися примерами мышления в духе системной парадигмы. ... Еще одним великим «архитектором» системной парадигмы был Й. Шумпетер. ... Шумпетер хочет понять обе системы в их полноте, включая политические, социологические, экономические и идеологические аспекты»¹³⁸.

Анализируя экономическое развитие, определяя его эволюционный характер, исследуя основной феномен экономического развития, Й. Шумпетер рассматривает диалектическую связь между производством и потреблением. Он отмечает, что если экономический анализ исходит из того фундаментального обстоятельства, что удовлетворение потребностей является смыслом всякого производства, то новшества в экономике внедряются не после того как у потребителей стихийно возникнут новые потребности, в связи с чем произойдет переориентация производственного аппарата, а только тогда

когда само производство привьет потребителям новые потребности. Следовательно, инициатива остается за производством. Поэтому на каждом новом этапе развития формируются новые производственные комбинации, которые Й. Шумпетер рассматривает как двухуровневые: «Производить – значит комбинировать имеющиеся в нашей сфере вещи и силы. Производить нечто иное, или иначе – значит создавать другие комбинации из этих вещей и сил. В той мере, в какой новая комбинация может быть получена с течением времени из старой в результате постоянного приспособления, осуществляемого посредством небольших шагов, имеет место изменение, а возможно, рост, а отнюдь не новое явление». Новое явление, констатирует Й. Шумпетер, может возникнуть только дискретным путем¹³⁹.

С более общих позиций знания подходил к проблеме экономического развития А.А. Богданов в «Технологии». Он отмечал две основные тенденции присущие эволюции экономического развития, в ходе которых человек во всей своей как практической, так и в мыслительной деятельности осуществляет разделение и соединение наличных элементов. Весь исторический опыт развития экономических процессов основывается на общественном разделении труда, его все углубляющейся специализации, а затем соединении – кооперировании труда.

Именно под этой призмой, рассмотрение Й. Шумпетером комбинирования разделенного труда, с целью его наиболее эффективного применения, и есть процесс внедрения нововведений в процесс труда, в его организацию.

Таким образом, генетические основы функционирования экономических систем заложены в самой эволюционной тенденции формирования системы зна-

ний человека и развитию на этой основе экономических систем как нелинейных, которые реализуется тонким механизмом взаимодействий, определяющих процесс зачастую даже незначительных, мелких изменений, при переходе от одного метастабильного состояния к другому.

2.3. Институциональная составляющая в формировании динамики экономических систем

Динамика экономических систем в процессе их эволюции тесно связана с институционализмом. В процессе развития эволюционного и институционального направления в экономической теории наметились общие подходы к анализу развития экономических систем. На этой основе обозначился процесс объединения двух направлений и формирования институционально-эволюционной теории, или эволюционного институционализма.

Развитие идей институционально-эволюционной теории можно проследить на основе формирования её основных положений. Первые серьезные шаги в этом научном направлении были сделаны в 20–30 годы XX в. в работах Т. Веблена, Дж. Гэлбрейта, Дж. Коммонса, У. Митчелла, К. Эйрса, Дж. Ходжсона.

В работе Т. Веблена «Теория праздного класса» формулируются важнейшие положения институционально-эволюционной теории. Он отмечает, что уже в процессе эволюции культуры возникновение праздного класса совпадает с зарождением собственности. Эти два института являются результатом действия одних и тех же экономических сил, так как на этапе зарождения это всего лишь разные аспекты одних и тех же общих закономерностей развития общества. На начальном этапе формирования института собственности она выступает, с одной стороны, как объект зависти, а с

другой – как свидетельство проявленных способностей, яркое доказательство успеха, достойного почитания. Тем самым накопленные материальные ценности приобретают характер независимой и определенной основы уважения и самоуважения¹⁴⁰.

Очень важной характеристикой этого периода, которая, по нашему мнению, играет существенную роль в особенностях формирования экономических систем, их динамики, является «обособление материальных ценностей». Оно в дальнейшем становится важнейшей характерной чертой эволюции экономических систем. Относительное обособление имеет место и для фаз производственного цикла, и для отраслей национальной экономики, и для сфер деятельности. Такое обособление характерно и для процесса эволюции человеческого общества. Дифференциация, расслоение и относительное обособление в составе общества социальных групп становится характерной чертой эволюционного процесса. Одновременно это же явление выступает неотъемлемой составной частью формирования институтов общества. В основе же этой дифференциации находится общественное разделение труда и, по определению Т. Веблена, «более или менее стройная система специализации».

Обособлением материальных ценностей заложена основа зависимости от привычки к денежному соперничеству. Соперничеством в значительной мере обусловлены и формирование способов потребления, и выбор предметов потребления. Поэтому денежный успех, подкрепленный сопоставлением себя с другими людьми, становится целью всякого действия. На этой основе из общества выделяется денежный класс, воспринимающий труд как унижающий достоинство. С переходом к денежной стадии культуры институт праздного клас-

са, по мнению Т. Веблена, наполняется новым смыслом, являясь им как на деле, так и в «теории».

С ростом плотности населения, оседлости общности, с накоплением состояния начинается расслоение дальнейшей производственной дифференциации классов, происходит дальнейшее развитие их структуры и функций, поэтому законные власти и обычаи, регулирующие систему собственности, получают больший простор и согласованность в своих действиях. Но с углублением дифференциации общества возникает необходимость оказания влияния на более широкое социальное окружение, в связи с чем, усиливается роль средств коммуникации и подвижности населения. В этом процессе потребление становится все более существенным элементом уровня жизни. Денежное соперничество в индустриальном обществе играет определяющую роль.

Эволюцию общественного устройства с жизнью человека в обществе, борьбу за существование Т. Веблен соотносит с процессом отбора и приспособления. Поэтому эволюция общественного устройства явилась и процессом естественного отбора социальных институтов. А продолжающееся развитие институтов человеческого общества и природы человека, как и достигнутый в этом аспекте прогресс можно в общих чертах свести к естественному отбору наиболее приспособленного образа мысли и к процессу вынужденного приспособления индивидов к окружению, постепенно изменяющемуся с развитием общества и социальных институтов, в условиях которых протекает человеческая жизнь. Но общественные институты не только сами являются результатом процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие, или господствующие типы отношений и духовную позицию, они в то же время выступают особыми способами

существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь служат действенным фактором отбора. Поэтому изменение экономических институтов ведет к дальнейшему отбору индивидов с наиболее приспособленным складом характера, а также к приспособлению привычек и темперамента отдельных людей к изменяющемуся окружению вследствие образования новых экономических институтов.

Динамику формирования экономических институтов общества можно охарактеризовать следующим образом. Условия формируют будущие общественные институты под влиянием процесса принудительного отбора, действуя на привычные взгляды людей, вследствие чего изменяется, или укрепляется, унаследованная точка зрения. Следовательно, институты общества являются результатом процессов, которые происходили в прошлом, приспособлены к обстоятельствам прошлого, поэтому не вполне соответствуют требованиям настоящего времени, вследствие чего каждое последующее состояние общества, едва успев установиться, уже обнаруживает тенденцию к устареванию. Когда общество делает в своем развитии шаг вперед, сам этот шаг представляет собой изменение ситуации, требующее нового приспособления.

Вместе с тем унаследованные обществом институты служат факторами социальной инерции, консервативности. Эволюция общества характеризуется приспособлением, адаптацией, изменением ставшего привычным образа мысли. Соответственно изменяется, развивается, приспосабливается к изменяющейся обстановке и структура общества.

С позиции экономической теории, по мнению Т. Веблена, динамика изменений в обществе состоит в поступательном приближении и почти точному уста-

новлению внутренних отношений в соответствии с отношениями внешними, но такое соответствие никогда точно не устанавливается, так как внешние отношения подвержены постоянному изменению вследствие продолжающихся изменений во внутренних отношениях. Перестройка образа мысли под влиянием изменяющейся объективной необходимости происходит с опозданием, неохотно и лишь тогда, когда к тому принуждает ситуация, сделавшая принятые взгляды непригодными. Вследствие этого реорганизация экономических институтов осуществляется в ответ на давление извне, являясь реакцией на побуждение к переменам.

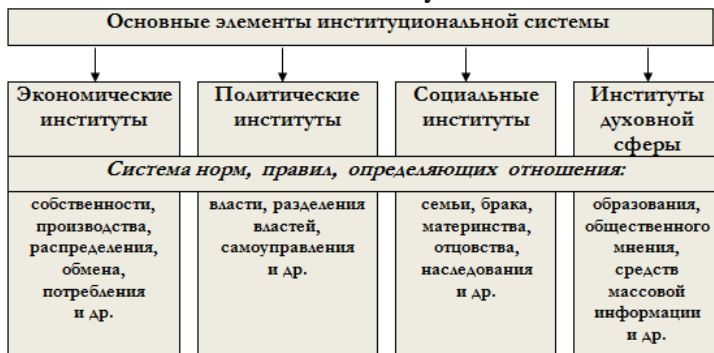
Отсюда и вытекает способность социальной структуры развиваться в зависимости от степени свободы каждого члена общества и действия принудительных сил, которые в промышленном обществе почти всецело экономические по своей природе.

Любую социальную общность можно рассматривать как экономический механизм, структуру которого составляют социально-экономические институты (Схема 4).

Таковыми институтами выступают привычные способы осуществления процесса общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество. Когда в данной окружающей среде разработаны определенные способы развития человеческой деятельности, жизнь общества находит свое выражение в этих привычных направлениях. Выгода извлекается и используется согласно ранее приобретенным способам и воплощенным в экономических институтах. Но с увеличением численности населения, расширением познания людей и их умения управлять силами природы привычные средства и привычные схемы жизнедеятельности людей не дают желанного результата. В результате градация по общественному положению

членов общества изменяется. Следовательно, процесс перестройки общепринятого представления о жизни будет требовать изменений, которые должны стать частью измененной системы производства.

Схема 4 Основные элементы институциональной системы.

В этом процессе особая роль отводится влиянию денежного интереса и привычной денежной психологии на развитие экономических институтов. Они проявляются в законодательных актах, соглашениях, направленных на защиту собственности, при исполнении договоров, закреплении имущественных прав. Но косвенно эти соглашения в сфере бизнеса имеют самое серьезное значение для процесса производства и для образа жизни общества. Ближайшей целью такой финансово-институциональной системы и ее улучшения, по Т. Веблену, является усиление возможности мирной и организованной эксплуатации, но ее действие в отдаленной перспективе распространяется гораздо дальше этой непосредственной цели. Это выражается в стремлении сократить усилия в руководстве бизнесом, устранить осложнения, требующие проявления умения разбираться в повседневных делах, что способствует в

перспективе исключению из этого процесса «денежного класса» и превращению денежных сделок в простую формальность. Тем самым процесс совершенствования экономических институтов, приобретает тенденцию к усилению доли акционерных кампаний, что усиливает роль экономических институтов, сокращая функции собственников и их влияние на производственный процесс в целом.

В исследовании роли экономических институтов в процессе эволюции экономических систем с целью четкого распознавания причинно-следственной связи в физических и социальных явлениях особое внимание уделяется науке. Формируется тесная связь расцвета науки и производственной жизни, когда производственная жизнь следует модели, определяемой наукой. Поэтому и наука, и научная теория достигают успехов в тех областях человеческой жизни и знания по мере того, как каждая из них вступает в более тесную связь с процессом производства и с экономическими интересами. Но когда потребности производственной жизни принудили к распознаванию причинно-следственной связи, при практическом столкновении человека с природным окружением, только тогда люди упорядочивают явления окружающей среды и факты собственного взаимодействия с ней с позиций причинно-следственной связи.

Таким образом, несмотря на то, что исследования Т. Веблена не представляют цельного научного учения, они заложили основу идей и концепций для объединения эволюционной методологии, что и является, по его мнению, основополагающим принципом экономической теории, так как экономический институт по своей природе обладает свойствами наследственности и представляет собой самоподдерживающийся, самовоспроизводящийся социальный феномен. Вместе с

тем это также центральная идея его исследований, так как природу изменений экономических институтов формирование их разнообразия он объяснял естественным отбором. В методологическом плане, Т. Веблен впервые поставил вопрос о роли эволюционной программы в экономической науке и определил область её применения.

Становление второго этапа в развитии институциональной теории относится к 40–70-м годам XX в., когда формулируются основные положения по реализации «Нового курса» Ф. Рузвельта. Его теоретической основой стали работы «Экономические институты и благосостояние людей» Дж. М. Кларка, «Власть без собственности» и «Капиталистическая революция XX столетия» А. Берли, серия статей по проблемам процесса отделения капитала-собственности от капитала-функции Г. Минза.

А.О. Берли, являясь одним из ближайших советников Ф. Рузвельта, принимая активное участие в работе его «мозгового треста», стал всемирно известным своим вкладом в теорию «управленческой революции». Он долгие годы возглавлял «Фонд двадцатого столетия», который оказывал активную помощь в проведении исследований по экономическим и социальным вопросам во второй половине XX в.

Наиболее известная работа А.О. Берли «Современная корпорация и частная собственность», написанная совместно с Г. Минзом и опубликованная в 1932 г., характеризует процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции. В ней авторы, основываясь на процессе акционирования собственности в крупных корпорациях, утверждают, что власть в них переходит от собственников к управляющим, тем самым происходит отделение собственности от непосредственного управления ею собственниками. Функ-

ция управления передается менеджерам. Книга практически сформулировала теоретическую основу «революции управляющих», что по своему значению во второй половине XX в. было приравнено к «кейнсианской революции». Основные положения книги стали базовыми для пересмотра важнейших постулатов неоклассической теории фирмы и ценообразования¹⁴¹.

В значительной степени это потребовало существенной переоценки в новых условиях той роли предпринимателя и его значения в экономическом развитии, которая была так фундаментально сформулирована Й. Шумпетером. В новых условиях, обоснованных А.О. Берли и Г. Минзом, роль предпринимателя в экономическом процессе и основной побудительный мотив его деятельности – получение прибыли – потеряли свое прежнее индивидуалистическое значение. Они растворились в коллективном руководстве управляющими, растворились в коллегиальном руководстве. В корпорации, по мнению А. Берли, осуществляется процесс «самосоциализации» вследствие рассредоточения акционерной собственности среди мелких и средних акционеров, участия в акционерной собственности пенсионных фондов и страховых компаний, а также благодаря социально ответственному управлению корпорациями со стороны менеджеров. Основой этих процессов трансформации собственности А. Берли считает концентрацию капитала.

На основе выводов А. Берла и Г. Минза, в дальнейших исследованиях данной проблемы было высказано предположение, что управляющие, контролируемые гигантские компании, в большей степени нацелены на развитие этих компаний и улучшение их имиджа, в отличие от их владельцев, которые прежде всего озабочены повышением доходности компаний. Тем самым утверждается, что нацеленность крупных

корпораций и их управляющих в большей степени, чем их владельцев, соответствует общественным интересам.

Однако как предшествующие, так и дальнейшие исследования этой проблемы свидетельствуют о стремлении выдать желаемое за действительное, так как, являясь обладателями значительных долей акций своих и других компаний, эти же управляющие, прежде всего, заинтересованы в повышении уровня отдачи капитала и в увеличении своих доходов, ничем не отличаясь от других владельцев.

Развитие процессов, послуживших основой исследований А. Берли и Г. Минза, обусловило высокую динамику концентрации и централизации производства и капитала в развитых странах до начала 80-х годов XX в. На этой основе уже в эти годы концентрация и централизация капитала компаний возрастают кратно. Эта тенденция усиливается и в производстве, стимулируя повышение эффективности хозяйственной деятельности национальных компаний, упрочение их позиций, как в национальных экономических системах, так и в мировой системе хозяйства. Но одновременно формируется тенденция к сокращению средних и мелких предприятий, которые по своей производительности и инвестиционным возможностям существенно уступают крупным компаниям.

Описанный процесс постепенно охватывает не только сферу промышленного производства, но и перекидывается на строительство, сельское хозяйство, сферу услуг, что влечет за собой возникновение на месте мелких семейных ферм и маленьких магазинов крупных агропромышленных комплексов и супермаркетов. В дальнейшем этот процесс усиливается вертикальной интеграцией, которая в условиях конкурентной борьбы на мировом рынке, а также в условиях кризисных ситуаций значительно повышает финансо-

вую устойчивость компании посредством внутрифирменного перелива капитала между различными видами производства. Возникают диверсифицированные крупные межотраслевые монополии, промышленные группы, быстро перерастающие в транснациональные корпорации.

Сосредоточение значительной доли акций крупных компаний в руках банков, страховых и финансовых организаций свидетельствует о том, что доминирование в них интересов вкладчиков приводит к существенному снижению влияния на компании роли управляющих, несмотря на установившееся мнение, что большинство самых крупных корпораций контролируется управленцами¹⁴².

Вместе с тем существенное увеличение объемов капитала в самих корпорациях объективно обуславливает усложнение и расширение сферы управления, вовлечение в неё все большего числа управленцев разного уровня. Те функции, которые выполняли для осуществления взаимосвязей между относительно небольшими по масштабам производствами и посредническими и торговыми структурами деньги, переходят в сферу деятельности управленцев. Эта объективная закономерность и оказывается основой и количественного роста управленцев в общественном воспроизводстве, и усиления их влияния на саму сферу воспроизводства¹⁴³.

Но почему-то Г. Минз и А. Берли при описании проблемы отделения собственности от контроля в работе «Современная корпорация и частная собственность», а также в работе А. Берли «Власть», где подчеркивается, что капитал и капитализм сохраняются, но исчезает капиталист, эта тенденция, на которой и основывается «революция управляющих», не анализируется.

В то же время авторы отмечают необходимость формирования новой теории, которая должна на основе глубокого анализа деятельности крупных корпораций, их взаимодействия и влияния на окружающую среду сформулировать более современную теорию сложившихся экономических отношений. Следствием этих отношений являются усиление влияния небольшого числа производителей на воспроизводственный процесс в целом, значительное ограничение ценовой конкуренции, тенденция к жесткости цен вследствие их администрирования и контроля рынков, а тем самым – предельное ослабление рыночного механизма.

Эту тенденцию тщательно исследует Г. Минз в работе «Индустриальные цены и их относительная негибкость», написанной до второй мировой войны, где проанализирована динамика цен отраслей промышленности с высоким уровнем концентрации производства. Спустя 14 лет после второй мировой войны он пишет работу «Администрируемая инфляция и государственная политика», где исследуется динамика непропорционального роста цен на сталелитейную продукцию. В условиях отсутствия повышенного спроса, а также недогрузки производственных мощностей цены на эту продукцию выросли более чем на треть, что свидетельствовало об определяющем влиянии монопольной составляющей при формировании цен на указанную продукцию. На этом основании, Г. Минз делает вывод о невозможности использования обычных монетаристских методов посредством регулирования денежной, кредитной, бюджетной политики государства для борьбы с необоснованным завышением цен крупными компаниями сталелитейной отрасли.

Эффективным средством противодействия политике использования рыночных механизмов с целью повышения цен, по мнению Г. Минза, является совер-

пенствование законодательного ограничения влияния крупных корпораций на политику ценообразования своей продукции и усиление роли профсоюзов. Они при сохранении позитивных элементов в развитии коллективного капитализма, который должен воплотить в себе более эффективное и равномерное распределение собственности и доходов, должны противостоять отрицательным проявлениям корпорационной системы.

Тем самым Г. Минз внес существенный вклад в прогресс современного направления в развитии экономической теории – институционализма. Дальнейшее существенное развитие этого направления было осуществлено Г. Минзом в работах: «Коллективный капитализм и экономическая теория» в 1957 г.; «Корпоративная революция в Америке» и «Власть над ценообразованием и общественный интерес» в 1962 г.; «Корни инфляции» в 1975 г.

Качественно новым этапом в стимулировании институционального направления в развитии экономической мысли с 70-х годов XX в. стало исследование социальных, политических, правовых и других проблем общества методами неоклассической экономической теории, основу которых составляют микроэкономические процессы. От установления роли институтов общества в прогрессе экономических систем институциональное направление перешло к более глубокому научному анализу роли экономических институтов в жизни общества, к определению условий развития институтов общества с целью повышения общественного экономического эффекта. Особое место в обширном перечне работ институционального направления занимает исследование американского экономиста, лауреата Нобелевской премии 1993 г. Д. Норта «За возрождение исследований в области экономической

истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения».

Основываясь на содержании прав собственности, транзакционных издержек, контрактных отношений и групповых интересов, Д. Норт формирует емкую по охвату проблем концепцию экономических институтов, которая своей основной направленностью преследует цель выяснить и раскрыть основные закономерности развития человеческого общества, где институциональные изменения являются главными детерминантами социального и экономического развития¹⁴⁴.

Характеризуя институты общества, как правила игры в обществе или как ограничения, изобретенные самими людьми, которые формируют взаимодействие между экономическими агентами и приводят к возникновению стимулов к обмену¹⁴⁵, Д. Норт устанавливает прямую связь осуществления транзакций с уровнем развития экономических институтов, возвратом кредитов, выполнением обязательств, с эффективностью рынка факторов производства и рынка товаров и услуг, которые выступают основой экономического роста.

В связи с этим выделяются четыре основных фактора, которые обуславливают издержки осуществления сделок или обмена.

В качестве первого фактора выступают издержки, которые определяют ценностные характеристики товаров и услуг, а также издержки участия экономических агентов в обмене, т. е. транзакционные издержки. Набор прав, которыми обмениваются экономические агенты, составляет понятие «права собственности». Соответственно чем сложнее процесс измерения ценностных характеристик обмениваемых прав с их физи-

ческими параметрами, обмениваемых прав пользования, получения и отчуждения дохода, тем выше трансакционные издержки.

В качестве второго фактора, определяющего трансакционные издержки, выступает размер рынка, который определяет, является ли обмен персонифицированным или нет. При персонифицированном обмене, основанном на личностных факторах, не требуется дорогой спецификации прав собственности и четкого юридического описания обязательств. При неперсонифицированном обмене стоимость заключения контракта возрастает с усложнением спецификации прав собственности и обязательств.

Третьим фактором выступает регулирование и принуждение при осуществлении сделок с участием третьей стороны, которая беспристрастно и с наименьшими издержками оценивает и разбирает споры, устанавливает компенсацию пострадавшей стороне в случае нарушения контракта. Поэтому создание беспристрастной судебной системы явилось одной из самых серьезных проблем в экономическом развитии.

В качестве четвертого фактора выступает идеология и мировосприятие людей. В каждой конкретной ситуации предприниматель будет максимизировать прибыль любыми способами, но при этом высокие издержки, связанные с осуществлением сделки, лишили бы мир специализации и разделения труда, возможности эффективного осуществления обмена. Поэтому идеология и мировосприятие выступают основополагающими и при индивидуальном выборе, который, в свою очередь, затрагивает экономическую ситуацию в целом. А индивидуальное мнение относительно справедливости и юридической обоснованности правил игры затрагивают всю экономику. По мере увеличения издержек, связанных с измерением, спецификацией прав

собственности и составлением контракта, роль идеологии и мировосприятия возрастает.

Рассматривая структуру институтов общества, Д. Норт выделяет формальные правила, которые включают в себя набор политических, в том числе законодательных и юридических правил, а также экономических правил и контрактов. Если политические правила определяют роль государства в принятии решений, то экономические правила определяют права собственности. Функция правил заключается в том, чтобы облегчить обмен, предусмотренный контрактом.

Неформальные ограничения представляют собой обобщенные правила, обеспечивающие обмен, но не рассматриваются формальными правилами. Они более устойчивые во времени, их намного сложнее изменить, они позволяют вести обмен без детального анализа заключаемой сделки. В их основе лежат традиции и культура, обеспечивающие стабильность неформальных ограничений. Д. Норт особо подчеркивает культурные ценности как важный и относительно независимый источник успешного экономического роста западных стран.

Формальные правила способствуют снижению издержек предпринимателей, если они придерживаются общепризнанного поведения. На этом основании сделан вывод: чем в меньшие издержки обходятся нам наши убеждения, тем большую роль они будут играть при осуществлении выбора экономическими агентами.

Для понимания институциональных изменений необходимо уяснение стабильности институциональных характеристик, источников их изменений, действующей силы изменений и их направленности. Обеспечение стабильности с помощью сглаживания изменений относительных цен является основной функцией экономических институтов. Она делает воз-

возможным осуществление сложного обмена. Необходимым условием эффективности рынков является существование экономических и политических каналов обмена, которые способствуют становлению устойчивых соглашений и обеспечиваются набором ограничений экономических институтов. Поэтому стабильность является необходимым условием для сложного взаимодействия между экономическими агентами, но она недостаточна для эффективности. Следовательно, институциональные преобразования, обеспечивая возможность получения прибыли в краткосрочном периоде, предопределяет перспективу долгосрочных изменений.

Д. Норт применяет анализ, приведенный выше, к проблемам современных экономических систем. Для этого он рассматривает два крупных достижения, именую их экономическими революциями, которые изменили соотношение населения и ресурсов. Во время первой экономической революции было создано сельское хозяйство, которое позволило населению увеличиваться численно. Во времена второй экономической революции мы живем сейчас. Развитие науки, увеличение объемов знаний, привели к соединению науки и техники, послужили фундаментом второй экономической революции второй половины XIX в. Экономические системы, сформировавшиеся в западных странах, используя преимущества новых технологий, нарастили объемы прибыли, обеспечили экономический рост в последние полтора века. Эти же преимущества, максимально повысив экономический потенциал и доходы, стали основой кардинальной реорганизации экономических систем.

В то же время, только частичное использование предоставленных возможностей в этот период экономическими системами стран другой группы приводит к

росту напряженности, которая препятствует дальнейшему повышению эффективности. Д. Норт отмечает, что К. Маркс, первым указал на необходимость реструктуризации общества для более полного использования потенциала новой технологии в тех странах, где не было экономического роста.

Рассматривая микроэкономические характеристики требований к изменениям организаций, необходимо отметить и роль специализации, которая основывается на профессиональной и территориальной специализации в массовом масштабе, обуславливая экспоненциальный рост числа заключенных сделок и совершенных обменов, а соответственно, требует вложений огромных ресурсов в транзакции.

Другой важной характеристикой новых технологий является потребность в крупных инвестициях в основной капитал с продолжительным сроком использования. В результате процесс обмена должен охватывать более длительный период времени, что влечет за собой неопределенность в будущих ценах и издержках, возможность изменения в поведении одной из сторон, заключивших сделку. Это порождает многочисленные организационные проблемы.

Взаимосвязь специализации и разделения труда усиливает необходимость переложения затрат на третьих лиц. Вместе с тем для извлечения максимальной выгоды от новых технологий необходима фундаментальная институциональная и организационная реструктуризация как самих организаций, так и изменение всей совокупной структуры обществ в связи с разрушением прежних неформальных ограничений и усилением роли формальных правил и организации.

Анализируя значение адаптивной эффективности и современных технологий в жизни общества, Д. Норт отмечает ошибочность взглядов марксистов, которые

утверждали, что основное противоречие между новыми технологиями и организацией есть порождение капитализма, которое постепенно приведет к полному его уничтожению. Это противоречие присуще любому обществу, которое начало воплощать в жизнь технологию второй экономической революции. Но проведенный анализ, отмечает он, показывает, что марксисты были правы в своем видении напряжения, которое возникало между новой технологией и организацией. Эта действительно серьезная дилемма только частично решена в западных рыночных экономиках. Она усилила роль государства, определила несовместимость многих политических и экономических организаций.

Относительная гибкость западных общественных институтов существенно смягчила возникающие проблемы. А базовая институциональная структура, поощряя развитие политических и экономических организаций, обеспечила частичную замену ими традиционных функций семьи, смягчив опасность, связанную со специализацией.

Зависимость от выбранной траектории развития характеризует институциональное устройство, где институты формируют институциональный выбор, вследствие чего усложняется управление экономикой, так как экономические организации и группы интересов, которые возникают с помощью этих организаций, являются лишь следствием ограниченных возможностей, которые диктуются непосредственно существующей институциональной структурой. В результате экономия от масштаба и внешние эффекты отражают символическую взаимозависимость между существующими правилами, дополнительными неформальными ограничениями и интересами членов организаций, созданных вследствие функционирования существующих социально-экономических институтов. На самом деле

общественные институты создают организации и группы интересов, чье благосостояние непосредственно зависит от функционирования этих же институтов.

На основании проведенного анализа Д. Норт делает вывод для экономических систем, осуществляющих переход к рыночным отношениям, что изменение – это процесс во времени, не являющийся мгновенным, что все институциональные предписания отражают наш прошлый опыт. Но нет никакой гарантии, что полученный в прошлом опыт и знания позволяют решать новые проблемы.

В Нобелевской лекции от 9 декабря 1993 г. Д. Норт отмечал, что необходимость изучения функционирования экономических систем во времени, не только позволила бы по-новому взглянуть на экономику прошлого, но и способствовала бы пониманию экономической эволюции. Поэтому совершенным инструментом для такого анализа была бы теория экономической динамики. Её отсутствие позволяет только описывать отличительные черты экономических систем прошлого и определять, как они функционируют в разные эпохи, но это не позволяет по-настоящему понять процесс эволюции экономических систем¹⁴⁶.

По мнению Д. Норта, теория экономической динамики необходима для исследования экономического развития, наука о котором не развивалась последние десятилетия в рамках неоклассической теории направленной на изучение функционирования рынков, а не на процесс их прогресса.

За пределами исследований неоклассической теории оставалось изучение закономерностей развития экономики. Да и сами методы исследования, используемые неоклассической теорией, относились к анализу статичной экономики. Поэтому при обращении к экономической истории или к проблемам развития в цен-

тре внимания оказывался или научно-технический прогресс, или, в более позднее время, инвестиции в человеческий капитал, игнорируя общественные институты и фактор времени.

Эффективность рынков формируется и определяется уровнем конкуренции, которая, основываясь на рыночном арбитраже и эффективном механизме обратной связи, создает условия приближения транзакционных издержек к нулевым. На этой основе участники рынка могут получить прибыль в размере, определяемом неоклассической теорией. О значении проблемы транзакционных издержек в современных рыночных отношениях развитых стран, которым Д. Норт уделяет столь пристальное внимание, свидетельствует, что только в 1970 г. на долю транзакционного сектора экономики приходилось 45% ВВП США¹⁴⁷.

Однако выполнение всех жестких условий, которые обеспечивают высокую эффективность рынков, крайне сложная задача. Это обусловлено неполной информацией, которой руководствуются участники рынка, подменяя её субъективными представлениями, зачастую ошибочными, в связи с чем, механизмы обратной связи не в состоянии скорректировать эти субъективные модели поведения.

Изменения в экономике представляют собой всеохватывающий, постоянно нарастающий процесс, который выступает следствием каждодневного выбора, осуществляемого как отдельными людьми, так и предпринимателями в организациях. Большинство этих решений рутинны, основаны на предшествующей контрактной практике, но зачастую вносимые изменения приводят к изменению ранее сложившихся правил, к постепенному изменению и к исчезновению неформальных норм поведения, регулирующих обмен, к трансформации самих экономических институтов.

Поэтому долгосрочным источником экономических перемен выступают знания. В свою очередь, определяющим стимулом приобретения знаний и совершенствования процесса познания выступает конкуренция. Чем выше степень конкурентной активности предприятий в условиях ограниченности ресурсов, тем жестче условия их экономической выживаемости, тем больше потребность в новых знаниях. Соответственно, интенсивность экономических изменений зависит от интенсивности процесса познания, а направленность изменений определяется ожидаемыми выгодами, которые связаны с приобретением знаний. Но чем выше степень монополизации, тем меньше влияние внешней среды, тем слабее стимулы к познанию.

Важнейшим условием формирования институтов общества, выступает динамика общественного развития. Трансформация мировоззренческих систем, выступающих важным элементом жизни общества, в социальные и экономические структуры осуществляется посредством социально-экономических институтов, независимо от того, являются ли они формальными правилами или неформальными нормами поведения. Поэтому общественные институты выступают по отношению к сознанию как внешние конструкции, которые создаются людьми для структурирования и упорядочения окружающего мира.

Экономические институты усложняются, дифференцируются по мере развития специализации, разделения труда, усложнения окружающего мира, усиления взаимозависимости людей, развития их культуры и накопления опыта. В условиях эволюции экономические институты обеспечивают анонимный, безличный обмен. Они выступают неперенным условием развития производительности труда, которое обеспе-

чивается специализацией и разделением труда, составляющими основу «богатства народов».

Этот процесс накопления знания основывается не только на приобретении собственного опыта и знаний, но и на усвоении опыта прошедших поколений, воплощенного в культуре, где, по определению Хайека, коллективное познание складывается из опыта, прошедшего проверку временем и воплощенного в языке, системе экономических институтов, технологии производства и образе жизни. Проводником такого мощного влияния прошлого на настоящее и будущее работ является культура, которая создает эффект зависимости от предыдущей траектории развития. Но экономические институты и мировоззренческие системы, эффективные для решения прошлых задач, непригодны для решения новых и сложных экономических проблем.

Институциональный подход к лучшему пониманию экономического прошлого свидетельствует о крайней неравномерности экономического развития. Условия, необходимые для становления высокопродуктивных экономик, при которых возможны низкие транзакционные издержки и безличный рыночный обмен, создаются на основе сотрудничества членов общества в форме обмена как постоянно совершенствующейся процедуры. Кроме того, институциональный анализ экономического развития позволяет пролить свет на феномен зависимости от предыдущей траектории развития, когда национальные экономики, встав однажды на путь роста или стагнации, продолжают по нему двигаться. Основная проблема заключается не в том, что необъективно оценивается состояние экономики, вследствие чего не осуществляются её радикальные изменения, а в том, что этому препятствует мировоззрение самих участников этого процесса, их политическая природа.

Тем самым, институциональная концепция позволяет на основе интегрального подхода к экономическому развитию обществ более объективно оценить сложный характер взаимодействия в глобальном процессе экономической эволюции между институтами, технологией производства и демографией в глобальном процессе экономической эволюции.

Творческий подход, характерный для новаторских работ: Р. Фогеля по теории демографии, позволяющих по-новому взглянуть на прошлое экономики; Н. Розенберга¹⁴⁸ и Д. Мокира¹⁴⁹, в которых исследуются движущие силы научно-технического прогресса и его последствия; а также совместное исследование Д. Норда с Д. Уэйлсом об установлении связи между развитием новых технологий и изменением экономических институтов, свидетельствуют о формировании теоретической базы институционализма¹⁵⁰. Главная задача в этом направлении, по мнению Д. Норта, заключается в объединении в одно целое этих отдельных направлений научных исследований.

Очень важные положения исследования Д. Норта относятся и к анализу проблематики развития российской экономики на современном этапе и их учету в формировании будущего экономического развития.

Во-первых, функционирование экономики определяется сочетанием формальных правил, неформальных норм и механизмов контроля соблюдения договоров. Если формальные правила можно заменить очень быстро, то изменение неформальных норм требует длительного времени. Но поскольку именно эти нормы, а не формальные обеспечивают реализацию всей совокупности правил, экономика не двигается по формально предначертанному пути. Поэтому формальные правила, заимствованные из дру-

гой экономики, функционируют совершенно иначе и не обеспечивают ожидаемый эффект.

Во-вторых, состояние экономики в значительной степени определяется политической системой, в рамках которой формируются экономические отношения и обеспечивается их реализация. Поэтому важнейшим элементом политики экономического роста служит формирование такой национальной политической системы, которая могла бы создать эффективную систему прав собственности и обеспечить их надежную защиту. Но формирование такой системы требует серьезных исследований. На данном этапе можно лишь сформулировать отдельные её условия: устойчивость политических институтов посредством обеспечения общественной поддержки; изменения институциональной системы и мировоззренческих основ общества; становление новых норм поведения, поддерживающих и устанавливающих новые правила; возможность долговременного роста только при верховенстве закона; неформальные ограничения могут временно содействовать экономическому развитию даже вопреки неблагоприятному политическому климату.

В-третьих, долговременный экономический рост должен обеспечиваться адаптационной эффективностью на основе формирования гибких институциональных структур, способных преодолевать потрясения и перемены, неизбежные даже при успешном развитии. Но их становление является результатом длительного процесса, а опыт достижения высокой адаптационной эффективности в короткий срок, в отличие от аллокационной эффективности, еще не выработан.

Следовательно, институционализм представляет собой основанное на неоклассических и эволюционных теориях направление, методология которого определяет системную обусловленность долгосрочных социально-экономических изменений, где протекающие

динамические процессы характеризуются изменчивостью, наследственностью и необратимостью на всех уровнях экономических систем.

Стержнем экономической эволюции выступает динамика формирования и изменения экономических институтов, которая является важнейшим элементом в процессе становления и развития механизмов национальных систем хозяйствования самоорганизующейся экономики, как основы развития сложной социальной системы. Эволюционные изменения экономических институтов происходят под влиянием внутренних и внешних факторов. Воспроизводство экономических институтов происходит с постепенным внесением в них изменений, в процессе которых имеет место постепенное отмирание неэффективных экономических институтов, становление и постепенное развитие более эффективных форм экономической, политической и социальной организации. Революционные преобразования вследствие социальных потрясений не приводят к быстрому и радикальному изменению всех экономических институтов, так как изменение привычного образа мышления людей возможно в течение продолжительного периода времени.

Эволюционное обоснование механизма экономического развития национальных экономических систем и составляющих их экономических институтов свидетельствует о закономерностях исторических направлений развития, подобно закономерностям в теории наследственности при развитии биологических систем. В этом процессе экономические институты выступают как движущие силы исторического процесса, сокращая неопределенность развития с помощью устойчивой структуры взаимодействия между людьми. Поэтому при определении механизма самоорганизации экономической системы активно используется дарвиновская кон-

цепция биологической эволюции, где её составляющие указывают и на генетический характер экономической эволюции: наследственность как непрерывность в развитии экономических институтов, обеспечивающую стабильность социально-экономических систем; изменчивость, как способность экономических институтов адекватно реагировать на изменения во внутренней и внешней среде экономических систем, приспосабливаясь к этим изменениям, модифицируя содержание и формы проявления самих экономических институтов; естественный отбор как становление и развитие более совершенных приемов и способов производства и отмирание менее эффективных, происходящее по законам естественного отбора.

Экономическая генетика как составная часть теории экономической эволюции позволяет более полно понять такие внутренние механизмы экономической динамики как соотношение и взаимодействие наследственности и изменчивости, где, по мнению А.И. Амосова, по аналогии с биологической наукой, экономические механизмы выполняют генетические функции, которые содержат материальный и информационный субстрат наследственности.

Таким образом, формирование и утверждение новых школ и направлений в экономической теории обусловили существенный прогресс в осознании и концептуальной трактовке процессов экономической динамики. Вместе с тем представители эволюционного направления отдают себе отчет в том, что это всего лишь очередной шаг в определении сложного и многогранного механизма экономической динамики. Об этом свидетельствует весомость позиций, которые отстаивают экономисты эволюционного направления, и отсутствие их притязаний на признание этого направления в качестве приоритетного в развитии экономической теории.

Глава 3.

Методологические проблемы исследования экономической динамики с учетом ее циклического характера

В исследовании экономической динамики с учетом ее цикличности для экономической теории характерна смена приоритетов, обоснование определяющего значения тех факторов, которые и оказывают решающее влияние на содержание ее циклического характера.

Более того, значительное влияние на особенности формирования подходов к исследованию циклического характера экономической оказывают те факторы, которые находятся на поверхности экономических явлений. Они и оказывают определяющее влияние на формирование теории экономических циклов. Прежде всего, это «денежные теории», которые в качестве основной причинно-следственной связи рассматривают деньги, как основную причину формирования экономического цикла, так и основное действенное средство предотвращения её негативных последствий.

Представители этих школ особое внимание уделяют проблемам изменения цен; изменениям процентной ставки на каждой из фаз экономического цикла, их взаимосвязи; относительной инфляции; изменениям вертикальной и горизонтальной структур производства под воздействием кредитной системы и т. д.

Однако признание далеко идущего смещения производственных ресурсов в ходе экономических циклов, существенное изменение их структуры и содержательной составляющей самой экономической системы, образование её нового качества приводит к тому, что объяснение экономических циклов явлением чисто денежного обращения не имеет под собой достаточных оснований. В то же время, это не перечеркивает той

активной роли, которую играет денежное обращение в экономической динамике, и того влияния, которое оно оказывает на процесс формирования экономических циклов.

Преимуществом научных подходов в определении природы формирования экономических циклов, не основанных на денежном обращении, перед денежными теориями, является освещение происходящих изменений в экономических системах во взаимосвязи с денежным обращением. Тем самым, заполняется искусственно образованный разрыв между протекающими объективными экономическими процессами во взаимосвязи с денежным обращением, соединяясь и формируя стройную логически последовательную систему исследования.

Кроме того, в отличие от денежных теорий, в известных исследованиях экономических циклов более глубокую разработку получила сама проблема экономической динамики. В отличие от статических теорий, где и исходные данные, и исследуемые на их основе величины относятся к конкретному периоду времени, динамические теории объясняют развитие на предшествующей экономической базе нового содержания экономической системы. Этот процесс характеризуется изменениями во времени основных переменных системы, где динамика ее качественных характеристик и определяет стадии её развития. Поэтому, только экономическая динамика позволяет более полно объяснить природу экономического цикла, определить степень влияния изменения переменных на формирование экономического цикла на протяжении длительного периода времени.

3.1. Обоснование ведущей роли динамики капиталовложений в теории и методологии формирования экономических циклов

В условиях, когда классическая и неоклассическая экономические школы не смогли дать достаточно аргументированных и убедительных ответов на все обостряющиеся социально-экономические проблемы, порождаемые экономическими кризисами, возникает альтернативная теория, направленная на обоснование внутренней неустойчивости существующей экономической системы, вследствие ограниченности совокупного общественного спроса. Её автор, Д.М. Кейнс определяет спад деловой активности и рост безработицы как основных составляющих экономического кризиса именно ограниченностью совокупного спроса. Соответственно, и антикризисные меры, направленные на выход из экономической депрессии и стимулирование экономического развития, должны обеспечить расширение совокупного спроса увеличением государственных расходов и инвестиций.

Необходимо отметить, что, несмотря на подчеркивание новизны и определение значения новой теории как «кейнсианской революции», еще С. Сисмонди и К. Маркс причины циклических колебаний объясняли недопотреблением населения.

И все же фундаментальная разработка Д. Кейнсом проблемы совокупного спроса как важнейшего фактора экономического развития, предложенные им меры по предотвращению кризисных явлений оказали влияние на относительную стабильность экономик развитых стран в XX в.

Жизнеспособность в течение столь длительного времени кейнсианской теории подтверждается и тем, что даже неоклассики в лице Д. Хикса и П. Самуэльсона выступили не с её критикой, а предприняли попытку

существенно её дополнить. Реакцией на эти шаги неоклассиков, стремление развить и существенно обогатить кейнсианскую теорию, выразились в формировании посткейнсианства в лице его наиболее яркого представителя М. Калецкого, а также П. Сраффы, Дж. Робинсон и др. Но особое место среди них занимает Р. Харрод, который сделал существенный шаг вперед в посткейнсианской теории. На основе детального анализа теории Д. Кейнса, он пришел к выводу о её статичном характере и на этой основе формулировал теорию экономической динамики.

Значительные темпы экономического роста западных стран в послевоенный период определили необходимость выявления условий их дальнейшего обеспечения, стали объективной основой исследования проблемы долговременного экономического роста в тесной взаимосвязи с теоретическим объяснением циклических колебаний. К тому же Д. Кейнс не сформулировал теории цикла, он детально рассматривал лишь две его фазы – кризис и депрессию как наиболее актуальные для экономики 20–30-х годов XX в.

В условиях быстрого роста экономики, сопровождающегося неравномерностью, бурными инфляционными бумами, пришло осознание необходимости понимания внутреннего механизма циклических колебаний, причин их вызывающих, и разработки механизма регулирования экономических процессов на всем протяжении экономического цикла. Исследование известным американским экономистом-математиком И. Фишером денежного обращения в условиях экономических циклов стало значительным вкладом монетаристской школы в рассматриваемую проблематику. И. Фишер отмежевывается от ссылок своих предшественников на психологические факторы влияния на формирование цен. По его мнению, рынок достаточно

велик, чтобы игнорировать попытки влияния отдельных субъектов на ценообразование. Поэтому целью исследования экономиста должно быть определение характера объективных взаимодействий, присущих процессу обмена, где цена выступает как отражение этого процесса. Необходимым условием этого должно быть повсеместное преобладание классической совершенной конкуренции.

О роли, которую И. Фишер отводит взаимосвязи денежного обращения и экономических циклов, можно судить уже по тому, что его исследование покупательной силы денег имеет полное название «Покупательная сила денег. Ее определение и отношение к кредиту, проценту и кризисам».

Важная заслуга И. Фишера состоит в том, что, несмотря на очевидные противоречия в его исследовании взаимосвязи денежного обращения и экономических циклов, он определил в ней проблему, подверг её анализу и акцентировал внимание, как специалистов, так и общественное мнение на то, что проблема цен и инфляции в процессе дальнейшего развития будет обостряться. Это со всей очевидностью подтверждает сложившаяся ситуация как на мировом финансовом рынке, так и в экономике США. А мнение И. Фишера, что кризисы – это всего лишь «танцы доллара», еще раз подтверждают то, что несбалансированная денежная политика государства может оказывать существенное влияние на усугубление кризисных явлений.

Особое место в исследовании экономических циклов и влияния на их формирование капиталовложений занимают работы крупнейшего русского экономиста, профессора политической экономии, известного в современной экономической мысли исследователя проблем экономического цикла, М.И. Туган-Барановского. Он одним из первых обратил внимание на роль дина-

мики капиталовложений в циклическом развитии экономики. Его теория экономических циклов является выдающимся по своему значению исследованием в области конъюнктуры. Она настолько подтверждена действительностью, что не только заложила основы создания целой школы, к которой примкнули многие видные экономисты западных стран, но и получила признание противников самой теории в лице В. Зомбарта. Об этом свидетельствуют и отзывы американского экономиста Э. Хансена, знаменитых представителей австрийской экономической школы А. Шпитгофа, Й. Шумпетера, известного исследователя промышленных кризисов Жана Лескюра, автора многих работ по теории промышленных кризисов А. Ноува, выдающегося российского экономиста Н.Д. Кондратьева, получившего мировую известность и признание.

Анализ истории английских промышленных кризисов в XIX в., проблем функционирования рынка, движения товарной, денежной и производственной формы капитала позволили М.И. Туган-Барановскому выявить хозяйственные условия и причины, которые обуславливают формирование экономического кризиса. Он отмечает, что, несмотря на индивидуальные черты каждого кризиса, состояние товарного рынка, предшествующее кризису, сопровождающие развитие кризиса изменения в области денежного обращения, существенные изменения кредитной системы имеют столь заметное сходство, что в изложении каждого кризиса невозможно избежать повторений, монотонности, которые и являются лучшими доказательствами закономерности исследуемого явления. Поэтому кризис зависит не столько от случайных причин, свойственных конкретному историческому моменту, сколько

от постоянно действующих общих причин, присущих данному общественно-экономическому устройству.

На преобладание в исследуемом явлении типичных черт над индивидуальными чертами, присущих общим тенденциям, указывает и периодичность колебаний промышленного производства. Поэтому установление общих причин, коренящихся в организации народного хозяйства, которые определяют сходство явлений и их периодичность, является важнейшей задачей для определения природы и закономерностей этих явлений. В обнаружении соответствующих закономерностей существенную роль играет рассмотрение смены форм капитала, образующих его кругооборот – товарной, денежной и производственной. В условиях значительно возросших возможностей по производству товаров, по мнению М.И. Туган-Барановского, основная трудность состоит не в том, чтобы их произвести, а в том, чтобы их сбыть, найти для них рынок. Эта задача по своей важности полностью оттесняет на задний план производство.

Предложение как общее правило развитого рынка всегда опережает спрос, обгоняет его, поэтому товаропроизводитель принимает всевозможные меры, чтобы стимулировать спрос. Товаропроизводитель создает сложную сеть торгового посредничества, разнообразные общественные предприятия и учреждения, общества развития торговли, экспорта и т. д., которая выпукло показывает, какую роль играет организация товарного сбыта – рынок. Именно рынок становится узлом, где переплетаются нити хозяйственной жизни, вследствие чего складывается впечатление, что рынок управляет производством, а не производство – рынком.

Общественное производство располагает огромным потенциалом производительных сил, но только его часть находит себе применение. Отсутствие помех в

росте общественного производства позволило бы значительно расширить производство, более полно опираться на имеющиеся возможности национального хозяйства.

Главная трудность заключается в сбыте производимых товаров, т. е. в недостатках рынка. Самая важная и самая трудная проблема рынка, разрешение которой долгое время было не под силу экономической науке, по мнению М.И. Туган-Барановского, заключается именно в определении основной причины этой трудности сбыта товаров, вследствие которой производство всегда напирает на рынок, всегда стремится произвести больше, чем допускает рынок.

Для разрешения соответствующей проблемы необходим анализ процесса накопления общественного капитала в целом. Именно такую задачу поставил себе на самой заре истории экономической науки Ф. Кенэ. Его знаменитая «Экономическая таблица» и произвела огромное впечатление на современников потому, что Ф. Кенэ рассматривал общественное хозяйство как нечто целое, в пределах которого происходит перемещение товаров, и восстанавливаются части потребленного общественного продукта. После Ф. Кенэ никто из экономистов не делал ни малейшей попытки пойти по его пути и применить к исследованию народнохозяйственных явлений его метод.

Этот метод и использовал М.И. Туган-Барановский, отмечая неудовлетворительное состояние экономической теории в учении о распределении, накоплении общественного капитала и реализации продуктов общественного производства, охватывающих народное хозяйство в целом игнорированием этого метода.

Предпринятая еще К. Марксом попытка продолжить работу Ф. Кэне в схеме капиталистического производства в целом осталась незаконченной и неиспользованной им

самим для общих выводов. Более того, логические выводы, вытекающие из них, но не указанные К. Марксом, противоречили собственным воззрениям К. Маркса, поэтому неудивительно, что для его последователей проблема цикличности рынка осталась неразрешенной. Это и послужило основанием для детального анализа М.И. Туган-Барановским схемы воспроизводства общественного капитала в тех же масштабах, которые рассматривал К. Маркс в «Капитале».

Особое внимание привлекает факт (который не понимали школы А. Смита – Д. Рикардо и С. Сисмонди), что средства производства изготавливаются и обращаются на рынке рядом и одновременно с предметами потребления рабочих и капиталистов. При этом произведенный общественный продукт «вдвое превосходит сумму всего общественного дохода и, тем не менее, закупается на рынке без остатка; никакого превышения общественного предложения сравнительно с общественным спросом не возникает»¹⁵¹.

Для соблюдения равновесия между спросом и предложением необходимо, чтобы общественное производство было распределено пропорционально, в соответствии со спросом, так как одних продуктов будет произведено в избытке, а спрос на другие будет превышать предложение. Но в разработанной схеме накопления капитала это не происходит – весь прибавочный продукт потребляется.

Поэтому допускается, что непотребляемая часть прибыли капитализируется, чтобы получить новый доход. С этой целью рассматривается схема накопления капитала, в соответствии с которой половина прибавочного продукта постоянно капитализируется. На основе её детального анализа обосновывается положение, что капиталистическое производство само для себя со-

здает рынок. Если есть возможность расширять производство, и его обеспечивает развитие производительных сил, то при пропорциональном распределении общественного производства можно соответственно расширить и спрос, так как при этом условии каждый вновь произведенный товар представляет собой вновь созданную покупательную силу для приобретения других товаров. М.И. Туган-Барановский отмечает: «Уже первая схема показала всю несостоятельность обычного представления, что общественный продукт разлагается без остатка на элементы народного дохода. Вторая схема делает ясной ошибочность всего учения классической школы о процессе накопления капитала. Накопление капитала вовсе не равносильно замещению одного вида общественного потребления другим. Накопляющийся капитал превращается, правда, в заработную плату, но также и в средства производства. Только часть капитала, соответствующая заработной плате, превращается, таким образом, в элементы общественного потребления, а другая часть совсем изымается из общественного потребления и представляет собой такую долю общественного расхода, которая не становится ничьим доходом»¹⁵².

Правильность рассмотренных М.И. Туган-Барановским схем общественного воспроизводства, иллюстрирующих соответствующие пропорции производства и распределения, была математически доказана в 1910 г. Н. Бернштейном в статье «Теория рынка Маркса и М.И. Туган-Барановского»¹⁵³.

Указанное рассмотрение схем воспроизводства позволяет прийти к выводу, что всякое ускорение темпа накопления капитала при одном размере производства равносильно абсолютному сокращению общественного потребления. Затраты капиталиста на личные цели превращаются в предметы общественного потребления, но

капитализация им имущества приводит к тому, что только его часть превращается в предметы потребления, а другая часть переходит в фонд общественного производства. Тем самым спрос на средства производства замещает спрос на предметы потребления.

Уже при сравнении первой и второй схем общественного воспроизводства, становится очевидным, что расширение общественного производства, при одновременном сокращении общественного потребления, происходит без всякого нарушения между общественным предложением и общественным спросом.

Из рассмотренных схем следует, что накопление капитала сопровождается ростом общественного производства, с соответствующим ростом спроса на рабочую силу. В действительности, по мере развития техники, в производстве рабочий постепенно замещается средствами производства, поэтому затраты капитала на заработную плату сокращаются, а на средства производства – увеличиваются. Соответственно, происходит относительное сокращение рынка, создаваемого потреблением рабочего, и расширение рынка, создаваемого потреблением средств производства, при сохранении размера рынка или его увеличении, а также изменении характера общественного спроса, где спрос на предметы потребления замещается спросом на средства производства. Поэтому при абсолютном росте общественного производства и общественного богатства, относительная сумма общественного дохода падает. «В общем, – констатирует М.И. Туган-Барановский, – при пропорциональном распределении общественного производства никакое сокращение потребительского спроса не в силах вызвать превышение общего предложения продуктов на рынке сравнительно со спросом на последние»¹⁵⁴.

Как ни парадоксально звучат эти выводы, но именно к ним приводит анализ кругооборота капитала в целом. Неиспользование этого метода и привело к утверждению в экономической науке взгляда, что в условиях развитого товарного производства размер рынка определяется размером общественного потребления.

К. Каутский, не опровергая расчеты в схемах воспроизводства М.И. Туган-Барановского, подверг критике то, что схемы отражают лишь переход от простого, в котором сокращение потребления не вызывает кризиса, к расширенному воспроизводству капитала, что, по его мнению, является нетипичным для капиталистической экономики в целом.

Эта критика послужила основанием для дальнейшего рассмотрения М.И. Туган-Барановским схемы воспроизводства общественного капитала в возрастающих размерах при понижении заработной платы и неподвижности потребления капиталистов.

В конечном счете, используемое им в схемах постоянное понижение заработной платы, ранее не наблюдавшееся в действительности и приводившее к абсолютному сокращению общественного потребления, не вызывало никаких трудностей для реализации общественного продукта. Расширение производства посредством увеличения производительного потребления средств производства заменяет собой человеческое потребление, «все идет так гладко, как будто бы не хозяйство было средством удовлетворения потребностей человека, а человек был средством удовлетворения потребностей хозяйства»¹⁵⁵.

Это важнейшая особенность развитого товарного хозяйства, так как субъектом хозяйственного предприятия является лишь часть общества, а остальная и большая часть является хозяйственным объектом. Поэтому «становится возможным такое направление хозяйственного

процесса, при котором хозяйство из средства удовлетворения общественных потребностей становится средством простого расширения производства, в ущерб народному потреблению, иными словами, хозяйство перестает достигать своих естественных целей»¹⁵⁶.

Это не выдуманный «смелый парадокс» автора, как его называет К. Каутский, а естественный закон, заложенный в самом существе системы развитого товарного хозяйства, вследствие чего оно не подвергается опасности крушения даже при огромном абсолютном сокращении общественного потребления. Поэтому неизбежность крушения развитого товарного хозяйства вследствие недостаточности потребления выступает иллюзией, где более всего проявляется несостоятельность сформировавшегося ранее представления о законах рынка.

В то же время и вследствие того, что дальнейшее развитие товарного производства характеризуется значительным повышением реальной заработной платы, потребовалась более детальная характеристика действующей тенденции процесса накопления. Её содержание определяется относительным сокращением общественного потребления, несмотря на абсолютное повышение заработной платы. Абсолютный же рост числа рабочих, занятых в общественном производстве, технический прогресс компенсирует заменой человеческого труда в процессе производства машинами, при этом в значительной степени возрастает масса и ценность средств производства, приводимых в движение рабочими. Более высокое строение общественного капитала, сокращает долю общественного продукта, которая поступает в народное потребление. Иными словами, производственное потребление значительно опережает производство предметов потребления, что влечет за собой относительное сокращение обще-

ственного потребления при его абсолютном росте. Поэтому увеличение темпов накопления капитала влечет за собой относительное сокращение доли предметов потребления. И эта основная тенденция, вопреки К. Марксу, не создает никаких новых трудностей для процесса реализации продуктов капиталистического производства.

В связи с изложенным можно было бы сделать вывод, что капиталистическое хозяйство не должно страдать от недостатков рынка. Тогда становится непонятным, почему предприятиям приходится испытывать такие трудности в поиске покупателей для изготавливаемых продуктов, а борьба за рынок составляет такую характерную черту капиталистического хозяйства.

Сформировавшаяся коллизия разрешается следующим образом. Развивающееся товарное производство располагает громадными производительными силами, стремящимися к расширению количества производимых продуктов, но их сбыт требует организации пропорционального распределения общественного производства. Общественное устройство не обладает такой организацией. Ее отсутствие играет роль эластичной повязки, которая постоянно давит на производство, препятствуя ему реализовать весь свой потенциал. На этом и основана трудность реализации продуктов. Поэтому рынок недостаточен не потому, чтобы мало потребителей, а потому, что неосуществимо пропорциональное распределение производства, и приближение к такой пропорциональности достигается на путях кризисов и уничтожения чрезмерно разросшихся отдельных предприятий.

Расхождение теории с общепринятыми взглядами, а также её доказуемость должны быть проверены на фактах. Поэтому М.И. Туган-Барановский на основе анализа развития общественного производства, изменений

в ведущих отраслях производства, снижении доли населения, занятого в производстве предметов потребления, его увеличении в производстве средств производства в последнем десятилетии XIX – первом десятилетии XX в. доказывает, что характерной чертой экономического развития в этот период является сравнительно медленный рост производства предметов потребления и быстрый рост производства средств производства.

Этот вывод опровергал прогноз Ф. Энгельса в конце 40-х годов XIX в., что рынок продуктов промышленности, основанный на потребительском спросе населения, неизбежно обуславливает замедление в будущем роста промышленности и её хронический застой.

Об этом свидетельствовали и гигантские масштабы развития промышленного производства второй половины XIX – начала XX в., и отсутствие хронического промышленного застоя, и рост рынка средств производства, несмотря на относительно сокращающийся спрос на предметы потребления.

Приведенные факты убедительно подтверждают правильность теоретических положений М.И. Туган-Барановского. Их жизнеспособность и правильность подтверждаются и выявлением такой существенной особенности динамики экономических циклов как синхронность их протекания в разных странах мира. Анализ промышленных кризов в Англии, сопоставление их с периодичностью и интенсивностью протекания в Германии и США свидетельствуют, что с 70-х годов XIX в. фазы подъема и депрессии охватывают собой одновременно, или почти одновременно, все страны мира. Различие проявляется лишь в интенсивности протекания фаз подъема и перехода к депрессии, когда

подъем большей интенсивности промышленной волны сопровождался острыми кризисами спада.

Объяснение этого загадочного явления в развитии товарного производства, его цикличности и согласованной периодической смене фаз цикла пытались дать различные теории: первые – определяющие причины кризисов в сфере производства, вторые – в сфере обмена, третьи – в сфере распределения.

Не находится убедительных доказательств о происхождении промышленных кризисов в производственных теориях. Об этом свидетельствуют и попытки объяснения Ж.Б.Сэем причин происхождения промышленных кризисов диспропорциями в производстве, когда невозможно сбыть одни товары вследствие недостаточности их производства другими отраслями промышленности, поэтому избыток производства одних товаров покрывался недостатком производства других, и обоснование Д. Рикардо промышленных кризисов случайными причинами потрясений торговли.

Нет этих доказательств и в теории В. Бэджота и С. Джевонса, в соответствии с которой «причина повторяемости кризисов, по-видимому, имеет социальный характер, и потому период наступления кризисов то растягивается, то стягивается в зависимости от изменения экономических, политических и, вообще, социальных условий данного времени»¹⁵⁷.

Отсутствует теория кризисов и у К. Маркса, который в тех местах «Капитала», где он говорит о кризисах, примыкает к Ф. Энгельсу, взгляды которого по этой проблеме и их несостоятельность, уже были рассмотрены ранее.

Не дают объяснения и взгляды по данной проблеме наиболее яркого представителя марксизма – К. Каутского, по мнению которого возникновение промышленных кризисов объясняется открытием новых рынков,

неорганизованностью товарного производства и свободной конкуренцией как коренной причиной промышленных кризисов. Но открытие новых рынков случайно, а действие конкуренции постоянно, а потому ни первое, ни второе не определяют причины регулярности чередования циклов.

Нет убедительных доказательств природы промышленных кризисов и в сфере обмена. Объяснение кризисов, данные М. Эвансом, М. Виртом, К. Жюгларом, сводилось к тому, что кризисы обусловлены «чрезмерным расширением торговли, всегда сопровождаемым злоупотреблением кредитом, есть следствие усиления спекулятивного духа среди торговцев усилением спекуляции на товарном и денежном рынке»¹⁵⁸. По их мнению, банкротство спекулянтов влечет за собой крушение малонадежных предприятий, и в стране наступает промышленный кризис. Но, это не объяснение, а описание внешних симптомов промышленного кризиса. Усиление спекуляции и её общий охват торгово-промышленного мира в определенные моменты, из десятилетия в десятилетие, в одно и то же время, через его правильные промежутки требует выявления общей причины.

Среди английских экономистов 30–40-х годов XIX в. бытовало мнение о влиянии чрезмерного выпуска банковских билетов на товары, на их цены, поэтому возникновение кризисов связывалось с организацией кредита и денежного обращения. По мнению представителей этой школы, чрезмерные выпуски билетов Английского Банка повышают товарные цены, что искусственно стимулирует английскую торговлю. Но когда усиление спекуляции приводит к кризису, сокращению золота в кассах Банка, тогда внезапное сокращение кредита Банком ради обеспечения размена своих билетов на деньги вызывает панику на денежном рынке,

стимулируя кризис. В действительности «промышленные кризисы не находятся в непосредственной связи с какой-либо определенной организацией банковского дела, что неоспоримо доказывается уже одним фактом наступления промышленных кризисов как в странах широкой свободы банковского дела (Соединенные Штаты), так и в странах строго централизованного, монопольного кредита (Франция)»¹⁵⁹.

Но если промышленные кризисы не вызываются организацией кредита, то, возможно, они порождаются общими условиями денежного обращения, как это представлено в исследовании бельгийского экономиста Эмиля де-Лавеле, который обосновывал формирование промышленных кризисов условиями денежного обращения, так как общим условием, предшествующим всем промышленным кризисам, являлся отлив золота из страны за границу. По его мнению, кризисы вызываются совместным действием трех причин: употреблением различных форм кредита, переполнением рынка срочными сделками и обязательствами и расстройством торгового баланса, вызывающим отлив значительного количества золота за границу в то время, когда его запас в стране не превышает необходимого объема. Возрастание значения первых двух обуславливает развитие промышленности, но и развитие промышленности является условием их дальнейшего развития. В итоге эти элементы формируют постоянную тенденцию к кризису, а его наступление определяется вывозом драгоценных металлов за границу. В этом суть данного Э. Лавеле объяснения причины кризисов.

В действительности перевод золота за границу является обычным симптомом промышленных кризисов, но скрытого механизма, вызывающего весь комплекс явлений, присущих кризису, — оживление торговли,

падение вексельного курса, перевод золота за границу и последующее расстройство всего народного хозяйства, не объясняет и не является их причиной.

Аналогичной оценки заслуживает и теория К. Жюглара. Её несомненной заслугой, на основании изучения отчетов деятельности банков Англии, Франции, США является доказательство периодичности промышленных колебаний, вызываемых причинами объективного характера, а не случайными явлениями субъективного характера. Поэтому, основываясь на характерных симптомах промышленного кризиса, он может быть предсказан заранее. Правильная смена подъема и спада, по мнению К. Жюглара, зависит от одной причины – периодического колебания товарных цен. Повышение этих цен имеет естественную тенденцию – затруднить продажу товаров. Рост цен делает торговый баланс страны менее благоприятным, вызывая перевод золота за границу. Чем больше цены, тем интенсивнее утечка золота. Достижение максимального повышения цен становится преградой в сбыте товаров, вызывая отсрочку оплаты по вексялям, повышение нормы процента. Но это не спасает положения. Затем цены начинают падать, вызывая банкротства торговцев и банков, наступает промышленный кризис.

К. Жюглар верно охарактеризовал период, непосредственно предшествующий кризису – повышение товарных цен внутри страны, что задерживает вывоз товаров за границу и поощряет ввоз иностранных товаров, а этот недостаток вывоза товаров покрывается вывозом золота. Он также подметил наиболее характерную черту промышленных кризисов – падение товарных цен. Поэтому это был шаг вперед в объяснении кризиса, «нарушения области денежного обращения, характеризующие приближение и наступление

кризиса, – суть производные явления, вызываемые изменением относительного уровня товарных цен внутри страны и за границей»¹⁶⁰.

Но самого главного – причины периодического повышения цен товаров, которое всегда заканчивается падением их и расстройством торговли и промышленными кризисами, – К. Жюглар объяснить не смог.

Попыткой определения причины кризисов вне системы денежного обращения является экономическая система Сисмона де-Сисмонди, в соответствии с которой доходы рабочего класса под влиянием свободной конкуренции сокращаются, а доходы, капиталистического класса возрастают медленнее производства. А поскольку рынок производимых продуктов ограничивается размером национального дохода, всякое расширение производства и усиление конкуренции приводят к промышленному кризису или к застою торговли.

Приведенное объяснение восприняли многие ученые и публицисты. Е. Дюринг причину кризисов объясняет глубоко заложенной и постоянной склонностью к нарушению равновесия между производством и потреблением в полном согласии с экономической системой С. Сисмонди.

В действительности эта теория основана на неправильном понимании значения рынков в условиях развитого товарного хозяйства, так как теория рынка доказала, что размер спроса на общественный продукт не определяется общественным доходом, и расширение производства не зависит от доли каждого общественного класса в национальном продукте. Соответственно, размер национального спроса на товары не обуславливается уровнем заработной платы. Этот тезис подтверждается примерами развития кризисов в Англии, где при низкой заработной плате производство не должно было прогрессировать, а всего лишь испытывать

незначительные колебания, в целом соответствуя уровню заработной платы. В действительности же производство быстро расширялось и при низком уровне заработной платы.

Поэтому размер заработной платы, точно так же как и прибыли, не является причиной состояния промышленности, это всего лишь следствие этого состояния.

Иное объяснение промышленных кризисов нашло свое отражение в исследовании Карла Родбертуса-Ягцева, который ставит падение покупательной силы большей части общества в зависимость от возрастания производительности труда. Перепроизводство товаров создается, по его мнению, не недостаточностью спроса на товары вообще, а непропорциональным распределением национального производства, зависящим от тяготения рабочей платы к минимуму средств существования. Сокращение доли рабочих в национальном продукте происходит настолько быстро, что капиталы не успевают приспособиться к изменившимся условиям спроса и перейти от производства предметов потребления рабочего класса к производству предметов потребления капиталистов. Но этого нет в действительности, так как прогресс техники осуществляется постепенно, в разное время в различных отраслях труда. И если в результате изобретения товар подешевеет в цене, то это не приведет сразу к понижению заработной платы в соответствующей пропорции. По мнению М.И. Туган-Барановского, «в действительности промышленные кризисы не только не следуют за успехами техники, но, наоборот, успехи техники следуют за промышленными кризисами»¹⁶¹. Поэтому следствие принимается за причину, а причина – за следствие, так как все крупные изобретения внедряются в условиях застоя торговли, низкой прибыли и затруднений в сбыте товаров.

Следовательно, перепроизводство в эпоху кризисов имеет всеобщий и структурный характер. Перепроизводство одного товара влечет за собой снижение цены на него и относительное к нему увеличение цены другого товара. А перепроизводство и снижение цен на один товар приводит к снижению покупательной силы данного производителя. Поэтому и его спрос на другой товар уменьшится, вызвав сокращение спроса, а соответственно, и понижение цены другого товара. Отсюда следует, что общее превышение предложения товаров сравнительно с денежным спросом на них влечет за собой общее понижение цен. А оно воспринимается рынком как выражение общего товарного перепроизводства. В основе же общего товарного перепроизводства лежит частичное перепроизводство, основанное на нарушении структуры общественного производства, которая характеризуется непропорциональным распределении труда между отраслями производства, вследствие чего перепроизводство товаров одной отрасли вызывает падение цены на ее товары. Но поскольку между денежными ценами товаров существует известная связь, понижение цен охватывает и другие товары. Поэтому общее перепроизводство в условиях денежного обмена характеризуется как своеобразное выражение частичного перепроизводства вследствие непропорционального распределения общественного труда.

Механизм указанного процесса, по мнению М.И. Туган-Барановского, представляется следующим. Накопление капитала постоянно стимулирует производство, продвигая его и создавая постоянную тенденцию к его расширению. Но для организованного сбыта товаров требуется пропорциональное распределение общественного производства, что не представляется возможным для экономической системы в условиях рынка: «При такой неорганизованности общественного

производства расширение его под влиянием накопления капитала создает постоянную тенденцию к перепроизводству, выражением которой и является та постоянная трудность найти рынок для товаров, то постоянное превышение производительных сил капитализма сравнительно с возможностью их применения, которое так характерно для капитализма даже в нормальное время»¹⁶².

Трудность сбыта и выражает трудности достижения пропорционального распределения общественного производства. В обычных условиях эта трудность не препятствует расширению производства. Но в периоды обострения производство временно приходит в состояние общего паралича – промышленного кризиса.

Своеобразным орудием обращения, усиливающим кризисы, является кредит. «Если деньги устанавливают связь между ценами товаров, – отмечает М.И. Туган-Барановский, – то кредит делает эту связь несравненно более тесной. Кредит так же легко растет, как и падает, во много раз увеличивает покупательную силу общества в благоприятное время и моментально разрушается в трудную минуту. Благодаря кредиту, все колебания хозяйства приобретают гораздо больший размах, и общественное хозяйство подымается более высоко, чтобы затем с тем большей высоты упасть»¹⁶³. Поэтому кредит выступает условием усиливающим кризисы, не являясь их основной причиной.

Периодичность формирования промышленных кризисов, экономического цикла представляется возможным на основе анализа истории кризисов.

Самой характерной особенностью промышленных колебаний XIX в. является закономерное, совпадающее с фазисами капиталистического цикла движение цен железа. На фазе промышленного подъема цена железа неизменно высока, в фазе промышленного застоя

неизменно низка. Это свидетельствует о том, что спрос на железо находится в наиболее тесной связи с фазами цикла. Такой зависимости у других товаров нет. Железо является материалом для орудий производства. По спросу на него можно судить о спросе на орудия производства. Следовательно, на фазе подъема спрос на орудия производства усиливается, а на фазе спада существенно сокращается. Поэтому для фазы подъема характерно создание и обновление основного капитала, строительство новых предприятий. Одновременно такими же толчками происходило и расширение железнодорожной сети во всем мире.

Любое производство уже фактом своего существования вызывает спрос на другие товары, поэтому между всеми отраслями производства существует самая тесная связь. Расширение производства в каждой отрасли, усиливая спрос на товары других отраслей, способствует расширению их производства, формируя тенденцию охвата всего народного хозяйства. Увеличение занятости и заработной платы рабочих повышает спрос на предметы их потребления. Поэтому весь товарный рынок существенно расширяется.

Уже этот процесс характеризует системный характер формирования экономических циклов, где определяющим источником этого зародившегося и развивающегося процесса выступает основной капитал. Наряду с этим требуется выявление в механизме нарастания капитала причин того, что расширение основного капитала осуществляется не постепенно, а периодическими толчками.

Важнейшей причиной формирования такого механизма выступает накопление свободного капитала в национальных экономических системах, который не связан ни с одной отраслью промышленности. Накопление денежного капитала существенно отличается от

реального роста производства и производительного капитала, поэтому он и накапливается при расширении, застое и даже при сокращении производства¹⁶⁴.

Вклады банков во время застоя растут. Это указывает на скопление денежного капитала, не находящего себе помещения в промышленности. О его избытке свидетельствует низкий процент, поддерживаемый банками после кризиса в течение нескольких лет. Поэтому для промышленного подъема характерно усиленное помещение капитала, а для застоя – накопление свободного, не связанного денежного капитала.

Но при расширении производства помещение свободного капитала в промышленность встречает сопротивление, так как расширение производства без ущерба для производителей требует пропорционального размещения капитала. Поэтому его размещение и наталкивается на значительные экономические и технические трудности.

Складывается ситуация, когда промышленность сопротивляется принятию нового капитала, а свободный капитал с растущей силой требует своего применения. Преодолев сопротивление промышленности, он находит себе размещение, и наступает фаза промышленного подъема. Вследствие зависимости отраслей промышленности расширение производства распространяется как эпидемия, от одной отрасли к другой, пока не охватывает все хозяйство. Покупательная сила капитала начинает нарастать. Формируется новый основной капитал, вызывая усиленный спрос, как на средства производства, так и на предметы потребления. Промышленность в течение короткие сроки создает новый рынок. Спрос увеличился и привлекает свободный капитал, который расширяет производство. Товарные цены повышаются. Накопленный капитал расходуется. Создаваемые новые огромные капиталы, с

имеющимися резервами, рынок быстро поглощает. Усиливается спрос на кредит, превосходя его предложение, что определяет его расширение. Нехватка ссудного капитала для нужд промышленности приводит к повышению ставки процента, что является первым сигналом промышленного кризиса. Как правило, им предшествуют биржевые кризисы с приостановкой притока, исчерпанием свободного капитала и неминуемым падением биржевых курсов. Поэтому, высокие цены на новые товары и доходы по ним в годы промышленного оживления, расширяя кредитную систему, создавая условия для развертывания спекуляции, приводит к биржевому кризису. Постепенное расходование вовлеченного в производство капитала поддерживает пребывание промышленности в оживленном состоянии по инерции. А его полное расходование определяет начало промышленного кризиса.

Следовательно, во время подъема создается новый основной капитал экономической системы. Формируется ее новая структура. С завершением ее расширения спрос на основные используемые им материалы сокращается. Для сформировавшейся структуры характерным является непропорциональный характер распределения средств и невозможность оперативного их перераспределения. Сложившаяся диспропорциональная структура экономической системы, в силу взаимной зависимости отраслей промышленности друг от друга, приводит к тому, что частичное перепроизводство становится общим – цены всех товаров падают, – и наступает общий застой.

«Таким образом, – констатирует М.И. Туган-Барановский, – общее расстройство торговли следует непосредственно за усиленным оживлением ее, и промышленный цикл завершается застоём. Во время застоя накапливается свободный денежный капитал; следует

новая эпоха оживления промышленности, когда этот капитал расходуется, затем кризис, и т. д., и т. д.»¹⁶⁵. Он сравнивает действие механизма экономического цикла с работой паровой машины. Накопление свободного денежного капитала играет роль пара в цилиндре. Накопившийся свободный капитал, как давление пара на поршень, проникает в промышленность, движет ее, преодолевая сопротивление и расходясь, поэтому, дойдя до конца, возвращается в прежнее место. Этот механизм действия предполагает периодическую повторяемость, периодическое прохождение фаз развития.

Пример Англии XIX в. показывает, что наличие внешней торговли лишь усложняет, но не изменяет, механизм действия цикла. При этом производство, несмотря на то, что является лишь частью воспроизводственного цикла, подчинено своим особым законам, не имеющим ничего общего со здравым смыслом, так как с позиции здравого смысла производство должно выступать средством для потребления. Но в действительности не потребление управляет производством, а производство управляет потреблением, и смена приливов и отливов промышленности вызывается не законами потребления, а законами производства. Не расширение производства в годы подъема обусловлено ростом потребления, а потребление потому и возрастает, что расширяется производство. Поэтому разрешить проблему кризисов не удастся длительное время потому, что поиск её причин осуществлялся в отдельных сферах общественного хозяйства – производстве, распределении или обмене. В действительности же кризисы вызываются совокупностью явлений общественного хозяйства.

Таким образом, исследования динамики экономических циклов в тесной взаимосвязи с динамикой капиталовложений и денежного обращения определили

существенное продвижение в формировании теории экономических кризисов. Исследования М.И. Туган-Барановского закономерностей формирования экономических циклов стали существенным шагом в развитии теории кризисов, которая на первый взгляд выглядит не столь аргументированной и доказанной, что проявилось как в положительной оценке его взглядов, так и в критике Л.И. Петражицким¹⁶⁶, К. Каутским¹⁶⁷ и другими оппонентами. Тем не менее, можно констатировать, что они сформировали своеобразный водораздел, разграничивший предшествующие теории промышленных кризисов классической школы политэкономии от более поздних работ экономических школ XX в.

Но что особенно важно, впервые отмечается системный характер формирования динамики экономических циклов, тесная взаимосвязь между всеми отраслями производства, когда расширение производства в одних отраслях, усиливая спрос на товары других отраслей, способствуют расширению их производства, формируя тенденцию охвата всего народного хозяйства. В этой взаимосвязи отраслей производства опосредуются распределение, обмен и потребление, вовлечение свободного капитала. Тем самым динамика экономических циклов вызывается совокупностью явлений общественного хозяйства и это служит прямым свидетельством её системного характера.

3.2. Обоснование формирования экономического цикла на основе денежного обращения

В определении системной обусловленности формирования экономического цикла значительное место занимает проблема динамики статического равновесия, в разработке которой особое место принадлежит

исследованиям Дж. Б. Кларка. Являясь автором многочисленных трудов, он сформулировал свой оригинальный метод исследования в политической экономике с целью обеспечения её более тесной связи с общественными науками. Основываясь на положениях теоретической механики и по аналогии с нею Дж. Б. Кларк в отличие от классических теорий сознательно и принципиально разграничивает статику и динамику экономических процессов, которые определяют природу экономической динамики и являются основным источником нарушения статического равновесия. В своем методе в качестве исходного пункта исследования он определяет анализ статики, которому соответствует исследование экономического положения общества в неподвижности, «в равновесии».

Дж.Б. Кларк определяет в качестве своей существенной задачи исследования выяснение влияния данного нарушения на формирование нового устанавливающегося равновесия. К сожалению, подобно Дж. Миллю, он этим и ограничивается, определив содержание динамики именно в этой системной взаимосвязи. За пределами его исследований остаются процессы формирования причин, которые вызывают нарушение равновесия. Эти причины как таковые имеют существенно большее значение, чем представляется, для протекания экономических процессов, и поэтому обуславливают формирование существенных экономических явлений.

Прежде всего, такими двумя важнейшими причинами нарушения равновесия являются возрастание капитала и рост населения. Они для Дж. Кларка выступают просто причинами нарушений равновесия независимо от степени важности одного по отношению к другому как факторов изменений в обозначенном круге проблем.

Но эти процессы изменения в технике и в организации производства порождают, помимо нарушений, определяемых статической теорией, и наряду с ними, нарушения, оказывающие существенное влияние на формирование экономических циклов. Данное обстоятельство (недооценки процессов характеризующих динамику экономического развития), становится определяющей причиной неудовлетворительного объяснения природы волнообразного протекания экономических процессов.

Из этого не замеченного многими экономическими теориями обстоятельства, по мнению Й. Шумпетера, следует новое понимание хозяйственного процесса, которое разрешает ряд фундаментальных трудностей и оправдывает новую постановку данной проблемы.

Уже в самой постановке проблемы прослеживается её сходство с постановкой вопросов у К. Маркса, в исследовании которого присутствует внутреннее экономическое развитие, а не простое приспособление к меняющимся показателям.

Рассмотрение экономики под углом зрения тенденции народного хозяйства к равновесию, тенденции, которая дает возможность определять цены и производимое количество благ и которая проявляется в форме приспособления к показателям экономического развития, приводит к пониманию хозяйственного кругооборота как частных проявлений по отношению к состоянию равновесия в связи с изменением показателей развития. Этот системный подход использует Й. Шумпетер при определении содержания категории «развитие»: «Под «развитием», таким образом, следует понимать лишь такие изменения хозяйственного кругооборота, которые экономика сама порождает, т. е. только случайные изменения «представленного

самому себе», а не приводимого в движение импульсами извне народного хозяйства»¹⁶⁸.

Соответственно, становление новых комбинаций (вследствие изменений в хозяйственном кругообороте), определяя новые формы и содержание развития, охватывает: во-первых, изготовление нового блага или его нового качества; во-вторых, внедрение нового способа, или метода производства в отрасль промышленности, в основе которого лежит или научное открытие, или новый способ коммерческого использования товара; в-третьих, освоение нового рынка сбыта, на котором данная отрасль не была представлена; в-четвертых, получение нового источника сырья или полуфабрикатов; в-пятых, проведение соответствующей реорганизации для обеспечения монопольного положения.

В процессе реализации новых комбинаций принципиально необходимым актом является использование кредита. Кредитная система выросла на основе финансирования новых комбинаций и развивалась на нем с учетом специфики развития каждой страны. Об этом свидетельствует и переход к депозитам, и становление практики коммерческого кредитования действующих предприятий, где принципиальным выступает необходимость иметь в своем распоряжении средства производства.

При характеристике роли денежного обращения в процессе экономического развития подходы Й. Шумпетера и М.И. Туган-Барановского в значительной степени перекликаются.

Й. Шумпетер отмечает, что когда количественная теория денег вывела формулу ценности денежной единицы, она стала опровергаться аргументами о существовании других платежных средств. Признание платежных средств, и, в особенности, банковских депозитов, деньгами, служит и признанием того, что со-

зданные таким образом средства обращения не просто представляют собой где-то хранящиеся металлические деньги, но и имеются в таких количествах. При этом все депозиты отражают предоставленные кредиты, а реальные депозиты соответствуют кредитам с обеспечением и поэтому не могут увеличивать покупательную способность вкладчика.

Отсюда вытекает, по мнению Й. Шумпетера, элементарная истина, что только самая незначительная часть оборота по счетам происходит с участием денег, понимаемых в самом узком смысле слова. И то, что формы кредита – от банкнот до записи в кредит – сходны по своему содержанию и что во всех этих формах кредит увеличивает массу платежных средств, принимается как бесспорный факт.

Аналогичные параллели в подходах двух исследователей теории кризисов наблюдаются и при характеристике влияния кредитной системы на расширение производства.

Й. Шумпетер, утверждает, что в действительности общая сумма кредита должна быть больше, чем существование кредита исключительно с покрытием. Но если кредит и выходит далеко за рамки денежной массы, и за рамки реальных благ, это не свидетельствует о его чрезмерности и потенциальной возможности чрезмерного расширения производства и кризиса.

Развитие именно такой логики событий в формировании экономического цикла отмечается многими его исследователями. Кроме того, по нашему мнению, в этом состоит основная причина финансовых кризисов, которые зачастую предшествуют экономическим кризисам, но не являются их причиной. Чрезмерное увеличение необеспеченных кредитных ресурсов формирует основу финансовых «пузырей», которые в настоящее время свойственны не только

для национальных экономик, но имеют место и в международной финансовой системе.

При нормальном же завершении хозяйственного периода, когда все средства производства потребляются и увеличивающиеся потоки новых товаров поступают на рынок, их общая ценность превышает сумму взятых кредитов и общую ценность изъятых из этого потока благ. Параллелизм между денежным потоком и потоком товаров и услуг восстанавливается, кредитная инфляция устраняется, а влияние кредита на цены компенсируется в полной мере.

Очевидным является то, что предприниматель постоянно нуждается в кредите, который не предоставляется ему автоматически как производителю, поэтому он предварительно становится должником в силу внутренней необходимости, присущей процессу развития.

Но особое внимание, в отличие от своего известного предшественника Й. Шумпетер акцентирует на перераспределение благ. Он отмечает перераспределение как единственно важную функцию, позволяющую производителю путем формирования нового спроса на средства производства изымать средства из сфер традиционного применения и направлять развитие экономики по новому пути. Это и приводит к сжатию существовавшей покупательной способности в традиционных отраслях. Отсюда следует, что кредит служит рычагом перераспределения ресурсов.

По Й. Шумпетеру, в процессе нормального кругооборота кредит не имеет большого значения. Существование кредита как явления заключается в создании покупательной способности для передачи ее предпринимателю, что в принципе характеризует способ, которым осуществляется развитие в открытой экономике. Поэтому предоставление кредита действует своего рода приказом народному хозяйству приноровиться к целям

предпринимателя, поручение на вверение ему производительных сил. Эта функция кредита является краеугольным камнем современной кредитной системы.

В отличие от традиционной теории, которая усматривает проблему в имеющихся средствах производства, при новом подходе рассмотрения хозяйственного кругооборота такая проблема является мнимой, поскольку отдельные фазы кругооборота осуществляются на основе изменяющегося объема средств производства.

Изъятие средств производства из кругооборота и их реализация в новой комбинации происходит благодаря денежному кредиту. Плата за кредит лишает собственника средств производства их части. Поэтому смысл и цель этого процесса в денежно-кредитной сфере состоят в приведении в движение средств производства в соответствии с существенными явлениями в народном хозяйстве.

Источники для приобретения средств производства могут быть самыми различными: от самофинансирования до частных и государственных потребительских займов, коммерческого кредита в рамках кругооборота, где не наблюдается развития, а также создание денег банками независимо от их формы. Но в любом случае речь идет не о трансформации покупательной способности, ранее существовавшей, а о создании новой покупательной способности, независимо от того, основывается она на реальном обеспечении или является дополнением к ранее существовавшему обращению.

Кредитные средства, могут без каких-либо осложнений быть превращены в наличные деньги. Поэтому банкир является не столько посредником в торговле товаром «покупательная сила», сколько производителем этого товара, а сосредоточение всех накоплений

и сбережений в его руках, их концентрация превращает товар в источник обеспечения новых комбинаций, источник обеспечения развития.

Сложность анализа динамики денежного обращения и экономического цикла в исследованиях Й. Шумпетера состоит в том, что он рассматривает теоретические проблемы предпринимательской функции, кредита, капитала, денежного рынка, предпринимательской прибыли, процента как бы обособленно от экономического цикла. В последующем, под влиянием определения А. Шпитгофа, сформировалась теория периодических колебаний конъюнктуры, тогда как у А. Шпитгофа она определяется как теория меняющихся ситуаций.

При сравнении теории Й. Шумпетера с теорией А. Шпитгофа, которую Й. Шумпетер считает самым совершенным достижением по своей обстоятельности и завершенности, в теории кризисов общим выступает положение, что не сам кризис является наиболее существенным в этих исследованиях, а волнообразное движение конъюнктуры. Именно это положение впервые высказал К. Жюгляр, исследуя экономические кризисы.

Не менее существенной в исследовании динамики экономического цикла, которая и вытекает из исследования Й. Шумпетера и А. Шпитгофа, является точка зрения, что сама динамика, выраженная в «меняющейся ситуации», выступает формой экономического развития капитализма и «что развитой капитализм исторически начинается только тогда, когда действительно можно наблюдать эти «меняющиеся ситуации»¹⁶⁹.

Если М.И. Туган-Барановский, исследование которого высоко оценивал А. Шпитгоф, лучшим показателем состояния конъюнктуры считал потребление железа, то для Й. Шумпетера и А. Шпитгофа это сталь – показатель, открытый и разработанный А. Шпитгофом.

Единство взглядов Й. Шумпетера, М.И. Туган-Барановского и А. Шпитгофа проявляется в определении первоочередности формирования фазы подъема посредством расширения производства средств производства. И только на этой основе увеличение объемов капитала формирует импульс на рынки сырья, труда, оборудования и т. д.

Но в отличие от своих предшественников, для Й. Шумпетера существенное значение имеет создание покупательной силы в обществе на фазе подъема, а также проблема равномерности развития новых предприятий, отсутствие диспропорций в их развитии.

Различие имеется и в определении причин кризиса. М.И. Туган-Барановский отрицает наличие перепроизводства в условиях кризиса и доказывает его отсутствие в схеме общественного воспроизводства, а определяет его непропорциональным структурным вложением капитала. А. Шпитгоф, выступает с позицией, солидарной К. Марксу, определяя основную причину кризиса в перепроизводстве капитальных благ как по отношению к функционирующему капиталу, так и к платежеспособному спросу. Й. Шумпетер периодическое перенасыщение рынков товарами объясняет как «влияние массового появления новых предприятий на условия жизни существующих и на сложившееся состояние экономики»¹⁷⁰.

Й. Шумпетер детально исследует факторы, определяющие различие в подходах к формированию цикла. Наиболее важным из них он определяет характер экономического развития, где, в отличие от органического роста, развитие экономики происходит рывками и неспокойно, с возникновением встречных движений, спадов, нарушений в экономической системе, событий, препятствующих экономическому развитию. Он отмечает, что если судить о линии общественного развития,

то периодически происходит отклонение от неё в виде явлений спадов и подъёмов, но это неизбежно и немигнуемо. Отсюда и вытекает неизбежная периодичность экономических кризисов.

Более того, по завершении кризиса можно заявить, что учтены все факторы, которые характеризовали развитие экономики на этом временном отрезке, чтобы не допустить повторения явлений, предшествовавших кризису. Но, во-первых, невозможно объяснить природу возникновения этих нарушающих равномерное поступательное развитие экономики явлений. Во-вторых, происходит не просто торможение процесса развития, его остановка, а уничтожаются огромные ценности, изменяются условия и предпосылки осуществления своей хозяйственной деятельности субъектами хозяйствования, занимающими ведущее положение в народном хозяйстве. Поэтому для возобновления поступательного движения экономика нуждается в восстановлении, а условия и предпосылки осуществления хозяйственной деятельности – в существенной перестройке.

Следовательно, возобновляемое развитие, развитие в условиях нового экономического цикла – это не простое продолжение прежнего развития, а новое развитие, несмотря даже на то, что оно, в основном, будет идти в сходном направлении. Но оно будет происходить в иных условиях, и определяться другими людьми, с другими надеждами и ценностями.

По Й. Шумпетеру, эмпирически можно предположить, что основные направления экономических циклов совпадают с общим контуром долгосрочного развития экономики в целом. Но теоретически, как предприниматели не могут перепрыгнуть стадию кризиса, так и теория не должна этого делать, теряя кон-

такты с фактами. Она должна объяснить те явления, которые определяют такой характер развития, и установить их причины.

Поэтому важно определить сущность этих явлений, свойственные им черты, позволяющие определить тип кризиса, а затем выявить, является кризис следствием самого существа экономического развития, или нет. С этой целью необходимо рассмотреть две возможности.

Первая, состоит в том, что однородность кризисов, находящаяся на поверхности, определенность событий и сходство их последствий может быть результатом внутренних и внешних нарушений. Но эти нарушения еще не доказывают, что они – источник кризисов, так как существуют различные виды кризисов и их причины. Поэтому в отсутствие общих признаков кризисов определять кризис, даже при достаточно серьезных нарушениях ожидаемого хода экономического развития, нельзя.

Вторая предусматривает, что необходимо выявление экономической или иной природы кризисов, не взирая на однородность или неоднородность кризисных явлений. Экономическое явление кризиса не позволяет относить его к самой сущности экономической системы, так как причины могут находиться вне сферы действия экономических факторов, являясь внешними по отношению к ним, и регулярность кризисов можно было бы объяснить тем, что экономическая жизнь приспосабливается к новым условиям вследствие этих нарушений.

Рассматривая трактовку понятия кризисов сквозь призму нарушения экономических процессов, можно выделить процессы кругооборота, процессы развития и процессы, препятствующие развитию. Эти нарушения подтверждаются историей кризисов, когда они возникают в производстве, на рынке, в системе кредита,

приводя к нарушению предложения или к нарушению в покупательной способности потребителей, которые изменяют тенденцию спроса. При этом кризисы по-разному, дифференцированно по отраслям, затрагивают промышленность, предпринимателей, потребителей.

По мнению Й. Шумпетера, попытки найти у кризисов общее в форме их проявления, так как при кризисах, якобы, всегда наблюдаются одни и те же явления, приводят к упрощению проблемы и к заблуждениям. Так, с началом кризиса и изменением общего состояния экономики почти любое произведенное количество благ представляется чрезмерно большим, несмотря на то, что до начала кризиса оно полностью соответствовало ситуации на рынке.

Анализ нарушений развития приводит Й. Шумпетера на позицию М.И. Туган-Барановского: «Любое нарушение развития должно дезавуировать экономические правила соразмерности, и поэтому в этих фактах отсутствовал бы еще один признак кризисов даже в случае, если бы их можно было считать общими для всех кризисов»¹⁷¹. Следовательно, оба отмечают отсутствие удовлетворительного критерия кризисов. Поэтому возникает вопрос, все ли кризисы – чисто экономические явления, или, можно ли понять кризисы в совокупности порождающих их причин и вызываемых ими последствий, изучая особенности и обстоятельства данного состояния экономики?

В поисках ответа на этот вопрос Й. Шумпетер приходит к выводу, высказанному уже Н.Д. Кондратьевым, что обстоятельства, которые противостоят хозяйственной жизни в качестве внешних сил, как войны, с позиций теории должны рассматриваться в качестве внешних воздействий и определяться как случайные, не относящиеся к исследованию кризисов.

Тогда возникает вопрос: а существуют ли в нашем понимании чисто экономические кризисы, – кризисы, которые возникали бы без влияния таких внешних факторов, рассмотренных ранее?

При этом чрезвычайно важно проведение анализа особого вида кризисов, возникающих вследствие более выгодного межрегионального, межотраслевого, межстранового, перемещения капиталов под влиянием бурного экономического роста, порождающего кризис. Начавшийся в одном месте кризис распространяется, порождая кризисы в других местах. Но и эти явления нельзя назвать чисто экономическими кризисами, так как они играют такую же роль, что и внеэкономические факторы, роль случайности, где бессмысленно искать общий закон таких кризисов.

К сожалению, ни в исследовании Й. Шумпетера, ни в работах его предшественников не предпринимались попытки проанализировать влияние тех кажущихся внеэкономических факторов, которые выступают как случайности, но по своей сущности служат проявлением динамики общественного развития в её системности.

Помимо рассмотренных кризисов есть и такие, которые имеют чисто экономическую основу. Организация производства нового продукта с использованием значительных объемов капитала вследствие низкого спроса на него может привести к кризису. В этом опасность всех новых начинаний, и в них лежит объяснение многих частных, а иногда, и общих кризисов. По мнению Й. Шумпетера, такие кризисы имеют чисто экономическую основу, которая не зависит от характеристики экономических укладов, а имеет место в каждом из них.

Следовательно, по Й. Шумпетеру, для всех нарушений промышленного развития нет общей отличительной

черты, а все нарушения, по своей природе могут возникать как вне экономической системы, так и в ней самой.

Абстрагируясь от других нарушений, анализируя причины нарушений, возникающих в экономической системе и имеющих экономическую природу происхождения, Й. Шумпетер характеризует главный признак кризиса как нарушение прежнего хода развития экономики, прерывание его поступательного движения. Но поскольку подобные воздействия, возникающие в экономической системе, оказывают не все нарушения, он определяет кризисы как поворотную точку в экономическом развитии: «эти крупные внезапные изменения в экономике выкристаллизовываются как существенное явление из потока соответствующих фактов»¹⁷².

На этом основании формулируется вывод, что масса фактов кризисных явлений и распространенное понятие кризиса не позволяют выявить общие черты кризиса, а распространенное понятие кризиса оказалось неточным и беспомощным, не позволяющим определить сущность самого кризиса как экономического явления.

Но при более обстоятельном и глубоком подходе, удалив верхний слой случайных форм проявления кризиса, можно обнаружить значительное явление, регулярность возникновения которого привлекает внимание исследования, а именно, «мощный прибор экономического развития». Оно характерно не для всех явлений, находящихся на поверхности экономического развития, но в то же время существенно шире по своей значимости, чем случайные и несущественные явления, находящиеся на поверхности экономического развития.

Здесь и проявляется системный подход Й. Шумпетера к анализу динамики экономических циклов, в соответствии с которым исследование сущности особого

волнообразного движения экономики приводит к пониманию всех других явлений и подводит к проблемам процветания и депрессии. В этой взаимосвязи фазы процветания и фазы депрессии экономического цикла определяются как более важные, чем фаза кризиса, так как дают понимание природы экономической динамики в целом, осуществление поступательности посредством рывков и возвратности.

Тем самым формируется отличительная особенность формирования динамики экономических циклов от её понимания М.И. Туган-Барановским – определение причины такого характера развития экономики, которое является следствием формирования новых комбинаций в большом количестве.

При этом остается невыясненной природа массовости возникновения новых предприятий. Если бы они появлялись независимо друг от друга, то не было бы подъема и депрессии как особых, характерных, регулярно повторяющихся явлений. Тогда это появление распределялось бы равномерно во времени, соответствующие изменения в хозяйственном кругообороте были бы относительно невелики, а возникающие нарушения имели бы локальное значение, могли бы легко преодолеваться экономикой, и не было бы серьезных нарушений экономического роста.

В связи с этим, для Й. Шумпетера, определяющим служит определение причин, препятствующих устранению негативного влияния кризисов на экономическую систему. В качестве благоприятного обстоятельства, облегчающего и частично объясняющего каждый подъем, является ситуация, возникающая в период спада. Этот период характеризуется низким уровнем процента, массовой безработицей, превышением предложения над спросом на отраслевых рынках, что формирует цены ниже издержек производства.

На массовое появление новых предприятий на фазе подъема оказывают влияние три обстоятельства, не являющиеся самостоятельными, независимыми дополнительными его причинами.

Во-первых, это возникновение новых производств наряду с сохранением старых, что проявляется в формировании волнообразной траектории развития.

Во-вторых, существенное усиление покупательной способности в лице предпринимателей и потребителей товаров массового спроса, что вызывает вторичную волну подъема, которая охватывает всю экономику и становится движущей силой общего развития. Этой вторичной волне предшествует спекуляция, которая формирует фактор процветания, усиливая конъюнктуру.

Но для теории кризисов наиболее важным является «разграничение между первичной и вторичной волной конъюнктуры и тот факт, что вторая может прямо вызываться первой, что в основанной на нашем принципе теории нашло бы соответствующее место все, что когда-либо наблюдалось в волнообразном движении экономики», отмечает Й. Шумпетер¹⁷³.

В-третьих, важным обстоятельством выступают периодически возникающие ошибки, играющие важную роль в наступлении подъема и депрессии и отражающие суть сложившейся конъюнктуры, а не её следствие. Возникновение таких всеобщих ошибок Й. Шумпетер определяет деловой активностью, основанной на новых и неиспытанных комбинациях, где ошибки играют особую, качественно иную роль, чем в процессе кругооборота. Речь идет о поддерживающих и обостряющих ситуацию обстоятельствах, сущность которых объясняется объективной ситуацией, порождаемой подъемом.

Как показывает практика функционирования отраслей, с существующей конкуренцией и множеством предпринимателей сначала имеет место появление отдельного новшества на созданных для этого предприятиях, затем это новшество перенимается и внедряется другими предприятиями во все возрастающих масштабах. Повышение конъюнктуры начинается в одной или нескольких отраслях, определяющих применение новшеств, и продолжается до того как в результате падения предпринимательской прибыли окажутся исчерпанными возможности новых предприятий, прежде всего – в тех отраслях, которые обеспечили подъем конъюнктуры.

Внедрение новшеств, устраняя препятствия для развития своей отрасли, способствует их использованию в других отраслях, что неизбежно отражается на сокращении издержек, снижении цен и т. д. Тем самым экономическая система втягивается в процесс своей реструктуризации, что и составляет содержание подъема.

Поэтому Й. Шумпетер, как и М.И. Туган-Барановский, первым симптомом начинающегося подъема определяет рост капиталовложений в отраслях промышленности, производящих средства производства. В то же время, и это особо подчеркивает Й. Шумпетер, его теория не относится к тем теориям, которые ищут причину цикла в области денежного обращения и кредита, но она и не отрицает возможности влияния на развитие экономики средствами кредитной политики¹⁷⁴. При этом массовое расширение производства, служащее причиной подъема, оказывает влияние, качественно отличающееся от их равномерного, распределенного во времени, проявления, «поскольку происходит как крупное, протекающее отдельными импульсами нарушение равновесия, как нарушение иного порядка величины»¹⁷⁵.

Нарушения, порождаемые увеличением объемов производства, тесно связаны и с нарушениями, обусловленными внедрением нового и адаптацией народного хозяйства к ним. Пропорциональное развитие производства в масштабе предприятий с целью максимизации прибыли в результате массовости внедрения новшеств, посредством конкуренции ограничивает сверхприбыли и приводит к диспропорциям в экономической системе. Тем самым существо периодических депрессий состоит в целенаправленном формировании в экономической системе нового равновесия, нарушенного во время подъема и породившего диспропорции.

Составляющие этого нарушения и характеризуют его содержание. Подъем спроса на средства производства, с повышением покупательной способности предпринимателей, взвинчивает цены на них. Новые товары внедряются на вновь создаваемых предприятиях и финансируются только за счет вновь созданной покупательной силы. На старых предприятиях прибыль снижается, и они вытесняются из отрасли. Подъем осуществляется постепенно, не являясь всеобщим, а возникая в одной или нескольких отраслях, постепенно вытягивает в орбиту своего влияния другие отрасли народного хозяйства. Поэтому и новые товары, превышая покупательную способность, нарастают постепенно. Длительность этого периода обусловлена факторами технического и организационного порядка.

Появление новых товаров и вытеснение старых вследствие конкуренции в процессе кругооборота народного хозяйства приводит к превышению их ценности над покупательной способностью, но затем увеличение объемов новых товаров на рынке способствует формированию тенденции падения цен. Однако это снижение происходит, по мнению Й. Шумпетера, с

отсрочкой, и оно не устраняет причины наступающего кризиса, а лишь обостряет их, положив конец подъему.

Планомерно достигаемые результаты новых предприятий вызывают кредитную инфляцию. И возможность погашения долгов сталкивается с ограниченной платежеспособностью покупателей и невозможностью её увеличения вследствие ограниченности кредитных ресурсов. Наступает дефляция как результат стремления банков ограничить предоставление кредитов в условиях ожидаемого или начавшегося спада. Именно воздействием этого явления, его первичной ролью (поскольку ограничение кредитов банками является причиной других явлений) Й. Шумпетер объясняет начало кризиса.

В дефляционном процессе происходит поглощение новой покупательной силы путем использования сбережений. При этом отсутствие спроса на кредит со стороны предпринимателей компенсируется спросом со стороны государства, общин, ипотечных банков.

Смягчение процесса дефляции обусловлено тем, что кредитные платежные средства с противостоящей им массой ежегодно производимых товаров могут длительное время находиться в обращении. Тем самым может идти погашение долгов преуспевающими предприятиями, приводя дефляцию к её мягкой форме, на получившем достаточное развитие подъеме.

Й. Шумпетер отмечает, что излагаемая им теория развития подтверждается историей цен в циклах XIX в., которая позволяет сделать вывод о том, что в процессе развития уровень цен должен в течение длительного времени прогрессивно понижаться. Поэтому каждая последующая низшая точка волнообразного движения цен лежит ниже предшествующей, а кривая цен, в которой устранены конъюнктурные колебания, направлена вниз.

Ограничение спроса на кредит со стороны новых предпринимателей для расширения производства в отраслях, определяющих подъем, объясняется ограничением предпринимательской прибыли, что исчерпывает стимулы к дальнейшему движению вперед в данном направлении экономического развития. Таким образом, определяется рубеж, на котором перестает действовать фактор, стимулирующий подъем.

Вторая причина, исключая возможность перманентного следования одного подъема за другим, объясняется тем, что деятельность множества предпринимателей в период подъема изменяет положение параметров экономики, нарушением ее равновесия и тем самым порождает в экономике на первый взгляд нерегулируемое движение, которое воспринимается как стремление к достижению состояния нового равновесия.

Тем самым, по мнению Й. Шумпетера, «подъем сам по себе создает объективную ситуацию, которая, даже исключая все побочные и случайные обстоятельства, означает его завершение, легко вызывает кризис и неизбежно ведет к депрессии, а через нее – и к состоянию временной относительной выравненности и отсутствия развития»¹⁷⁶.

Поэтому процесс поглощения и ликвидации, вызывается самим кризисом – паникой, крахом кредитной системы, эпидемией банкротств – и его следствиями как отклоняющийся от нормы и аномальный. В то же время депрессия представляется как нормальный процесс, отклоняющийся от нормы, но не содержащий в себе принципиальных проблем. Отсюда непосредственно выводятся первичные и вторичные признаки периода депрессии, которые представляются единой цепью причинно-следственных связей.

Подъем в силу внутренних причин порождает пассивность балансов предприятий, вызывает падение цен, помимо дефляции, и, кроме того, дефляцию в результате ограничения кредита. Эти явления углубляются по мере развития депрессии.

Сокращение инвестиций в расширение нового производства и ослабление предпринимательской деятельности, влекущие за собой застой в отраслях, производящих средства производства, падение потребления стали и других барометров конъюнктуры, объясняются прекращением действия стимулирующих их факторов. Сокращение спроса на средства производства сопровождается дальнейшим падением учетной ставки и занятости рабочих.

Дефляция, увеличиваясь в результате банкротств, влечет за собой уменьшение денежных доходов и, соответственно, вызывает сокращение спроса на все другие товары. Тем самым эти взаимосвязанные явления оказывают негативное влияние на все народное хозяйство, формируя общее состояние депрессии.

В то же время действуют факторы, препятствующие временной последовательности причинно-следственной связи появления этих признаков. Во-первых, зачастую повышение цен на товары предшествует росту издержек на них. Тем самым следствие опережает причину. Во-вторых, задолго до наступления реального поворота конъюнктуры профессиональная спекуляция на фондовых рынках формирует промежуточные кризисы, затормаживает подъем. В-третьих, в реальных процессах вторичные моменты часто проявляются более резко, чем первичные. Эти периодически возникающие явления не меняют сути и последовательности объективного процесса экономического развития, хотя установление действительной природы этих метаморфоз – важная задача анализа кризисов.

Возникшее перепроизводство углубляется под влиянием явления односторонности подъема. Существенным последствием односторонности подъема и формируемой диспропорциональности выступает различная степень напряженности и опасности ситуации для отдельных отраслей. Одни отрасли совершают резкий подъем, другие отстают, третьи изменяются незначительно, а четвертых подъем практически не касается.

Но фактом остается то, что подъем охватывает значительно меньше отраслей, чем депрессия. При этом на фазе кризиса и депрессии новые предприятия страдают значительно больше, чем старые. Это обусловлено наличием у старых предприятий накопленных резервов, связей и т. д. В то же время, волнообразное движение конъюнктуры всегда особенно сильно выражено в отраслях, выпускающих производственное оборудование. Таким предприятиям необходимо завоевать свое место в экономике. Они в наибольшей степени подвержены влиянию изменения всей конъюнктуры, поэтому её изменение значительно быстрее приводит их к банкротству.

Но существуют, по мнению Й. Шумпетера, два положительных момента, составляющие сущность процесса приспособления и поглощения, с его положительными и отрицательными чертами, и экономически свойственные ему в значительно большей мере, чем рассмотренные явления.

Во-первых, это то, что процесс депрессии приводит к формированию нового равновесия. Именно под этим углом зрения можно понять первичные и вторичные процессы и реакцию как старых, так и вновь возникших хозяйственных субъектов в период подъемов и депрессии.

Процесс установления равновесия в период депрессии не прерывается новым подъемом, пока существует неуверенность в завершенности изменений, ставящих под сомнение расчет новых комбинаций и затрудняющих действие тех факторов, которые необходимо использовать. Поэтому знание периодических изменений конъюнктуры и их механизмов, характерное для делового мира, позволяет ему предвосхищать новый подъем посредством его вторичных проявлений. Приспособление многих предприятий к новому равновесию значительно затрудняется и ожиданием тех изменений, которые будут происходить в экономике.

Й. Шумпетер отмечает, что «между двумя периодами подъема всегда должен протекать процесс поглощения, причем в состоянии первого приближения к равновесию и реализуя себя через него»¹⁷⁷. По его мнению, важность существования подобного промежуточного состояния состоит не только в том, что любая теория кризисов обязана его объяснить, но и потому, что обоснование необходимости периодического равновесия замыкает круг исследования, когда поднимается новая волна развития.

Во-вторых, помимо приспособления и установления нового равновесия и приспособления к нему хозяйствующих субъектов, депрессия несет с собой и менее очевидное, но не менее существенное: реорганизацию производства, снижение его издержек, увеличение устойчивых реальных доходов, обилие потока благ. Снижение издержек производства является следствием прогресса самого производства, который реализуется при подъеме. В период подъема должна возрасти занятость, растет общая величина заработной платы. Поэтому главной причиной повышения спроса на потребительские блага, приводящая к росту цен, является увеличение суммы заработной платы.

Но полное разорение весьма многочисленных фирм, вынужденное прекращение деятельности других, в кризисные периоды порождает такую безработицу, что даже её временный, по существу, характер ничего не меняет в том, что она может быть большим, иногда катастрофическим несчастьем оказавшимся без работы. По Й. Шумпетеру, наиболее существенной проблемой является то, что источник нового спроса на труд, начавший действовать после окончания подъема, теряет свое значение также ввиду того обстоятельства, что исчез спрос предпринимателей на труд, создавший новые производственные мощности.

По нашему мнению, трудности имеющие место при смене одного вида труда другим, а также после окончания подъема, имеют более серьезное значение. Поэтому при рассмотрении проблемы социальных потрясений на повышательной волне в длинных волнах Н.Д. Кондратьева, более подробно остановимся на рассмотрении этой проблемы.

Подъем характеризуется прогрессом в области механизации производственного процесса и соответствующим сокращением затрат труда на единицу продукции, порождает сокращение необходимой массы труда в данной отрасли, при одновременном расширении производства. Поэтому механизация, обеспечивая увеличение выпуска продукции, сокращает общие затраты рабочего времени даже относительно её прежнего количества. Но эта практически важная возможность, обусловленная мучительными трудностями перестройки отраслей экономики, в процессе своей реализации исчерпывает себя.

Рассматривая влияние подъема в долговременном плане на сокращение спроса на рабочую силу, Й. Шумпетер утверждает, что это возможно только при достаточном смещении относительно предельного

значения труда и земли для новых производственных комбинаций относительно старых. Но в этом случае будут сокращаться как относительные доходы рабочего класса в социальном продукте, так и абсолютные размеры его реальных доходов. В то же время более важным и не таким длительным по времени является смещение спроса на средства производства в пользу произведенных средств производства, которые приносят квазиренду или способных ее приносить только вследствие подобного смещения.

С учетом этих обстоятельств Й. Шумпетер возвращается к определению экономической сущности депрессии, которая посредством механизма стремления к равновесию, заключается в распространении «технических достижений на все народное хозяйство»¹⁷⁸.

Исходя из этого, он утверждает: «Начало кризиса является основой аномального течения процесса депрессии, или аномальных явлений в его развитии»¹⁷⁹. Отсюда, по его мнению, следует, что паника, банкротства, нарушения в функционировании кредитной системы и т. п. как результат частных ошибок и отклонения от объективных условий становления равновесия, возможны и в период депрессии.

В отличие от теорий Д. Кейнса, Р. Хоутри, практики Федеральной резервной системы, рассматривающих сферу денежного обращения или банковского кредита как основу формирования экономического цикла, у Й. Шумпетера прибыли периода подъема, убытки периода депрессии не являются бессмысленными и бездействующими. Они представляют собой важные элементы механизма экономического развития, в связи с чем, важнейшим и единственным не вызывающим возражений методом лечения является совершенствование прогнозирования конъюнктуры.

Углубляющееся познание экономического цикла, интенсификация процесса создания трестов, обуславливают ослабление последствий экономических кризисов. А участие государства и крупных концернов в учреждении новых производственных объединений смягчает эффект массового становления новых комбинаций, ослабляет и инфляцию на фазе подъема, и дефляцию на фазе депрессии, тем самым сглаживая волнообразное движение экономического цикла.

Таким образом, описанный подход выступает как противоположный к пониманию проблемы Т.С. Адаме, по мнению которого возможность предвидения цикла обеспечивает возможность его нейтрализации.

Особое место здесь занимает проблема кредита. Легкие условия предоставления кредита запускают в действие механизм инфляции, лишая депрессию возможности осуществления естественного отбора жизнеспособных предприятий и обременяя народное хозяйство издержками, связанными с существованием не приспособившихся к новым условиям и нежизнеспособных предприятий.

В то же время, ограничение кредита без должных оснований оказывает на происходящие экономические процессы обратное воздействие, существенно снижая их полезный эффект. Поэтому в период депрессии важно определить направления её негативного влияния, с целью нейтрализации, посредством существенных кредитных ограничений, и выявить то положительное, которое необходимо поддержать путем предоставления кредитов.

Существенную роль в формировании динамики экономических циклов, по мнению Й. Шумпетера, играют инновации. Он формулирует теорию экономической динамики, основанную на создании «новых комбинаций», основными видами которых являются:

производство новых благ, применение новых способов производства и коммерческого использования благ существующих, освоение новых рынков сбыта, освоение новых источников сырья и изменение отраслевой структуры.

В своём двухтомном исследовании «Деловые циклы», вышедшем в 1939 г., он развивает высказанное ранее в «Теории экономического развития» положение о том, что основную роль в механизме длинных экономических циклов играют нововведения и колебания инновационной активности предпринимателей. Мысль о такой связи высказывалась и ранее Н.Д. Кондратьевым, но именно Й. Шумпетер выдвинул её в центр теории экономических циклов, обратив внимание на противоречивость, неравномерный характер этого процесса, связанного с периодическими нарушениями экономического равновесия вследствие внедрения нововведений.

Й. Шумпетер развил гипотезу Н.Д. Кондратьева о циклическом развитии экономики, обусловленном распространением нововведений. Нововведения являются важнейшим элементом экономического развития. Они оказывают двойственное влияние на динамику экономического роста: с одной стороны, открывают новые возможности для расширения экономики, с другой – делают невозможным продолжение этого расширения в традиционных направлениях. Нововведения нарушают экономическое равновесие, внося возмущение и неопределённость в экономическую динамику. Нововведения сопровождаются созидательным разрушением экономической системы, обуславливая её переход из одного состояния равновесия в другое. Этот переход связан с флуктуациями в динамике экономических показателей.

Периодичность в появлении нововведений способна вызвать цикличность в экономическом развитии. Й. Шумпетер выдвинул гипотезу, объясняющую длинные волны в экономике периодической концентрацией (кластеризацией в его терминологии) важных нововведений в относительно короткие промежутки времени. Исследуя феномен длинных волн, он обратил внимание на неравномерность развития различных секторов экономики – быстрый рост одних и застой в других. Эту неравномерность Й. Шумпетер объясняет в своей инновационной теории. С появлением важного нововведения, сопровождающегося повышением прибыли у новатора, развёртывается «шторм» аналогов этого новшества многочисленными последователями, устремляющимися в новый растущий сектор экономики. «Шторм» нововведений сопровождается массивными инвестициями и обуславливает, согласно Й. Шумпетеру, циклическое движение экономики в целом и изменение состава её ведущих отраслей. Экономическое развитие является неравномерным, представляя собой последовательность неожиданных подъёмов, не столько сопровождающихся внедрением нововведений, сколько обуславливаемых этим внедрением. Вызываемое кластером нововведений созидательное разрушение вызывает спад в старых отраслях и, с некоторым лагом, неравномерное расширение в новых.

Наряду с этим целый ряд проблем в теории экономического развития не находят своего объяснения.

Во-первых, для образования длинной волны необходимо, чтобы нововведения были либо очень значительными, либо достаточно большое число их концентрировалось в ограниченном промежутке времени. Нововведений, способных оказать мощное дестабилизирующее влияние на всю экономическую систему,

очень мало, хотя систематически происходит большое число малозначительных нововведений.

Во-вторых, в теории экономического развития осталось невыясненным, чем обусловлена дрящящаяся в течение нескольких десятилетий протяженность внедрения значительных и важных нововведений.

В-третьих, в теории экономического развития нет убедительного объяснения периодически повторяющимся депрессиям и неравномерности появления значимых нововведений¹⁸⁰. В настоящее время доминирующей является точка зрения о существовании шести технологических укладов, основанных на нововведениях, начиная с промышленной революции в Англии¹⁸¹.

3.3. Теория больших циклов и её развитие в современных исследованиях

Глубокую разработку теории больших экономических циклов осуществил выдающийся отечественный экономист Н.Д. Кондратьева. Основные положения гипотезы о существовании больших циклов были высказаны Н.Д. Кондратьевым в 1922 г. в книге «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны». На основе большого статистического материала он формулирует теорию циклических колебаний экономики и излагает её в статье «Большие циклы конъюнктуры» (1925). Дискуссия по этой проблеме состоялась в феврале 1926 г. в Институте экономики.

Н.Д. Кондратьев, предваряя исследование волн больших экономических циклов, детально анализирует содержание понятий экономической статики, динамики и конъюнктуры. Понятие экономической динамики он тесно связывает с понятием экономической статики, раскрывающим содержание экономической динамики. В то же время он характеризует понятие экономической динамики как родовое и более общее по отношению к

видовому понятию конъюнктуры. Поэтому, по его мнению, определение понятия конъюнктуры предполагает уже определение понятия экономической динамики.

Отметив, что исследование статической и динамической теории экономической действительности неизбежно связано с упрощением конкретной действительности, использованием научных методов анализа и синтеза, Н.Д. Кондратьев характеризует понимание теории статики и динамики: «Под *статической* мы понимаем теорию, которая рассматривает экономические явления по существу, вне категории изменения их во времени. Наоборот, под *динамической* мы понимаем ту теорию, которая изучает экономические явления в процессе их изменения во времени»¹⁸².

Основываясь на этом, он определяет наиболее характерные черты экономической статики и динамики: для статики наиболее характерным является равновесие взаимно связанных между собою элементов действительности, для динамики наоборот, процесс изменений экономических элементов и их связей. В связи с этим, по мнению Н.Д. Кондратьева, несмотря на осознание необходимости развития динамической теории, экономическая наука имеет по преимуществу статический характер.

Необходимо отметить, что за прошедший почти вековой период не произошло становление целостной динамической теории. Это обусловлено как объективными причинами, основу которых определяет сложность решаемой задачи, так и субъективными – относительно благоприятный в экономическом развитии период второй половины XX в. породил иллюзии, что кризисы, характерные для XIX – начала XX в. ушли в прошлое.

Попытки найти постоянные связи и зависимости между элементами социально-экономической действительности, имеет глубокие исторические корни, но явно выраженный статический её характер, с пониманием естественного порядка вещей, его элементами и связями проявляется уже в учении физиократов. Поиск более устойчивых элементов – ценность, естественная цена, естественный уровень заработной платы, прибыль, рента и т. д. – и их соотношение присуща Д. Рикардо, классической школе. Их системы, характеризую отдельные элементы динамической теории, не исследуют самого процесса проявления обнаруженных тенденций, а потому по своей сущности являются статическими.

В дальнейшем формируются экономические школы с выражено статическим характером построения теории: школа предельной полезности, математическое направление, с её представителями У. Джевонсом, Л. Вальрасом, В. Парето и др., англо-американское направление. Последние две сознательно исследуют экономическую действительность со статической точки зрения, с позиции зрения равновесия элементов этой действительности, зная, что наряду с этой точкой зрения существует и другая, динамическая точка зрения.

Большое место проблемам динамики отведено исторической школой, но и она, сосредоточив внимание на описательном характере явлений хозяйственной жизни, не дает теории динамики.

Уделив большое внимание проблемам концентрации капитала и производства, тенденции нормы прибыли к понижению, процессу расширенного воспроизводства, кризисам, имеющим явно выраженный динамический характер, экономическая школа К. Маркса также не смогла обеспечить развитие теории динамики.

Все это и позволяет характеризовать экономическую науку к началу XX в. как преимущественно статическую.

Н.Д. Кондратьев отмечает, что особняком от общего развития системы экономической теории в рассмотрении отдельных проблем динамики, главным образом в связи с проблемой кризисов в экономике второй половины XIX – начала XX в., находятся работы К. Жюглара, М.И. Туган-Барановского, А. Шпитгофа, Л. Поле, Ж. Лескюра, А. Афталиона, У. Митчела и др.

Дж. Милль наряду с отсутствием полного и ясного разграничения экономической статики и динамики сознательно противопоставляет статику и динамику, рассматривая их отдельно¹⁸³.

В работах Й. Шумпетера и Г. Касселя также делаются попытки не только показать недостаточность одной статической концепции, но и закладываются начала самой теории динамики.

Причины усиливающегося тяготения экономической мысли от статики к динамике обусловлены природой самой экономической действительности. Простота статической теории способствовала её развитию, но достигнув определенной степени, стали яснее её границы и пределы. Но для экономической действительности характерны изменчивость и текучесть. А по мере экономического развития, высоких темпов роста экономики значение изменений экономической жизни возрастают. Стремительность нарастания этих изменений с начала XX в. обострили и поставили в практическую плоскость потребность ориентироваться в ходе изменений экономической действительности. Эта потребность передалась и экономической науке и обострила интерес к вопросам динамики.

При соотнесении статической и динамической теорий, необходимо исходить из того, что экономическая действительность динамична по своему существу. Временная устойчивость явлений хозяйственной жизни может как бы приближаться к статическому состоянию, но они никогда не бывают в таком состоянии. Отсюда в действительности существует, в сущности, только динамика явлений.

Статическая же теория для выяснения равновесия элементов и связей системы может оперировать вариациями элементов, но не для исследования динамических процессов, а для определения предпосылок, обеспечивающих состояние равновесия, которое фактически только и исследуется.

По этому пути следует Д. Рикардо, определяя стремление нормы прибыли к равновесию, колебание уровня рыночных цен около их естественного уровня, исследуя народное хозяйство, при условии равенства нормы прибыли и соответствия цен их естественному уровню.

По этому пути следует и австрийская школа, объясняя механизм ценообразования и определяя в соотношении спроса и предложения равновесные цены, которые только и подвергаются исследованию.

Соответственно, изменения и вариации элементов привлекаются в целях уяснения понятия равновесия и привлекаются в методологических целях.

Экономическая динамика, по мнению Н.Д. Кондратьева, характеризуется процессами качественных и количественных изменений. Качественные характеризуются изменениями содержания элементов экономической жизни или их связей. К ним относятся изменения в технике производства, в организации хозяйства, в составе и характере общественных потребностей и т. д.

Но он проводит разграничение динамических процессов и по другому основанию. Эволюционные, протекающие в определенном направлении без посторонних воздействий, и определяющие их неповторимость, или необратимость (рост производства, тенденция роста населения и т. д.). И волнообразные как повторяемые, или обратимые процессы изменений. Они имеют свое направление и во времени меняют его, с возможностью вернуться к исходному состоянию (изменения товарных цен, процента на капитал, процента безработных и т. д.). Рассматривая эти изменения как непрерывные, протекание процесса можно изобразить в виде кривой, с различными её направлениями.

Вместе с тем Н.Д. Кондратьев, отмечая взаимосвязанность экономических процессов, определяя их необратимость во времени, обусловленную новой комбинацией условий, отмечает целесообразность характеристики обратимости процессов в изменениях элементов экономической жизни в относительном смысле, когда они, разведенные во времени, могут оказываться на прежнем уровне.

По мнению Н.Д. Кондратьева почти все экономические элементы, как в целом, так и в отдельности взятые, подвержены как качественным, так и количественным изменениям. Но если для одних элементов (организация хозяйства, техника производства, потребности и др.) характерны и качественные, и количественные изменения, то для других элементов (цена, учетный процент, рента и т. д.) основное значение будут иметь количественные изменения. Значение качественных изменений выступает преимущественно тогда, когда меняется сама природа этих элементов.

В то же время для выяснения отношения экономических элементов и их совокупности к необратимым и обратимым процессам необходимо иметь в виду что:

«Взятая в целом экономическая действительность представляет из себя как бы целый поток непрерывных и многообразных качественных и количественных изменений. Так как в ней имеются хотя бы некоторые элементы, описывающие кривую необратимого процесса изменений, то и в целом процесс экономического развития представляется процессом необратимым»¹⁸⁴. Следовательно, необратимость в целом народнохозяйственного процесса развития обуславливает изменения каждого отдельного элемента народного хозяйства и его необратимость.

При этом Н.Д. Кондратьев выделяет целую группу ценностных экономических элементов, таких как товарные цены, процент на капитал, заработная плата и др., и натуральных (процент безработных, количество банкротств и т. д.), которые при необратимости народнохозяйственного процесса в целом обнаруживают волнообразные и обратимые процессы изменений. В других, более сложных элементах, состоящих из двух компонентов, один из которых характеризует общий рост и развитие, а другой – скорость, или темп этого роста и развития, изменения могут характеризоваться наличием как обратимых, так и необратимых процессов. Вследствие этого, тенденция общего роста и развития их характеризуется как необратимый процесс, но темп этого роста и развития описывая волнообразную кривую, является процессом обратимым. «Это различие природы изменений отдельных элементов хозяйственной жизни, – отмечает Н.Д. Кондратьев, – бесспорно, и вместе с тем оно настолько существенно, что только при учете его можно понять характер динамики экономической жизни»¹⁸⁵. Повышение цен, расширение производства, увеличение объемов товарного оборота, повышение доходов и т. д., характерные для благоприятного периода хозяйственной жизни, сменяется

обратными их изменениями в неблагоприятный период. Это согласованное колебание изменений экономических элементов не случайно, оно обусловлено тесной связью соответствия этих элементов в экономической системе.

Из работ по теории кризисов следует, что между колебательными изменениями отдельных элементов экономической системы существует тесная прямая или обратная связь. При повышательной тенденции одних элементов обязательно наблюдается повышательная или понижательная тенденция других. Эта закономерная связь изменения элементов осуществляется благодаря рынку.

На этом основании Н.Д. Кондратьев констатирует: «...мы можем утверждать, что объективно смена благоприятного и неблагоприятного стечения обстоятельств есть в то же время неизбежно и колебательное изменение совокупности элементов хозяйственной жизни. Это колебательное изменение элементов представляет из себя лишь иную объективную форму выражения смены благоприятных и неблагоприятных условий хозяйственной жизни и деятельности»¹⁸⁶.

При абстрактном методе построения схемы равномерно эволюционирующего хозяйства, имеющем место в работах К. Маркса, М.И. Туган-Барановского, Р. Гильфердинга, Г. Касселя и др., которое развивается непрерывно, необратимо, без потрясений, можно получить экономическую систему, находящуюся в динамическом равновесии. Его эволюция будет происходить необратимо, без колебательных, или обратимых конъюнктурных динамических процессов. На этом основании можно было бы определить условия такого динамического равновесия. Но в действительности необратимый процесс развития народного хозяйства сопровождается обратимыми конъюнктурными колеба-

ниями. Причиной тому является систематическое нарушение в действительности условий динамического равновесия.

Выдвинув гипотезу о механизме длинных экономических циклов («больших циклов конъюнктуры» по его терминологии), Н.Д. Кондратьев связывает их не только с динамикой цен и накопления капитала, но и с темпами роста производства и динамикой инноваций, с постоянной эволюцией народного хозяйства. По мнению Н.Д. Кондратьева, для процесса формирования длинных циклов характерно отсутствие равновесия экономических элементов в условиях развитого товарного производства. Их стремление к равновесию и порождает волнообразные движения близ уровня их равновесия. Но развитие народного хозяйства постоянно эволюционирует, а потому эволюционирует и сам уровень равновесия. Вследствие чего экономические элементы колеблются близ меняющегося уровня равновесия.

Принимая во внимание, что различные экономические элементы по самой своей сущности имеют конъюнктурные волны различной продолжительности, можно говорить о различных видах равновесия применительно к различным периодам времени. Как правило, наиболее длительный период функционирования имеют основные виды производительных сил. Период усиленного строительства этих капитальных благ является периодом отклонения реального уровня экономических элементов вверх от существующего уровня равновесия. А период затишья в их строительстве является, наоборот, периодом движения реального уровня экономических элементов к уровню равновесия, и даже ниже его. Таким образом, большие циклы конъюнктуры представляют процессы отклонений

реального уровня элементов капиталистической системы от эволюционирующего уровня равновесия этой системы.

Исследовав динамику среднего уровня товарных цен, процента на капитал, заработной платы, оборота внешней торговли, добычи и потребления угля, производства чугуна и свинца, на основе собранного и обработанного большого статистического материала, Н.Д. Кондратьев доказал наличие трех больших циклов экономической конъюнктуры. Он измерил их во времени и по интенсивности и изобразил графически повышательные и понижательные волны, чередующиеся примерно через полвека.

Движение длительных колебаний, по Н.Д. Кондратьеву, происходит по следующему принципу. Перед началом большого цикла накапливается достаточное количество свободных средств – рост банковских резервов, что позволяет кредиторам снижать процентную ставку. Процент по долгосрочным помещениям низок. В течение предшествующего периода понижения накопилось значительное количество технических новинок. При наличии этих условий начинает возрастать инвестирование капитала в крупные сооружения, что вызывает серьёзные изменения в условиях производства, создании технических возможностей получения прибыли, производство становится рентабельным, а далее следует повышательная волна большого цикла экономической конъюнктуры.

Особую роль Н.Д. Кондратьев отводит формированию циклов под влиянием инноваций. По его мнению, в течение примерно двух десятилетий перед началом повышательной волны большого цикла наблюдается оживление в сфере технических изобретений, а перед началом и в самом начале повышательной волны – широкое применение этих изобре-

тений, связанное с реорганизацией производственных отношений, расширением орбиты мировых экономических связей.

В дальнейших исследованиях длинных волн Й. Шумпетер, Г. Менш, и другие экономисты не только подтвердили влияние крупных изобретений и базисных нововведений на циклические колебания в динамике экономического развития, но и существенно дополнили теорию длинных циклов Н.Д. Кондратьева. В период, предшествующий повышательной волне, происходит накопление инновационных предпосылок, формируются технические, технологические, организационные и другие составляющие предстоящего существенного преобразования в структуре экономики. На фазах кризиса и депрессии создаются предпосылки для перехода к новым технологическим принципам, освоения кластеров базисных инноваций. А это, в свою очередь, требует крупных вложений в обновление не только машин на действующих производствах, но и пассивной части основного капитала, формирования новых отраслей. Содержание этого механизма требует дополнительных исследований, но бесспорен приоритет Н.Д. Кондратьева в постановке проблемы внедрения технических новшеств.

Вместе с тем, как бы предвидя возникновение споров по поводу точности и представительности использованных статистических данных, Н.Д. Кондратьев, подчеркивает: «чтобы не стать при этом анализе жертвой какого – либо дефекта статистического метода необходимо изучить развитие капитализма в его конкретных чертах и не только на основании цифр, но и на основании описательных данных»¹⁸⁷.

Проведенная работа укрепила мнение автора в правильности установленных ранее закономерностей и явилась основой выводов о существовании четырех

эмпирических правильностей в развитии больших циклов, важных как для характеристики больших циклов, так и для их понимания.

Эмпирические правильности, по нашему мнению, чрезвычайно важны не только в понимании процессов, которые находятся на поверхности явлений и характеризуют признаки больших циклов, но и для определения тех движущих сил, которые являются их движущей силой. Они являются своеобразной матрицей, через призму которой можно проверять степень соответствия выдвигаемых гипотез о природе происхождения длинных волн. А исходя из взаимосвязанности и взаимообусловленности всего спектра экономических циклов, и их природы.

Первая эмпирическая правильность сводится к тому, что к началу повышательной волны большого цикла, а иногда, и в самом её начале «наблюдаются значительные изменения в основных условиях хозяйственной жизни общества»¹⁸⁸. Эти изменения выражены «в глубоких изменениях техники производства и обмена (которым, в свою очередь, предшествуют значительные технические изобретения и открытия), в изменении денежного обращения, в усилении роли новых стран в мировой хозяйственной жизни и т. д.»¹⁸⁹.

Определяя содержание первой эмпирической правильности, Н.Д. Кондратьев отмечает, что для неё характерно формирование новых отраслей промышленности после появления необходимых экономических условий, развитие транспорта, изменение условий хозяйственной жизни, установление золотого денежного обращения, широкое вовлечение в мировые экономические отношения новых стран. При этом автор подчеркивает, что речь идет не об объяснении причин больших циклов, «а о характеристике хода больших циклов»¹⁹⁰.

Вторая эмпирическая правильность характеризуется тем, что периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции и войны), чем периоды понижительных волн. На основе перечня исторических событий автор подтверждает характерное для повышательных волн наибольшее число основных социальных потрясений, как революционных, так и военных.

Третья эмпирическая правильность заключается в том, что понижительные волны больших циклов «сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства»¹⁹¹. В этот период характерным является существенное снижение цен на сельскохозяйственную продукцию, падение земельной ренты. При этом падение цен на сельскохозяйственные товары в этот период более значительно, чем падение цен на товары промышленности. Сельскохозяйственная депрессия в этот период характерна для всех основных европейских стран и США.

Четвертая эмпирическая правильность определяет тесную взаимосвязь больших циклов конъюнктуры как со среднесрочными промышленными циклами, так и с краткосрочными колебаниями конъюнктуры. «Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии. Средние циклы, поэтому как бы нанизываются на волны больших циклов»¹⁹².

Такой подход позволил ученому выявить взаимное влияние экономических циклов. Для средних циклов на понижительном периоде большого цикла характерно ослабление повышательной тенденции и усугубление понижительной тенденции. Поэтому они

характеризуются особой длительностью и глубиной депрессии, краткостью и слабостью подъемов. На повышательной фазе большого цикла экономические кризисы средних циклов менее глубоки, а подъемы более стремительны. Поэтому, подчеркивает Н.Д. Кондратьев «все элементы капиталистического хозяйства органически связаны между собой» и далее «если бы я изучал законы развития капиталистического общества в целом, то, разумеется, я должен был бы иметь в виду синтетическую точку зрения»¹⁹³.

Если, говоря о правильности, отмечает Н.Д. Кондратьев, иметь в виду солидарность и одновременность колебаний различных элементов, то экономической жизни в равной степени присущи как большие, так и средние волны. Более того, правильность проявляется и в том, что формирование средних циклов в международном масштабе по своей природе не отличается от больших волн.

Отмечая, что если среди исследователей формирование средних циклов внутренними причинами динамики капиталистического хозяйства общепринято, пишет Н.Д. Кондратьев, то по отношению к причинам, вызывающим большие волны, отношение не столь однозначное, в частности мнение о привходящих условиях и событиях, случайном характере их формирования. Зачастую следствие принимается за причину, или случайность видится там, где имеет место закономерность. В частности, к таким привходящим условиям относят и изменения в технике.

Бесспорным доводом в пользу того, что научные и научно-технические открытия носят не случайный характер, по мнению Н.Д. Кондратьева, является их связь с запросами как практики в целом, так и хозяйственной, в частности. Об этом свидетельствуют факты одновременного и независимого появления одних и тех

же изобретений и открытий в различных местах, а также то, что для их внедрения должны созреть хозяйственные возможности.

Следовательно, открытия и изобретения, с одной стороны, формируются как объективная необходимость дальнейшего прогресса общественного производства, а с другой, они могут быть востребованы самим производством только при наличии соответствующих объективных технических и технологических условий, способных воспринять и реализовать их в процессе хозяйственной жизни. Поэтому Н.Д. Кондратьев и подчеркивает, что направление и интенсивность научно-технических открытий и изобретений являются функцией запросов практической действительности и предшествующего развития науки и техники. Вместе с тем «научно-технические изобретения могут быть, но могут оставаться недействительными, пока не появятся необходимые экономические условия для их применения»¹⁹⁴, но «самое развитие техники включено в ритмический процесс развития больших циклов»¹⁹⁵.

Столь подробное освещение позиции Н.Д. Кондратьева по этим проблемам продиктовано следующими соображениями.

Во-первых, необходимостью всестороннего и четкого понимания цикличности как массы взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений.

Стремясь к более четкому определению явления цикличности в экономике, У.К. Митчелл отмечал, что большинство тех, кто говорит об экономическом цикле, имеет при этом в виду не одно явление, а целый конгломерат взаимосвязанных явлений. При этом экономические колебания не носят периодический характер, они не предполагают стройной правильности повторений. Экономические циклы, по его мнению,

представляют собой повторяющиеся подъёмы и упадки, проявляющиеся в большинстве экономических процессов общества с достаточно развитой системой денежного хозяйства, не разложимые на какие-либо волны с амплитудой, приблизительно равной их собственной амплитуде, и продолжающиеся в странах, стоящих на различных стадиях экономического развития, в среднем от 3 до 7 лет.

В 1939 г. Й. Шумпетер в своей монографии «Деловые циклы» подробно анализирует гипотезу Н.Д. Кондратьева и так же приходит к выводу, что экономический цикл представляет собой некое подобие движения волн: начальная волна беспрепятственно вырастает из состояния сбалансированного равновесия, а затем спадает, переходя в то же равновесное состояние.

Во-вторых, той ролью научно-технических достижений, которая им отведена в формировании экономических циклов. Исследуя материальную основу долгосрочных экономических колебаний, Н.Д. Кондратьев показал, что в течение примерно двух десятилетий перед началом повышательной волны большого цикла наблюдается оживление в сфере технических изобретений, а перед началом, и в самом начале повышательной волны – широкое применение этих изобретений, связанное с реорганизацией производственных отношений.

В-третьих, тем значением, которое отводится научно-техническим открытиям и изобретениям в дальнейших отечественных исследованиях больших волн.

Безусловным теоретическим вкладом в разработку теории длинных волн представляется обоснование Н.Д. Кондратьевым самой гипотезы формирования больших циклов. Он констатирует, что динамика экономической системы никогда не находится в состоянии идеального равновесия, она постоянно подвержена

волнообразным колебаниям, которые то поднимаются вверх, то опускаются вниз, характеризую процессы нарастающего или ослабевающего нарушения равновесия системы, то усиливающегося, то ослабевающего ее отклонения от уровня равновесия.

Вместе с тем, система не только испытывает волнообразные колебательные процессы, она постоянно эволюционирует, т. е. такой уровень равновесия представляет собой уровень подвижного равновесия, когда для каждого момента характерно существование своего уровня равновесия. Н.Д. Кондратьев в процессе анализа экономического равновесия и его природы, выделяет различные его «виды в зависимости от длительности периода времени»¹⁹⁶, который необходимо учитывать, чтобы понять явление равновесия. Равновесие первого порядка характеризуется коротким периодом времени, в течение которого производство, а следовательно, и предложение товаров, и спрос на них остаются неизменными. Между спросом и предложением устанавливается равновесие, которому соответствует определенный уровень цен.

Но уровень цен рыночного равновесия будет отклоняться от уровня цен производства. Для одних отраслей это будет благоприятное отклонение, что будет способствовать их развитию и расширению, для других – неблагоприятное, что вызовет сокращение их производства. Эти изменения на основе имеющихся средств производства, вовлеченных в производственный процесс, вызовут изменение в соотношении спроса и предложения и приведут к новому равновесию, которому будет соответствовать и новый уровень цен. Эти цены равновесия будут отражать новое равновесие спроса-предложения, равновесие рыночных цен и цен производства, равновесие между объемами

производства и потребления в различных отраслях хозяйства. Это равновесие и является равновесием второго порядка.

Но и объем средств производства и их характер с течением времени меняются. Следствием этого будет: изменение соотношения производства и потребления по отраслям, изменение цен производства, изменение спроса и предложения и рыночных цен. Устаноятся новые равновесия спроса и предложения, размеры производства и равновесие в распределении изменившегося объема средств производства. Они и будут определять равновесие третьего порядка.

Н.Д. Кондратьев подчеркивает, что такое упрощение действительности применяется лишь для того, чтобы передать основную мысль о существовании равновесия. В действительности экономические процессы нельзя изолировать по периодам различной длительности. Между ними не существует точных и неподвижных границ. «Но столь же несомненно и то – подчеркивает он – что такие группы, хотя бы с растяжимыми границами существуют»¹⁹⁷.

Поэтому приведенная схема позволяет перекинуть мост от известных и не вызывающих сомнений циклов к пониманию природы больших циклов.

Если материальной основой средних циклов, повторяющихся каждые десять лет, является изнашивание, смена и расширение массы орудий производства, машин, то можно полагать, что материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение средств производства, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. «Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, – пишет Н.Д. Кондратьев, – а точками, другим выражением чего и являются большие волны конъюнктуры»¹⁹⁸.

Период усиленного строительства основных капитальных благ, являясь периодом подъема, приводит к отклонению уровня экономических элементов вверх от существующего уровня равновесия, формируя длительное повышение конъюнктуры. В период затишья в их строительстве осуществляется движение экономических элементов к уровню равновесия более высокой ступени.

Н.Д. Кондратьев предлагает следующую модель формирования фаз больших экономических циклов.

Повышательная волна большого цикла связана с существенным обновлением капитальных благ, радикальными изменениями и перегруппировкой производительных сил общества, что предполагает огромные затраты капитала. Его формирование возможно при наличии следующих предпосылок: накопление в натуральной и денежной форме должно достичь значительных размеров; накопление должно продолжаться и в процессе расходования накопленного капитала темпами, превышающими темпы текущего инвестирования; концентрация капитала в распоряжении мощных предпринимательских центров, чему способствует система кредитов и фондовая биржа; наличие свободного капитала, относительно малая степень его связанности и дешевизна.

При наличии концентрирующегося в достаточном количестве свободного и дешевого капитала его инвестирование в крупные сооружения и внедрение накопившихся технических изменений являются довольно рентабельными.

Радикальные изменения условий производства создают основу новых производительных сил, что отражается на всей хозяйственной системе, формируя общую повышательную волну конъюнктуры и обостряя борьбу за рынки, в частности, за рынки сырья. Вовлечение в

оборот новых стран и районов, обострение соперничества за влияние на них, приводят к обострению межгосударственных отношений, к увеличению поводов для военных столкновений и к самим военным столкновениям.

Но природа повышательной волны такова, что она не может продолжаться непрерывно. Спрос на инвестиции приближается к уровню накопления, а затем превышает его, что приводит к удорожанию капитала и росту процента на него. Эта тенденция усиливается внешними и внутренними социальными потрясениями, вызывающими увеличение непроизводительного потребления капитала, снижение накопления, острую потребность в капитале, его удорожание. Тем самым создаются предпосылки для общего перелома повышательной волны к понижению. Темп инвестирования падает, активность хозяйственной жизни сокращается, цены понижаются. Это способствует поиску путей удешевления производства, внедрению новых технологических изобретений, их массовому внедрению. Формируются предпосылки снижения процента на капитал, обусловленные снижением спроса на него и ослаблением причин, сдерживавших накопление.

Понижательно-депрессивная волна, по мнению Н.Д. Кондратьева, охватывает народное хозяйство неравномерно. Сильнее всего она выражена в сельском хозяйстве. Его товары сильнее падают в цене. Более сложная природа промышленности, меньшая косность и инертность, обеспечивают её приспособление к новым условиям. Это служит условием усиления процессов накопления и аккумуляции капитала в руках промышленников, торговцев и банкиров. Кривая накопления начинает существенно превосходить кривую инвестирования. Капитал дешевеет. «Тем са-

мым, – констатирует Н.Д. Кондратьев, – вновь создаются условия, благоприятные для подъема»¹⁹⁹.

В последней опубликованной при жизни Н.Д. Кондратьева статье «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров» были подвергнуты анализу материалы, характеризующие динамику уровня и соотношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Основную цель работы автор определяет тем, чтобы установить общие закономерности в динамике цен, вытекающие из фактических данных за достаточно длительный период времени, под углом зрения общей теоретической проблемы – относительной динамики конъюнктуры.

Но не только к теории больших циклов конъюнктуры сводится научное наследие Н.Д. Кондратьева. В работах «Проблема предвидения» (1926), «План и предвидение» (1927), «Критические заметки о плане развития народного хозяйства» (1927) Н.Д. Кондратьев последовательно разработал теорию планирования в регулируемой рыночной экономике. Он считал, что план должен строиться на основе предвидения объективных тенденций развития событий и возможного эффекта проводимых мероприятий, что план является не только директивой, но одновременно – предвидением, что план без всякого предвидения – ничто.

Для современной методологии прогнозирования большое значение имеют обоснованные Н.Д. Кондратьевым положения, что возможности предвидения зависят от запаса наличных знаний о связях и закономерностях динамики изучаемого объекта или процесса, а также от правильности постановки задачи предвидения. Немаловажное значение имеет и вопрос о количественной определенности прогнозов, плановых заданий и балансов. Н.Д. Кондратьев предостерегал от гипноза цифр и арифметики, детальных расчетов,

заменяющих глубокий анализ возможных противоречивых тенденций будущего развития.

Н.Д. Кондратьев напряженно работал над изучением закономерностей динамики расширенного воспроизводства, собирався написать книгу о малых циклах и кризисах, завершив цикл работ книгой по синтетической теории социально-экономической динамики. Но этим планам не суждено было сбыться.

Формирование гипотезы длинных волн позволило продемонстрировать неравномерность хода научно-технического прогресса, его волнообразное воздействие на экономический рост. Неравномерность развития научно-технического прогресса связана с возрастанием и затуханием по своей интенсивности периодов нововведений, существенными различиями между базисными, улучшающими нововведениями-продуктами и нововведениями-процессами. Отчетливо проявляется формирование кластеров нововведений или повышение инновационной активности в фазах депрессии и оживления длинной волны и снижение в фазах процветания и нестабильности.

Вместе с тем, сама гипотеза зависимости формирования длинных волн от нововведений требует более детальных исследований. Недостаточно исследованы причины, обеспечивающие в течение короткого промежутка времени формирование динамики восходящей волны, проблемы градации приоритетов нововведений по их значимости для каждого этапа развития общественного производства. Исследователи по-разному определяют значение отдельных нововведений или групп нововведений. Существуют различия в трактовке связи достижений фундаментальных наук, нововведений и их взаимосвязей, влияния, причинно-следственной зависимости, как с отдельными фазами длинных волн, так и с их динамикой.

Многие экономисты на Западе считают теорию долгосрочных экономических циклов («длинных волн») статистически не доказанной. Но, несмотря на это, интерес к указанной теории угасает в годы экономического подъема и возрастает в периоды кризисов и потрясений. Так, очень высоко оценивая исследования Н.Д. Кондратьева, Й. Шумпетер еще в довоенный период выдвинул гипотезу, что циклы обновления экономики начинаются с пучков технологических нововведений, что обеспечивает новаторам существенную прибыль. Он отмечал, что экономическая история последних двух веков является уникальным арсеналом фактов для разработки модели развития экономического организма, экономического анализа процесса которым объясняется ход конъюнктуры. «Волны того потока, который представляет собой ни что иное как процесс исторического развития, могут быть интерпретированы на основе анализа волн теоретической модели развития тем лучше, чем они длиннее: нововведения, порождающие те волны, продолжительность которых в среднем не превышает 40 месяцев, не всегда легко выявить. Напротив, самые длинные волны в той степени, в какой они выявляются статистикой – меняющиеся периоды Шпитгофа, или «длинных волн» Кондратьева – настолько удачно вписываются в схему, что здесь не требуется практически ничего доказывать»²⁰⁰.

Взаимосвязь длинных волн Н.Д. Кондратьева и денежного обращения Й. Шумпетер рассматривает на основе анализа промышленных революций, выделяя из общего экономического процесса с его чередой экономических кризисов, хаоса, убытков и безработицы, развитие производства, его расширение и углубление, увеличение покупательной способности населения, повышение жизненного уровня населения. «Эти

революции периодически обновляют структуру промышленности, внедряя новые методы производства: механизированные и электрифицированные фабрики, химический синтез и пр., новые товары; услуги железных дорог, автомобили, электрическое оборудование; новые организационные формы – слияние компаний; новые источники сырья ...; новые торговые пути и рынки сбыта»²⁰¹.

По мнению Й. Шумпетера, волна равняется примерно 60 годам и разделяется на приблизительно равные фазы подъема и спада. Фазу подъема первой выделенной им «волны» (1790–1814 гг.) Й. Шумпетер связывает в основном, с распространением парового двигателя; второй (1844–1874 гг.) – с железнодорожным бумом; третьей (1895–1916 гг.) – с объединенным воздействием электроэнергетической промышленности и автомобильного транспорта.

Г. Менш определяет «пиковые» годы, приходящиеся на нововведения в фазе спада и определяющие подъем, вблизи 1770, 1825, 1885 и 1935 гг. Общим понятием для большинства исследователей проблемы цикличности выступает понятие кластера нововведения, которое служит ключевым в экономической теории для объяснения взаимосвязи между неравномерностью нововведений, с одной стороны, и тенденциями изменения общехозяйственной конъюнктуры, с другой. Природа возникновения кластера связана, по мнению некоторых западных экономистов: во-первых, с «эхо-эффектом», когда динамика числа базисных нововведений с некоторым лагом повторяет динамику числа базисных научных открытий. Научные революции приводят к скачкообразному увеличению объема фундаментальных знаний и, таким образом, способствуют неравномерному поступлению в экономику базисных нововве-

дений; во-вторых, возникновение кластера объясняется закономерностями движения потребительского спроса на нововведения; в-третьих, для возникновения кластера необходимо как долговременное улучшение общеэкономической конъюнктуры, так и отсутствие барьеров на пути создания и внедрения новых технологий в достаточно широкой группе отраслей и секторов производства²⁰².

Различия в длительности соответствующих циклов обусловлены особенностями проявления неравномерности научно-технического прогресса как в целом, так и на уровне конкретных технологических явлений и процессов. Развитие новых, базовых направлений, в свою очередь, приводит к изменениям в используемых производственной и непроизводственной технологиях. Возможности перехода на новый долгосрочный научно-технический цикл существенно зависят от общего уровня развития науки, техники и технологии, фазы существующей мировой технологической волны, наличия долгосрочных перспективных заделов в сфере исследований и разработок.

Анализ исторического развития показывает, что исследования и разработки, обеспечивающие переход на новый долгосрочный научно-технический цикл, начинают осуществляться в тот период, когда существующие направления техники и технологии достигают своего наибольшего развития, пика, или, по Кондратьеву, гребня длинной волны.

Неравномерность научно-технического прогресса в разных странах и в различных отраслях экономики – главная причина и главное следствие отставания одной страны от другой в технологическом и в экономическом развитии.

Эти исследования, как и гипотеза Й. Шумпетера в целом, получили свое дальнейшее развитие в работах отечественных экономистов (Ю.В. Яковец, С.М. Меньшиков, С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, Г.Г. Фетисов и др.)²⁰³. Большое внимание изучению больших циклов конъюнктуры уделено в работах С.Ю. Глазьева. Он выделяет пять циклов и пять основных технологических укладов. Основное внимание уделяется изучению их основных составляющих. Во-первых, содержание ядра технологического уклада, его отраслевого состава. Во-вторых, определение ключевого фактора – базового нововведения. В-третьих, формирующееся ядро нового уклада. В-четвертых, определение стран – технологических лидеров. В-пятых, развитые страны, догоняющие лидеров. В-шестых, преимущества данного технологического уклада по сравнению с предшествующим. В-седьмых, режимы экономического регулирования в странах – лидерах. В-восьмых, международные режимы экономического регулирования. В-девятых, основные экономические институты. В-десятых, организация инновационной активности в странах – лидерах.

С.Ю. Глазьев характеризует механизм изменения номинальных переменных следующим образом: «В фазе роста доминирующего технологического уклада, для которой характерны устойчивые темпы роста составляющих его производств и всей экономики в целом, ставка процента остается стабильной, отражая стабильные условия воспроизводства общественного капитала. По мере приближения доминирующего технологического уклада к пределам роста и снижения нормы прибыли в составляющих его производствах предельная эффективность капитальных вложений быстро снижается»²⁰⁴.

По своей сути механизм изменения номинальных переменных соответствует характеристике циклических изменений с изменением в стоимостной величине наиболее долгосрочной (пассивной) части основного капитала и циклических колебаний процентных ставок Н.Д. Кондратьева, а также теории экономического развития Й. Шумпетера.

Автор отмечает, что этот механизм действует в рыночной экономике. Что касается директивно управляемой экономической модели, то распространение новых технологий инициируется сверху и соседствует с сохранением старых технологических укладов. Это обстоятельство приводит к технологичной многоукладности экономики и формирует высокую «ресурсоемкость» ВВП. Поэтому «к началу 90-х гг. диспропорции, образовавшиеся вследствие неспособности системы хозяйственного управления обеспечить перераспределение ресурсов из устаревшего технологического уклада в новые, достигли критической величины»²⁰⁵.

Исследование теории длинных волн позволило сформулировать вывод, что вовлечение регионов страны в длинноволновые колебания подчиняется тем же закономерностям, что и вовлечение в них национальных экономик. Эти закономерности можно охарактеризовать следующим образом. Страны, вступившие на очередную волну первыми, совершают соответствующую экономическую экспансию в другие страны, благодаря чему аккумулируют в себе мировые богатства, но одновременно и удлиняют свою длинную волну. Этот эффект возможности подъема волны определяется расширением рынка. При этом к уровню передовых стран подтягиваются и страны, вовлеченные в экономическую экспансию. Поэтому, с одной стороны,

невозможно слишком большое удаление лидеров от остальных стран, так как хотя они и проходят соответствующие этапы внедрения новых технологий раньше, но сжатие всего цикла по времени возможно лишь для достаточно большого числа стран одновременно, с другой стороны, новая волна начинается лишь тогда, когда рынок, сложившийся во времена предыдущей, пресыщается, причем в мировом масштабе.

В этом разрезе С.Ю. Глазьев выделяет «эталонную траекторию» в процессе долгосрочного технико-экономического развития. Она определяется как скорость распространения технологического уклада, после чего осуществляется сравнение реальных национальных траекторий технико-экономического развития с эталонной.

Вместе с тем, определяя объективные основы формирования больших экономических циклов, Н.Д. Кондратьев отмечает, что направления и интенсивность научно-технических открытий и изобретений являются функцией запросов практической действительности и предшествующего развития науки и техники. Изобретения и новые технологии не будут востребованы до того времени, когда для их использования не созреют необходимые экономические условия и само развитие техники не будет включено в закономерный процесс экономической динамики.

Именно поэтому гипотеза технологических укладов как основы формирования больших экономических циклов основывается на выводах Н.Д. Кондратьева, что в течение примерно 2–2,5 десятилетий перед началом повышательной волны большого цикла наблюдается оживление в сфере технических изобретений. Но при этом в гипотезе технологических укладов игнорируются такие важные положения как, во-первых, «самое раз-

вите техники включено в закономерный процесс экономической динамики»; во-вторых, что «широкое применение этих изобретений в сфере промышленной практики, связанное, несомненно, с реорганизацией производственных отношений, совпадает с началом повышательной волны больших циклов». Следовательно, изменение техники должно быть вызвано запросами производства, созданием таких объективных условий в народном хозяйстве, при которых применение изобретений становится возможным и необходимым. Из выдвинутой же гипотезы вытекает, что и закономерности экономической динамики, и реорганизация производственных отношений целиком подчинены закономерностям формирования технологических укладов, т. е. внедрениям технических изобретений.

Глава 4.

Формирование полисистемного характера динамики экономических циклов

Последние годы, по мнению многих ученых, человеческое общество развивается под влиянием двух основных направляющих, обеспечивающих модернизацию социального пространства – технико-технологической и социокультурной.

Однако представляется, что, как и направление, занимавшее лидирующие позиции вплоть до середины 1980-х гг., когда дисбаланс технико-технологической и социокультурной сторон социального развития стал причиной возникновения гуманитарного, экономического, духовного и экологического кризисов, так и отражение апокалипсических настроений и социальной нестабильности в общественной жизни, страдают своей обособленностью от общих эволюционных процессов и отсутствием системного понимания взаимного влияния.

Развитие общества обусловлено созреванием новой системы в недрах предыдущей, когда на стадии перехода от одной системы к другой наблюдается противоречивое взаимодействие старых и новых системных качеств. В этот момент особенно важно определение новой структуры системы, её качественных характеристик и тенденции развития.

Более того, экономические системы формируются в конкретно-исторических условиях, с соответствующими характеристиками состояния производительных сил, отраслевой структурой национальной экономики, экономическими отношениями, формами хозяйствования, совокупностью экономических институтов, активным влиянием на эти процессы других систем.

Важнейшим направлением в разрешении этих противоречий должно стать формирование в экономической науке направления, в котором становление и развитие экономических систем будет основываться на полисистемном характере формирования экономической динамики.

4.1. Объективная обусловленность динамики экономических циклов

Эволюционный процесс развития систем предполагает наличие тенденций противоположной направленности. Первая, препятствуя любым изменениям, стремится к сохранению ранее приобретенных свойств, как составляющими её элементами, так и системой в целом, сохранению сформировавшихся функциональных связей между элементами, т. е. обеспечению нерушимости, целостности структуры системы. Вторая направлена на осуществление изменений количественных и качественных характеристик системы, приобретение ею новых свойств, изменение и совершенствование структуры системы в процессе её развития. Взаимосвязь и противоборство этих двух тенденций обуславливает характер и динамику протекания происходящих в системе изменений.

Известный генетик, ученик и последователь Н. И. Вавилова, директор Института общей генетики АН СССР Н.П. Дубинин характеризует наследственность в биологических системах как выражение общей тенденции эволюционирующей системы к ее сохранению, где передача информации от поколения к поколению осуществляется без её искажений.

В то же время проявление второй тенденции обусловлено процессами приспособления биологических видов к среде своего обитания. Сходные процессы имеют место и в социальных системах, где тенденция

сохранения ранее приобретенных свойств и сформировавшихся функциональных связей проявляется в социальном наследовании, обеспечении преемственности тех форм культуры и социальной организации, которые обеспечивают адаптацию данной системы к происходящим изменениям на основе сформировавшегося опыта эволюционного развития.

В процессе своей практической деятельности индивид, воспроизводя достижения предшествующих поколений, обусловивших формирование человеческой культуры, обеспечивает как их преемственность, так и прокладывает пути их дальнейшего развития. Этот процесс по своей сути и качественным характеристикам принципиально отличается от онтогенеза животных, где формирующиеся в результате эволюции свойства определяются морфологическими особенностями их организма и изменениями в наследственности.

Поэтому эволюция социальных систем характеризуется закреплением достижений людей в результатах их практической деятельности, что выражается в совершенствовании орудий труда, языка и форм общения, культуры взаимоотношений, традиций, народного творчества, искусства, в развитии науки, техники, технологий производства и т. д.

Различие в проявлении биологической и социальной составляющих в процессе эволюции человеческого общества имеет место и в определении степени их влияния на развитие социальных систем. Если, по мнению основоположника хромосомной теории наследственности лауреата Нобелевской премии 1933 г. Т.Х. Моргана, исследования которого послужили стимулом к разработке генетических основ теории естественного отбора, «материальная непрерывность» осуществляется через половые клетки, то, по мнению академика Н.П. Дубинина, жизненный опыт передается

новым поколениям посредством примера, речи и письма, которые и являются качественными характеристиками социального наследования «концентрирующим в сознании итоги развития производительных сил, духовной культуры»²⁰⁶.

Как отмечает Н.П. Дубинин, итоги этого развития, о чем свидетельствуют законы генетики, не могли записываться в генах, они не стали субъектом биологической эволюции. Они оказались возможны вследствие развития особой формы передачи от поколения к поколению социального опыта, что выразилось в создании все усложняющейся социальной программы, передающейся путем воспитания. И так же как генетическая наследственность подчиняется определенным биологическим закономерностям, так и социальное наследование имеет свои законы. «Суть их, – подчеркивает Н.П. Дубинин, – в объективных общих, устойчивых, необходимых отношениях передачи от поколения к поколению положительного опыта, приобретаемого обществом в процессе исторического творчества – всей материальной и духовной культуры, воплощающейся в человеке как существе родовом»²⁰⁷.

На этом основании Н. П. Дубинин заключает, что «при генетической запрограммированности всех существующих ему биологических особенностей... психика человека не заложена в генах... никаких генов для духовного содержания человека не существует, черты человеческой психики формируются с помощью общественно-практической деятельности людей»²⁰⁸. Следовательно, деятельность человека как определяющего элемента производительных сил общества состоит, как из внешних операций по материально-вещественному преобразованию окружающей среды, так и внутренних, духовных операций, которые обусловлены передачей предшествующими поколениями материальной

и духовной культуры, воплощенных в человеке и определяющих уровень его социального развития.

Вторая тенденция, направленная на осуществление изменений количественных и качественных характеристик системы, приобретение ею новых свойств, изменение и совершенствование структуры системы в процессе её развития, определяет объективную обусловленность приспособления системы к изменяющейся среде, поиска оптимальных поведенческих вариантов в ней, изменения оценочных характеристик, индивидуальной изменчивости элементов системы.

Эта тенденция отражает универсальную закономерность развития социально-экономических систем, где человек наследует типичные системные качества и одновременно выступает как потенциальный носитель исторической изменчивости этих систем в целом.

Тем самым в процессе эволюционного развития человека формируется его способность подниматься над обыденным уровнем, предъявляемым сложившейся ситуацией. На этой основе развивается способность человека ставить цели в процессе преодоления внешних и внутренних ограничений деятельности, избыточные в отношении основной задачи, определяя эту способность как неадаптивную, надситуативную.

Возможность получения как положительного, так и отрицательного результата на основе сделанного выбора и достижения поставленной цели, не является препятствием на пути к её достижению. Более того, эта возможность стимулирует к действию по преодолению внешних и внутренних ограничений деятельности. Эти результаты, полученные психологом В.А. Петровским²⁰⁹, где неадаптивная активность при наличии определенной степени риска проявляется в творчестве, познавательной деятельности, в значительной степени переключаются с мыслями Й. Шумпетера,

характеризующего личность предпринимателя и характер его деятельности. Именно наличие этих качеств у предпринимателей, по мнению Й.А. Шумпетера, и обеспечивают неустанный поиск или неординарных решений по внедрению все новых и новых технологий, способов организации производства, инновационных решений по производству новых товаров²¹⁰.

Формирование человека как личности происходит в эволюционном процессе преобразовательной деятельности, и в первую очередь – в процессе труда, как основной предметной деятельности человека. На основе трудовой деятельности возникли все другие ее формы, т. е. получила развитие человеческая деятельность в широком смысле этого слова, деятельность как взаимодействие человека со средой, в процессе которого он достигает поставленных целей. Поэтому для деятельности человека характерно наличие индивидуальных черт его развития. В этом процессе человек не только удовлетворяет свои основные потребности и воспроизводит себя как индивид, но и выражает свои творческие, индивидуальные черты, формирующиеся под влиянием природной и социальной среды.

Тем самым социально-общественное развитие выступает как системное развитие, обуславливающее необходимость воспроизводить себя в соответствии с условиями и уровнем развития общества. Отсюда и вытекает методологическая основа формирования деятельностиного подхода к процессу формирования личности человека, где он предстает как предметно-деятельное существо, а общественно-предметная деятельность с её содержанием и общественными связями, в которые этот человек включен, предоставляет ему возможность творить самого себя. Степень реализации этой возможности и определяет уровень духовного мира человека.

Многоплановая деятельность, осуществляемая как непрерывный процесс взаимодействия человека с природой, обмен веществ между ним и природой вместе с тем представляет собой и процесс познания человеком мира и себя в этом мире. То есть в процессе деятельности развиваются не только физические и духовные силы человека, но и совершенствуются его познавательные способности в познании окружающей среды и более эффективном взаимодействии с ней.²¹¹

Но в процессе своей деятельности человек взаимодействует не только с природой, она составляет лишь одну сторону человеческой деятельности. Взаимодействуя с природой с целью удовлетворения своих потребностей, люди взаимодействуют между собой, воздействуют друг на друга. Как отмечает К. Маркс, «Люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе...»²¹². В этом процессе, по его определению «индивиды как физически, так и духовно творят друг друга»²¹³.

Взаимодействие в общественном воспроизводственном процессе, определяющее особенности протекания процессов на разных этапах эволюции социально-экономических систем, характеризует собой и опосредованное влияние на формирование личности, которая выступает носителем человеческих норм, морали, нравственности. Поэтому сознание личности, развиваясь на основе складывающихся в разные эпохи общественных отношений, отражает соответствующее их содержание и противоречивые формы.

В значительной мере это отражает процесс системного познания и преобразования, как природы, общества, так и самой личности. Характеризуя этот процесс как системный, В.Н. Спицнадель отмечает: «Системность мышления реализуется в том, что знания пред-

ставляются в виде иерархической модели взаимосвязанных моделей. Хотя люди и являются частью природы, человеческое мышление обладает определенной самостоятельностью относительно окружающего мира: мыслительные конструкции вовсе не обязаны подчиняться ограничениям мира реальных конструкций. Однако при выходе в практику неизбежны сопоставление и согласование системностей мира и мышления»²¹⁴.

Системность окружающей человека среды обуславливает и системность ее отражения человеком. Окружающая человека среда представляет собой единство систем – природной и социальной, где первая служит средством и основой существования второй. Естественные системы, выступая природной основой существования общества, обеспечивая человека сырьем, энергией; служат в качестве важнейшего поля его созидательной деятельности.

Кроме того, организация общества меняется в зависимости от конкретной ситуации, она отличается целевой ориентацией, характеризуясь многоуровневостью построения и значительным числом направлений и вариантов деятельности. В связи с этим, социальные системы рассматриваются как сложные, обладающие интегральными характеристиками.

Философ и публицист А.А. Зиновьев в своеобразной форме определяет особенности человеческого общества, которое, по его мнению, наделено такими характеристиками как самоорганизация, многоуровневость, многообразие типов и эволюцией, соотнося его с муравейником: «Члены общества живут совместно исторической жизнью, т. е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как единое целое, вступая в регулярные связи. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в

человейнике различные позиции ... совместными усилиями обеспечивают самосохранение человека»²¹⁵.

В значительной части экономических исследований человеческое общество определяется как система, в которой происходят постоянные процессы изменений, обусловленные его развитием, переходом от одного этапа своего развития к другому, более совершенному, но вместе с тем и более сложному, как по структуре своего строения, так и по механизму взаимодействия составляющих его элементов. Это и есть ни что иное как характеристика динамической саморазвивающейся системы, находящейся в непрерывном движении, которое обусловлено её основными целями развития.

Однако это непрерывное движение в ходе становления, развития и смены одних систем другими свидетельствует и о том, что темпы преобразований в разных системах имеют разную динамику. С одной стороны, это зависит от емкости системы: чем она масштабнее, тем медленнее протекают происходящие в ней процессы, и наоборот. С другой, темпы преобразований в значительной степени зависят и от состояния основных составляющих системы, которые в большей или меньшей степени могут способствовать динамике преобразований, а также активно препятствовать им.

Но неотъемлемой характеристикой сложных динамических систем является и то, что в процессе их развития проявляется с определенной, существенной, необходимой устойчивой, повторяющейся закономерностью связь между элементами ее структуры, вследствие чего изменения, происходящие в процессе развития, приводят к возникновению новых, более совершенных и сложных составляющих и отмиранию старых элементов.

Поэтому важнейшей проблемой в определении закономерностей экономической динамики является

определение содержания тех сил, под воздействием которых в ходе развития объединяются казалось бы разрозненные и не связанные между собой процессы, придает им определенную направленность, происходит взаимосвязанное и взаимоподдерживающее объединение множества элементов в целостную систему.

Тем самым, мы возвращаемся к ранее рассматривавшейся проблеме системообразующего фактора, но уже с учетом того, что важнейшей характеристикой системы, элементов, её составляющих, так и самого системообразующего фактора является генетическая наследственность, которая, подчиняясь определенным закономерностям, формирует в процессе социального наследования свои законы. Эти законы оказывают определяющее влияние на превращение неупорядоченного движения в организованное функционирование систем, сохранение ими своей целостности, структуры, форм, развитие в них тех особенностей, которые позволяют отличить одну систему от другой.

Основоположник теории функциональных систем академик П.К. Анохин, характеризуя системообразующий фактор, определяет его как решающий и единственный, являющийся результатом функционирования системы, явно недостаточный для проявления основных качеств системы, но активно влияющий на отбор именно тех степеней свободы из компонентов системы, которые при их интегрировании определяют дальнейшее получение полноценного результата.

В реализации системообразующего фактора доминирующей выступает мотивация поведенческих актов, формирующаяся на основе ведущей потребности организма, и активность как способ проявления мотивации поведенческих актов, которая определяет не только её

положение по отношению к системе, но и обуславливает соответствие характера действия сложившейся реальности.

В то же время и характер действия, и высокая, все усложняющаяся активность социальных систем определяется не только необходимостью удовлетворения потребностей, но и воспроизводства, где постоянно действующие жесткие связи как сохраняют единство системы, так и определяют характер взаимодействия её основных элементов. В этом неуклонном поступательном движении элементов системы, определяется направление их развития, постоянно совершенствующийся, усложняющийся и существенно возрастающий по масштабам и дифференциации процесс разделения, специализации и кооперации труда. Он, по нашему мнению, и выступает системообразующим фактором экономической системы.

В 1949 г. Людвиг фон Мизес в своей книге «Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории» заметил, что биологи заимствовали идею разделения труда у естествоиспытателей, и в том же месте он определяет различие между социальным и биологическим процессом: «Принцип разделения труда является одним из величайших основополагающих принципов космического становления и эволюционных изменений. Биологи были правы, позаимствовав концепцию разделения труда из социальной философии и адаптировав ее к своей области исследований... Но никогда не следует забывать, что отличительной чертой человеческого общества является целенаправленное сотрудничество; общество есть результат человеческой деятельности, т. е. сознательного стремления к достижению цели. Насколько нам известно, в процессах, приводящих к возникновению структурно-функциональных систем растительных и животных тел, и в

функционировании сообществ муравьев, пчел и шершней этот элемент отсутствует. Человеческое общество – это интеллектуальное и духовное явление. Оно является результатом сознательного использования универсального закона, определяющего космическое становление, а именно – более высокую производительность разделения труда. В каждом примере действия, признание законов природы означает постановку их на службу человеческих усилий по улучшению условий существования»²¹⁶.

Проанализируем влияние общественного разделения труда, соотнеся её с влиянием на интенсивность протекания экономических процессов, влиянием на динамику развития общественного производства, охватом всего воспроизводственного цикла и отношений, формирующихся в этом процессе.

Развитие общественного производства независимо от того, на какой ступени оно находится, обусловлено необходимостью совершенствования его количественных и качественных характеристик. В условиях товарного производства конкурентная борьба, борьба за прибыль, побуждает предпринимателей постоянно совершенствовать технологию и организацию производства, внедрять новую технику, сокращать издержки производства. Тем самым к жизни стихийно вызываются экономические стимулы, способствующие дальнейшему росту производительных сил общества.

Рынок, выступая связующим пунктом отдельных хозяйствующих единиц, определяет в своем большинстве их успех в период расширения производства или неуспех в неблагоприятный период. Эти процессы, выступающие на поверхности явлений как периодически меняющие друг друга благоприятные и неблагоприятные стечения обстоятельств, свидетельствуют об их циклической природе.

Вместе с тем эти разрозненные в пространстве и объединенные рынком процессы подчинены общим закономерностям, происходящим в общественном производстве, которыми являются общественное разделение труда, его специализация и кооперация. Неуклонное и поступательное их развитие и взаимобусловленная связь на протяжении длительного времени, обеспечивая сокращение издержек общественного производства, с неумолимой закономерностью прокладывает себе направления дальнейшего развития, формирует целые эпохи совершенствования общественного производства.

Еще А. Смит отмечал, что величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, являются следствием разделения труда. Отмечая, что разделение труда в любом ремесле, в каких бы размерах оно ни было введено, вызывает не только соответствующее увеличение производительности труда, но и определяет обусловленность процесса формирования профессий. Чем больших успехов в промышленном развитии достигает страна, тем более очевидным становится эта обусловленность.

В результате разделения труда каждый отдельный работник становится более опытным и сведущим в своей специальности, что позволяет ему значительно увеличивать объемы выполняемой работы. В этом процессе значительно возрастают возможности использования достижений науки и техники. Одновременно существенное увеличение объемов производства на основе общественного разделения труда влечет за собой повышение уровня жизни общества.

Основополагающее значение разделения труда А. Смит мотивировал тем, что оно является определя-

ющей причиной, стимулирующей производительность. По его мнению, разделение труда повышает производительность тремя способами: увеличением ловкости каждого отдельного рабочего; сбережением времени при переходе от одного вида деятельности к другому; стимулированием изобретения и производства машин, облегчающих и сокращающих человеческий труд. А развитие производства на основе повышения производительности труда является определяющим условием повышения уровня жизни.

Вместе с тем, он отмечает, что разделение труда, которое обеспечивает человеческому обществу такие выгоды, является следствием определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели как склонность к торговле, к обмену одного предмета на другой. Эта склонность заложена в человеке вследствие врожденных различий в способностях к выполнению того или иного вида деятельности и развития этих способностей в производстве определенных продуктов, создаваемых с излишком для удовлетворения своих потребностей, с уверенностью в возможности обменять весь этот излишек продукта своего труда на другой продукт. Поэтому общая совокупность индивидов, эгоистичных по своей сущности, объединяется в систему при помощи единственного звена – разделения труда, которое возникает из-за природной склонности человека к обмену, так как первое побуждает индивида к выбору максимально выгодного для него вида деятельности, на который он способен, а второе ведет к разделению труда²¹⁷. Свойства человека определяют виды его хозяйственной деятельности²¹⁸. В свою очередь, различие способностей, которыми люди отличаются друг от друга в зрелом возрасте, во многих случаях является не столько причиной, сколько следствием разделения труда.

В процессе обмена товарами происходит и обмен видами хозяйственной деятельности, где реализуются личные интересы и получение выгоды. Поэтому склонность к обмену не только создает различие способностей, которое становится очевидным у людей различных профессий, но и делает его полезным. Следовательно, предрасположенность индивидов к обмену ведет к разделению труда, но и разделение труда, развиваясь и совершенствуясь, способствует развитию обмена, который в этом процессе должен обеспечивать движение продуктов во все возрастающих масштабах, порождая все возрастающую потребность в их производстве. Естественным ограничителем здесь выступает размер рынка. Именно поэтому естественной потребностью развития выступает стремление к расширению его границ и определяющее влияние в современных условиях мирового рынка на этот процесс.

В теории разделения труда А. Смит отражает общую тенденцию развития машинного производства. Он утверждает, что объем производства и потребления продуктов определяется двумя основными факторами: долей населения, занятого производительным трудом, и уровнем производительности труда. А. Смит отображает процесс превращения рабочего в специализированную машину, и, в связи с этим – резкое ухудшение условий его труда. Возрастающее развитие специализации превращает рабочего в простого исполнителя непонятных для него операций, что отрицательно влияет на его физическую природу. Чрезмерная специализация его разрушает. Поэтому, несмотря на выгоду специализации обществу, она становится вредной для личности и характеризует несоответствие интересов общества и личности. С целью его предотвращения, являясь принципиальным противником вмешательства государства в экономику, А. Смит, тем не менее, пред-

полагает вмешательство государства в эту сферу. Для А. Смита источник богатства общества заключается не в личной выгоде, а прежде всего – в инстинкте созидания. Личная выгода должна заключаться в выборе наиболее прибыльного из разных видов деятельности, в общественном разделении труда.

На новом этапе эволюции человеческого общества идеи А. Смита о роли общественного разделения труда получили дальнейшее развитие в исследовании Э. Дюркгейма. Анализируя совершенствование процесса разделения труда и его влияние на структуру общества, Э. Дюркгейм отмечает, что с развитием техники и технологий в обществе все более усиливается разделение труда, которое становится естественным следствием разрастания и усложнения техники. По его мнению, разделение труда способствует материальному и интеллектуальному развитию: «оно – источник цивилизации». В то же время, отмечает Э. Дюркгейм: «Однако совсем не доказано, что цивилизации – нравственная вещь»²¹⁹. Он отмечает, что по мере развития разделения труда, усложнения структуры общества происходит отделение индивида от верхнего уровня общественного сознания и замыкание его в мире сознания группового, «средняя интенсивность и средняя степень определенности коллективных состояний все уменьшаются»²²⁰.

В то же время, по мнению Э. Дюркгейма, «правила профессиональной этики и права так же повелительны, как и другие. Они вынуждают индивида действовать ввиду целей, которые не совпадают с его собственными, делать уступки, идти на компромиссы, считаться с интересами высшими, чем его собственные интересы. Следовательно, даже там, где общество полнее всего опирается на разделение труда, оно не разрешается в сумму изолированных атомов, между которыми могут

установиться только внешние и многолетние отношения»²²¹. Важность этого положения, отмечает Э. Дюркгейм, заключается в том, что само общество развивается все быстрее, а разделение труда все более ускоряется. «Это приводит к интенсификации всех видов деятельности, большей усталости организма и к возрастанию числа потребностей, что, в свою очередь, вызывает новое расширение деятельности»²²².

Основываясь на этих положениях о существенной значимости развития разделения труда и его специализации для развития общественного производства как источника благосостояния общества и формирования его структуры, представляется целесообразным осуществить более детальный анализ этой взаимосвязи.

Процесс развития первобытного общества в первую очередь выразился в прогрессе производства, прошедшего путь от простого сотрудничества к более высокой ступени, связанной с кооперацией. Соответственно этому процессу увеличивается количество произведенных продуктов. Именно поэтому кооперация представляет собой всеобщую форму, которая лежит в основе всех общественных устройств, направленных на увеличение производительности общественного труда, и которая в каждой из них получает дальнейшую специфику. Но в то же время, кооперация сама является особой формой, существующей, наряду с ее более развитыми и более специфицированными формами, точно так же как она является формой, выходящей за пределы ее прежних ступеней развития.

Первичной формой кооперации, которая связана с выполнением однородного конкретного труда, является простая кооперация. «Сущностью простой кооперации остается одновременность действий, одновременность, результаты которой никогда не могут быть достигнуты путем последовательных затрат труда во времени раз-

общенными в своих действиях рабочими»²²³. Кооперация труда в первобытном обществе возникла на основе обобществленных средств производства как компенсация слабости первобытного человека в борьбе за свое существование. Она основывалась, как на общей собственности на условия производства, так и на тесной связи человека с общиной. Поэтому, простая кооперация, сокращая время добычи, а затем и производства продуктов, создала объективные условия экономии времени уже в начальных формах зарождающегося общественного производства.

В условиях рабовладельческого общества простая кооперация явилась естественной формой организации и объединения труда рабов. Эта доступная форма была объективно обусловлена состоянием примитивных и ручных орудий производства, а также характером операций тяжелого и однообразного физического труда. Сконцентрированный в одном месте, массовый труд рабов способствовал развитию сложных видов производства, накоплению производственного опыта, совершенствованию орудий труда. А использование в процессе простой кооперации массы живого труда привело к закреплению за целыми группами людей определенного вида трудовой деятельности, способствовало разделению труда.

Общественное разделение труда, основываясь на простой кооперации, привело к значительному росту производительных сил, которые при помощи простой кооперации ограничены рамками применения в основном ручного труда. Разделение труда расширяет эти границы. Поэтому уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда²²⁴.

Первое крупное общественное разделение труда возникло в рамках первобытного общества, когда

пастушеские племена выделились из остальной массы, в основном связанной с земледелием. Оно позволило пастушеским племенам производить не только в большем объеме продукты потребления, но и во все возрастающем объеме – сырье, используя путь повышения производительности труда. Общественное разделение труда, вместе с увеличением производительности труда, с расширением сферы производительной деятельности, в конкретных исторических условиях, взятых в совокупности, обусловило объективную основу возникновения рабства.

На основе первого крупного общественного разделения труда этот процесс развивался как по горизонтали, охватывая все более широкие слои населения и сужая сферу деятельности каждой из групп, так и по вертикали, развивая отраслевое разделение труда и порождая специализацию в разнородных видах хозяйственной деятельности. Специализация, возникнув на базе общественного разделения труда, стала условием технического прогресса общества, привела к экономии времени на переход от одной работы к другой, повысила умелость каждого рабочего при выполнении отдельных операций, концентрирует его усилия, способствует совершенствованию процесса производства.

Важность специализации для роста производительности труда, заключается в следующем. Чтобы повысилась производительность человеческого труда направленного на изготовление какой-нибудь части всего продукта, необходимо, чтобы производство этой части специализировалось, стало особым производством, имеющим дело с массовым продуктом и потому допускающим и вызывающим применение машин (Схема 3).

Схема 3 Преимущества специализации труда

Следовательно, специализация, основываясь на общественном разделении труда, становится важнейшим фактором экономии времени в общественном производстве. Более того, специализация, способствуя процессу дальнейшего разделения труда внутри отдельных отраслей и обособлению производства, создает условия дальнейшего сокращения издержек в воспроизводственном процессе.

В условиях рабовладельческого способа производства своеобразной формой разделения труда явилось также разделение умственного и физического труда. Положительное значение такого разделения состояло в том, что оно, будучи вызванным низким уровнем производительных сил, способствовало их прогрессу. Использование рабского труда являлось условием образования свободного времени для развития науки, достижения которой стали находить конкретное воплощение в материальном производстве, создавая условия для развития производительных сил.

Совершенствование мастерства в ремесленном производстве, все более растущие возможности земледелия приводили к расширению разнообразной деятельности, которая уже не могло выполняться одними и теми же лицами: произошло второе крупное разделение труда –

ремесло отделилось от земледелия. Дальнейшее развитие общественного разделения труда вело к росту производительности труда в двух отраслях, которыми были ремесло и земледелие, все более расширяющемуся процессу производства. Растущее производство, все более ориентировавшееся на обмен, создало условия для развития посреднической торговли и формирования рынка. Обмен превращался в жизненную потребность общества, он разлагал натуральное хозяйство, постепенно превращая его в товарное. В дальнейшем, отделение ремесла от земледелия и развитие обмена обусловило отделение города от деревни, а в дальнейшем привело к развитию существенных противоречий между ними. Процесс дальнейшего усиления и упорядочения всех возникших видов разделения труда привело к становлению цивилизации, которая присоединяет свойственное лишь ей третье разделение труда решающего значения – обмен, а также создало класс купцов, который занимался уже не производством, а только обменом продуктов.

Активная роль торговли проявляется, прежде всего, в усилении под ее влиянием общественного разделения труда, появлением новых отраслей промышленности и земледельческого производства, более узкой специализации хозяйственной деятельности, ее дифференциации. Однако сравнительно скоро производственные отношения рабовладельческого строя, активно содействующие развитию производительных сил, превратились в тормоз их развития. Стремление повысить производительность труда путем использования кооперации, разделения труда, специализации и совершенствования техники со стороны имущего класса наталкивалось на все растущее сопротивление рабов.

В период кризиса рабовладельческого строя резко ограничилась степень общественного разделения труда

и обмена. Поэтому уже в период раннего феодализма для развития общественного производства необходима была материальная база, созданная на основе прибавочного труда. Следовательно, общественное разделение труда должно было достигнуть такого уровня развития, который обеспечивал рост прибавочного труда феодальных крестьян как основного источника развития производительных сил общества.

Развитие производительных сил под воздействием разделения труда усилило специализацию производства. В результате отделения от ранее существующих все новых видов ремесла возросло число ремесленных специальностей. Ремесленники специализировались на производстве все меньшего ассортимента изделий. Это способствовало совершенствованию их мастерства, улучшению методов производства, экономии времени на производстве единицы продукции, повышению ее качества. Повышение качества продуктов также несло в себе экономию времени в общественном производстве. Более качественные средства труда, обладая большим временем физического износа, повышают эффективность их использования, сокращают расходы на ремонт, повышают качество выполняемого с их помощью труда.

Высокое качество изделий средневековых ремесленников обеспечивалось длительным обучением ремесленника своему ремеслу, передачей из поколения в поколение трудовых навыков. Но решающее значение в этот период, характеризующийся индивидуальным характером производства и консервативным базисом городского ремесла, приобрела под воздействием общественного разделения труда специализация производства.

Специализация делала труд ремесленников постоянным и непрерывным. Эти постоянство и непрерывность

с учетом все возрастающего мастерства обеспечивали наибольшую экономию общественного труда. Поэтому городской ремесленный труд сделался наиболее прогрессивным видом труда в феодальном обществе, подготовив своим развитием более прогрессивную форму производства.

Но развитие общественного разделения труда и усиление на этой основе специализации производства не привели к дальнейшему разделению труда в самом процессе производства внутри мастерской, так как цеховая организация исключала возможность мануфактурного разделения труда. В цехах специализация и разделение труда следовали по другому пути: мастера производили все более ограниченный ассортимент продукции. Этот процесс приводил к тому, что мастера производили всего один вид продукции.

Следовательно, в условиях феодального способа производства процесс общественного разделения труда приобретал специфическую особенность. Ее содержание состояло в том, что происходило не разложение процесса производства на составные части, вследствие чего объективно возникала необходимость в кооперации производства, а происходило увеличение числа ремесленных специальностей. Производство развивалось по экстенсивному пути.

Но самостоятельные виды ремесла, обособляясь как части вначале от сравнительно обширных областей ремесленного производства, затем от отдельных ремесел, усиливало процесс специализации. Поэтому если внешние обстоятельства вызвали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды. Вследствие этого кооперация в условиях феодального способа производства применялась в значительно меньшем масштабе и реже, чем в рабовладельческом обществе. Это относится как к ремеслу,

так и к земледелию. Экономия при производстве продуктов достигалась под влиянием общественного разделения труда, которое способствовало развитию специализации индивидуального производства и постепенному приближению работников к положению частных собственников, заинтересовывая их в результатах своего труда, способствуя повышению квалификации, производительности труда, качества продукции.

Развитие ремесленного и сельскохозяйственного производства способствовало тому, что достигала большого развития торговля. В ее развитии происходили значительные качественные изменения. Возрастаало число торговых центров, усиливался процесс равномерного распределения торговли, увеличивался ее удельный вес. Тем самым, создавались условия для дальнейшего разделения труда. Далеко зашедшая специализация ремесленников, при которой работники специализировались на выпуске одного продукта, исчерпала свои возможности по развитию производительных сил. В то же время постоянное совершенствование методов производства на различных его ступенях создавало предпосылки для установления разделения труда в самом процессе производства продукции и вытекающей отсюда кооперации труда.

Возникла необходимость в крупном производстве с развитой сложной кооперацией, при которой продукт труда является продуктом комбинированного труда кооперированных работников. Именно поэтому обособление, изолирование и развитие ремесел цеховой организацией послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода. Крупная частная собственность, позволяющая сконцентрировать в одной мастерской массу средств производства и множество рабочих, стала вытеснять мелкую частную собственность. Развитие крупной промышленности

создало неизмеримо большие возможности для дальнейшего общественного разделения труда.

Рабочие превращались в общественный производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих. Вследствие этого, кооперация труда становилась объективной потребностью дальнейшего развития производительных сил. «Кооперация, которая вслед за общественным разделением труда, явилась важнейшим условием возникновения мануфактуры, приобретает свою классическую форму в мануфактуре»²²⁵. Мануфактура привела к подетальному разделению труда внутри мастерской, способствовала развитию специализации рабочих и орудий труда, что, в свою очередь, повлекло за собой повышение производительной силы труда и эффективности производственного процесса. Простая кооперация создала возможность применения рабочей силы во все возрастающих масштабах. Этот процесс усиливался с накоплением капитала.

Обеспечивалась экономия средств производства благодаря организации производства в крупном масштабе и уменьшению доли постоянного капитала, переносимой на единицу продукции, благодаря совместному их потреблению в процессе труда многими рабочими. Тем самым обеспечивалась и экономия на накладных расходах, а средства труда приобретали общественный характер раньше, чем его приобретал сам труд. Подетальное разделение труда внутри мануфактуры, специализация и кооперация способствовали экономии при производстве продуктов в значительно возросших масштабах. В этом процессе роль кооперации возрастала в еще большей степени. «При сложных процессах труда кооперация дает возможность распределять отдельные процессы, совершать их одновре-

менно и тем самым сокращать рабочее время, необходимое для производства продукта»²²⁶.

Важнейшее значение мануфактуры в накоплении и концентрации орудий производства и рабочих в том, что она способствовала соединению многих работников и многих ремесел в одном месте. Это обеспечивало как расчленение процесса производства и дифференциацию рабочих инструментов, обуславливая замену ручного труда машинным, так и накопление рабочими необходимых знаний и навыков для перехода к машинному производству.

В условиях машинного производства углублялся процесс разделения труда, усиливалась специализация производства, что, в свою очередь, вызывало необходимость роста кооперирования производства. Машинные же, за некоторым исключением, функционируют только в руках непосредственно обобщественного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер производства становился технической необходимостью, диктуемой природой самого производства. В отличие от мануфактурного производства, где каждый частичный процесс, через который проходит продукт, выполнялся ручным трудом, а, следовательно, исключалась возможность действительно научного расчленения процесса производства, машинное производство возможно только на основе научного расчленения труда. В то же время, простая кооперация, на которой основана мануфактура, также заменяется машинами.

Поэтому, кооперация, основанная на подетальном разделении труда, создает возможность соединения разделенных машинами операций. Машинные же, приходя на смену мануфактуре, отрицают её. Это диалектическое отрицание, поскольку оно на новом этапе подразумевает качественно новую кооперацию, основанную на

научном разделении труда. На смену стихийному разделению труда приходит планомерное его разделение, организованное на каждой отдельной фабрике.

Планомерная кооперация труда на фабриках способствовала более экономному использованию труда, экономии на средствах производства. Способность машин к усовершенствованию, доведенная до высочайшей степени, вследствие стихийного регулирования рыночным механизмом производства в обществе заставляет обособленных хозяйствующих субъектов постоянно улучшать свои машины, постоянно увеличивать их производительную силу, расширять размеры своего производства.

Потребность в развитии промышленности и качественно, и количественно обеспечивается огромной способностью крупной промышленности к расширению. Реализацию этой потребности неспособно остановить уже никакое противодействие, возникающее на её пути. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется та объективная экономическая основа экономических кризисов, которая наиболее отчетливо начинает проявляться уже в начале XIX века.

Экономия, которая достигается на фабрике, еще более усиливается за счет концентрации и централизации производства. Но в машине как сильнейшем средстве сокращения рабочего времени, а также экономии на средствах труда с самого начала заложены основы будущих потерь в период кризисов, и особенно в периоды депрессии, когда застой длится годами. Именно этот период определяет расточительный характер использования производительных сил общества, уничтожение накопившейся массы товаров, пока они не разойдутся по сниженным ценам, и не возобновится движение производства и обмена. Это движение постепенно ускоряется, набирая обороты, сметая на своем

пути препятствия, расширяя производство, увеличивая объемы кредита, торговли, спекуляции, чтобы в итоге завершиться очередным кризисом.

Поэтому высокая степень организации производства внутри фабрик вступает в противоречие с регулированием рынка производства и обмена товарами в масштабе общества. Все возрастающий уровень развития производительных сил с постоянной периодичностью вступает в противоречие с рыночным механизмом, порождающим сбои в виде кризисов.

Следовательно, развитие производительных сил в условиях массового товарного производства приводит к замене простого разделения труда машинным. Машина объединяет в себе расчлененный труд кооперированных рабочих. Дальнейшее развитие машинного производства ведет к кооперации машин – более высокой ступени кооперации производства. Такова диалектическая взаимосвязь между кооперацией производства и разделением труда в условиях развитого товарного производства, а, следовательно, и процесс все большего выражения действия тенденции сокращения общественно-необходимого труда в процессе развития производства. Тем самым происходит становление и развитие объективных предпосылок существенного роста экономического потенциала, который в сжатые сроки позволяет значительно расширить реальные объемы материального производства, чем обуславливается потенциальная возможность экономических кризисов.

Поэтому усовершенствование машин благодаря конкуренции заставляет предпринимателя производить на предприятиях замену рабочих машинами. К этому же его вынуждает неуклонное расширение производства в условиях конкуренции. Указанными процессами обеспечивается неуклонное сокращение издержек в

процессе развития производства, так как они и вынуждают предпринимателя постоянно стремиться к сокращению необходимого рабочего времени при производстве товаров. Действуя объективно и независимо от сознания людей, эта экономия и выступает для предпринимателя как средство извлечения максимальной прибыли. В силу этого владелец капитала, стремясь к получению максимальной прибыли, организует производство с целью достижения жесточайшей экономии, что влечет за собой обеспечение данной экономии во все более широких масштабах. То же самое относится к рассматриваемому Й. Шумпетером комбинированию в процессе развития производства, занимающему столь важное место в его исследовании теории экономического развития, и к мастерству, накопленному в процессе производства.

Наряду с этим процесс развития производительных сил совершается в рамках производственных отношений, где особое место занимают отношения по поводу сокращения издержек производства. Поэтому не менее важное значение имеет определение участия производственных отношений в этом процессе. Поскольку они, с одной стороны, являются продуктом общественного разделения труда и его кооперации, а с другой – непосредственно влияют на сокращение общественно-необходимого времени в воспроизводственном процессе.

Место производственных отношений в системе общественных отношений в качестве основных определяется тем, что в производстве люди вступают в отношения не только с природой. Они осуществляют производство в процессе совместной деятельности, предполагающее их определенные связи и отношения и взаимный обмен своей деятельностью. В рамках этих

общественных отношений и связей существует их отношение к природе, имеет место производство.

Возникает необходимость определить взаимосвязи разделения труда, специализации и кооперации, с отношениями между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления производимых продуктов. Поэтому важнейшее значение в определении влияния производственных отношений на экономию общественно необходимого времени, обеспечивающую процесс экономического развития, имеет систематизация и анализ положений о роли общественного разделения труда и его кооперации в определении состояния и развития производственных отношений.

Под влиянием общественного разделения труда и его кооперации экономия общественно-необходимого времени в воспроизводственном процессе, обеспечивая экономическое развитие, выступает как устойчивая, повторяющаяся, существенная тенденция развития общественного воспроизводства, как экономический закон.

Общественное разделение труда и его кооперация формируют количественные характеристики в форме расширяющихся масштабов производства, возникновения новых отраслей как материального, так и нематериального производства; качественные характеристики – в форме все более прогрессирующей тенденции в специализации, её системами взаимосвязей и обусловленностью конкретными формами кооперации. И количественные, и качественные характеристики обеспечивают существенное сокращение общественно-необходимого времени в воспроизводственном процессе.

Аналогичны по своему экономическому содержанию, по сути своего проявления и по степени влияния на существенные изменения, происходящие в общественном производстве под влиянием общественного разделения

труда и кооперации, тенденции, происходящие в нематериальной сфере. Нематериальная сфера, активно развиваясь под этим влиянием, в свою очередь оказывает обратное стимулирующее воздействие на материальное производство.

Однако эта постоянная тенденция обособившихся в результате общественного разделения труда различных сфер, отраслей экономики к равновесию является лишь реакцией против постоянного нарушения этого равновесия. Общественное разделение труда не может происходить равномерно во всех отраслях человеческой деятельности. Предпосылки его вызревания складываются стихийно и крайне неравномерно. Соответственно, отрасли, где они сложились, значительно ускоряют динамику своего развития, вовлекая в свою сферу обеспечивающие их рывок, производства, капитал, рабочую силу.

Чем больше экономический потенциал, заложенный в их развитии общественным разделением труда, тем масштабнее выглядит этот процесс преобразований, тем масштабнее и его конечные результаты, выражающиеся в экономии общественно-необходимого времени в воспроизводственном процессе.

Но вместе с тем это и масштабные нарушения пропорций, сложившиеся в национальном хозяйстве между его отраслями, сферами жизни общества. Способность высокотехнологичного производства к быстрому наращиванию объемов производства, массовость закупок в условиях жесткой конкуренции торговцев приводит, независимо от изменения спроса, к стимулированию объемов производства. Это движение ускоряется, охватывая промышленность, торговлю, финансовую систему.

Кроме того, обострение ситуации в предкризисный период обусловлено отделением, обособлением и от-

носителем независимым функционированием торговли и торгового капитала. Под его непосредственным воздействием цикличность производства как внутри отраслей, так и в масштабах национальной экономики, усиливаются.

Рынок, стихийно объединяя обособленных товаропроизводителей, способствуя сокращению общественно необходимого времени на производство продуктов посредством действия закона стоимости, способствует экономии в общественном производстве. Но и сам рынок, механизм его действия, является продуктом общественного разделения труда. Он объединяет разделенный в масштабах общества труд, соотнося его в соответствующих пропорциях с потребностями общества. Формирующиеся на фазе подъема диспропорции влекут за собой нарушения в работе всего хозяйственного механизма. Происходит нарушение равновесия в экономической системе, которое восстанавливается задним числом как внутренняя и естественная необходимость.

На новом этапе не восстанавливаются, а формируются новые пропорции, соответствующие новым реалиям материального производства общества. Именно поэтому в своем исследовании экономического развития для Й. Шумпетера значительный интерес представляет фаза депрессии, так как она, формируя новое равновесие, по его мнению, уже закладывает содержание нового экономического цикла. В действительности, стихийно сформировавшиеся пропорции на фазе депрессии всего лишь определяют условия, в которых будет протекать новый экономический цикл. Его же содержание будет определять дальнейший процесс общественного разделения труда.

Поэтому и сомнения М.И. Туган-Барановского относительно прочности своей гипотезы о природе

экономических кризисов были небеспопеченны. Действительно, на поверхности явления кризис выступает как существенное нарушение пропорций, сложившихся в экономической системе. Но источником их формирования, их движущей силой, как и движущей силой экономического цикла, выступает общественное разделение труда. А оно, как показывает процесс экономического развития, не может развиваться равномерно, одновременно во всех отраслях. Стремиться к этому, пытаться сгладить колебания экономического цикла – значит сознательно сдерживать темпы экономического развития. Следовательно, решение проблемы уходит в другую плоскость, а именно – как максимально использовать движущую силу экономического цикла и как максимально возможно предотвратить его негативные последствия, которые несет в себе кризис.

Таким образом, в процессе развития экономических систем происходит взаимодействие двух противоположной направленности тенденций – общественное разделение труда с производной ему специализацией и кооперации труда. Разделение и специализация труда и пропорции их соединения в конкретных формах кооперации труда характеризуют особенности реализации экономических законов и структуру национальных экономик в каждый конкретный период исторического развития и эволюции экономических систем. Общественное разделение труда, специализация и кооперации труда не существуют друг без друга, взаимодействуя между собой и обеспечивая в своем единстве рост эффективности труда. Общественное разделение и специализация труда объективно обуславливают кооперацию, так как она есть объединение разделенного и специализирующегося труда. Но и разделение, и специализация труда в предстоящий период развития возможны только тогда, когда на предшествующем

этапе кооперация обеспечила более эффективное использование труда. Поэтому разделение и специализация труда создают, обуславливают кооперацию, а кооперация обеспечивает дальнейшее разделение и специализацию труда.

Вместе с тем этот процесс характеризуется наличием присущих ему противоречий. Если разделение и специализация труда на микроуровне, несмотря на его относительную обособленность на каждом рабочем месте, производственном участке, цехе, обеспечивается кооперацией труда с согласованием процессов во времени и в необходимых пропорциях в масштабе предприятия, то на макроуровне, этот процесс характеризуется более сложной динамикой. Кооперация в масштабе общества обеспечивается опосредованно, с помощью обмена и присущими ему товарно-денежными отношениями, сырьем, материалами, комплектующими готовой продукцией. И здесь в значительной степени имеет место несовпадение производимой и потребляемой продукции по их потребительским свойствам и времени.

Отсутствие строгих пропорций между производимой и потребляемой продукцией, запаздывание обмена с сигналами производителям, что рынок насыщен и порождает потенциальную возможность кризисов перепроизводства и их реальное проявление с закономерной периодичностью. Как справедливо отмечает В. Ойкен, каждый отдельно взятый экономический порядок является единственным в своем роде, но это своеобразие возникает из сплава разнородных экземпляров ограниченного порядка чистых форм. Каждое изменение экономического порядка является сменой чистых форм порядка, которые будут реализованы. Под призмой рассматриваемой нами проблемы в качестве подобных чистых форм этого «порядка» можно

рассматривать разделение труда и его кооперацию, где и происходят разнообразные сочетания этих экономических форм, которые обуславливают траекторию общественного развития.

4.2. Экономическое обособление как условие формирования полисистемного характера экономических циклов

Динамика развития экономических систем определяется изменениями в содержательных характеристиках процессов хозяйствующих субъектов, взаимосвязей между ними, совершенствование организационно-правовых форм и отношений, складывающихся в указанном процессе. Поэтому такие базисные понятия как развитие, рост, эволюция экономических систем наиболее полно раскрываются с позиций системного подхода к объектам изменения, развития, роста и эволюции, что выражается в их структурной, пространственной, динамической определенности и выражается в методологии системного исследования экономических процессов.

Характеризуя системный подход, Януш Корнай²²⁷, определяет наиболее существенные его черты, которые заключаются в следующем. Во-первых, общественная система характеризуется как определенная целостность, где объектом исследования являются взаимосвязи между целым и составляющими его частями. Во-вторых, исследование должно носить комплексный характер, с учетом каждой составляющей целого, с особым вниманием на характер взаимодействия различных сфер функционирования общества. В-третьих, должны быть тщательно исследованы общественные институты, которые определяются в их широкой трактовке, с учетом исторического и эволюционного путей, и определяющего развитие конкретных процессов и их границы. В-

четвертых, должна быть обеспечена тесная увязка в понимании процесса возникновения существующей организации общества и исторического процесса её становления. В-пятых, особое внимание должно быть сосредоточено не на постоянных и незначительных изменениях, а на основных сущностных трансформационных изменениях. В-шестых, присущие системам дисфункции отражают сущностную природу системы, являются её неотъемлемой содержательной характеристикой, поэтому негативные последствия их влияния подлежат не устранению, а смягчению, так как они глубоко укоренены в системе, чем и обеспечивается их способность к самовоспроизводству. В-седьмых, наиболее типичным в системном подходе является метод сравнения, так как оно осуществляется, в основном, на качественном уровне.

По-мнению Я. Корнаи, системный подход наиболее полно представлен в исследованиях К. Маркса, Л. Фон Мизеса, В. Ойкена, К. Полањи, Ф. фон Хайека и Й. Шумпетера. К этому направлению относит свои работы и Я. Корнаи. Общим, объединяющим этих разных исследователей, по мнению Я. Корнаи, является то, что все они изучали два типа экономических систем, по-разному их называя²²⁸.

Исследование экономических институтов Я. Корнаи является необходимым условием следования системному подходу в экономических исследованиях. Это вытекает из его стремления исследовать общество и обуславливающие его развитие виды деятельности как эволюцию взаимоотношений между компонентами развивающейся системы, приспособляющейся к внешним условиям. Общественные институты и выступают в этом сложном динамическом процессе как один из важнейших факторов экономического развития, обеспечивающего наследование, воспроизводство и

последовательное совершенствование достигнутого, исследование которого представляет собой новый подход к процессу формирования экономических систем.

Институты общества выполняют важнейшую интеграционную общественную функцию, где экономическая система служит ареной взаимодействия политики, экономики, культуры, психологии, идеологии и других общественных сфер, вследствие чего система развивается как под влиянием законов собственной эволюции, так и на основе развития институтов общества, в рамках которых осуществляются экономические процессы и которые определяют их ход.

Вместе с тем человек, выступая главным носителем экономических институтов, является главным носителем производительных сил. Это возможно при условии, что производительные силы не ограничиваются теми качественными характеристиками, которыми обладает труд, при соединении человека, орудий труда и предметов труда. Поэтому и в определении производительных сил в «Немецкой идеологии» К. Марксом и Ф. Энгельсом, и в «Капитале» К. Маркса, четко просматриваются три исходные составляющие в понимании исторического процесса развития общества, которые представлены в виде целостной системы, формирующейся из сил действительных индивидов, сил деятельности действительных индивидов, сил их материальных условий жизни.

Содержание первой исходной составляющей заключается в том, что производительные силы представляют собой «силы самих индивидов»²²⁹, которые обусловлены как их природной (телесной), так и общественной организацией. Как отмечает К. Маркс в «Экономико-философских рукописях», человек является составной частью природы, взаимодействует с природой, обладает способностью воспроизводить себе

подобных: «с одной стороны, наделен природными силами, жизненными силами, являясь деятельным природным существом: эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде влечений...». Наряду с этим для человека как природного существа, в природе существуют «предметы его потребностей: это – необходимые, существенные для проведения и утверждения его сущностных сил предметы»²³⁰.

Но производительные силы индивидов включают в себя и силы существ общественных, взаимодействующих в обществе, т. е. они «становятся действительными силами лишь в общении и во взаимной связи этих индивидов»²³¹.

Следовательно, производительные силы индивидов состоят из природных производительных сил индивидов и общественных производительных сил действительных индивидов – сил взаимодействия людей»²³².

Содержание второй исходной заключается в том, что взаимодействие людей с природой и между собой по использованию сил деятельности действительных индивидов, обуславливает развитие самих действительных индивидов, их преобразование, создание новых сил, совершенствование способов общения, формирование в них новых потребностей, нового языка. Тем самым развитие сил деятельности самих индивидов предстает как исторически обусловленный процесс, основанный на совершенствовании его природных и социальных качеств.

Третья исходная характеризует процесс, в ходе которого силы деятельности самих индивидов воплощаются в продуктах материальной и духовной деятельности. Воплощенные в материальной форме производительные силы индивидов предстают как их производственные силы, в виде совершенствования своих качеств по производству предметов в процессе

продуктивной деятельности и воспроизводства самих индивидов, а также в виде аккумулированных в вещной форме результатов продуктивной деятельности. По мнению К. Маркса, к производительным силам воплощенным индивидами в материальных условиях жизни, относятся как те, «которые они находят уже готовыми», так и те, «которые созданы их собственной деятельностью»²³³. Причем к материальным условиям жизни он относит как природные условия «обработки природы людьми», так и общественные условия «обработки людей людьми»²³⁴.

Эта характеристика развития сил деятельности самих индивидов в значительной степени соответствует представлению Я. Корнаи об историческом и эволюционном развитии экономических институтов.

Следовательно, уже по первичной составляющей – по человеку как производительной силе, мы устанавливаем взаимозависимость и взаимообусловленность составных частей системы. Каждая из них выражает две другие, она содержит их и, тем самым обеспечивает их тесное взаимодействие. Наличие в каждой из частей этой двойственности, порождаемые ею противоречия, их разрешение и определяет процесс развития каждой из них, а также системы в целом.

Я. Корнаи объектом системного подхода определил национальную экономику, где одним из основных методов анализа в рамках системного подхода является качественное и, отчасти, количественное соотношение свойств изучаемой системы, с соответствующими свойствами других систем.

В то же время с учетом роли общественных институтов в историческом и эволюционном процессах развития, их влияния на развитие конкретных процессов определяющая роль принадлежит развитию экономической системы, её составных частей, характеру взаи-

мосвязей и взаимодействия между ними. Именно эти составляющие оказывают определяющее влияние на характер развития и взаимодействия различных сфер функционирования общества.

Каждая хозяйственная ячейка общества, каждый отдельно взятый акт воспроизводства продукта, не говоря уже о более сложных образованиях, которые сформировались в процессе развития общественного производства как предприятия, производственные объединения, отрасли экономики, сфера обмена, служат источником воспроизводства определенных отношений экономической системы, а также являются основой становления и развития экономических институтов общества.

Поэтому экономическая система каждого конкретного общества развивается как все усложняющийся комплекс систем производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, основанный на относительном обособлении их функционирования. Взаимосвязи данного комплекса и определяют особенности целостности экономических систем.

Исследованию взаимосвязей между этими основными составляющими экономической системы были уже в XIX в. посвящены многие работы классической политической экономии. По мнению К. Маркса, их содержание было поверхностным. В то же время, соотнося их с нынешними исследованиями, где в экономической системе отношения обмена товарами играют определяющую роль в её развитии, эти, на первый взгляд, поверхностные подходы, приобретают существенно другую методологическую ценность.

В процессе производства, – отмечал К. Маркс, Производство создает предметы, – отмечал К. Маркс, – соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова

распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления²³⁵.

Анализ экономических систем, характеризующий процесс зарождения, становления и смен форм собственности, составляющих основу общественного производства, свидетельствует о том, какая важная роль отводится разделению труда в развитии форм собственности. Под влиянием развития общественного разделения труда произошли разложение общины и образование частной собственности. Дальнейшее углубление разделения труда активно влияет на процесс установления и совершенствования системы отношений по поводу форм собственности. Поэтому различные ступени в развитии разделения труда являются основой становления различных форм собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и взаимоотношения индивидов, их отношения к материалам, к орудиям и к продуктам труда.

Исследуя отношения между людьми в процессе производства материальных благ, можно прийти к выводу, что разделение труда превращает общественные отношения в нечто самостоятельное, в котором появляется различие между жизнью каждого индивида как личности и его жизнью, обусловленной подчинением конкретной отрасли труда и ее условиями. В этой обособленности заложен существенный рост производительности, высокая степень развития производительных сил. Общий интерес индивидов, возникающий в результате этого обособления, основывается на взаимной зависимости этих индивидов. Вследствие этого обособления, ограничивающего сферу деятельности человека, наделения его определенным кругом

занятий, который навязывается разделением труда, и из которого он не может выйти, и происходит рост производительности труда, позволяющий производить продукты во все возрастающих масштабах, обеспечивая все возрастающие размеры накопления.

В условиях товарного производства эта тенденция приводит к расчленению капитала между собственниками. Чем больше развивается разделение труда, чем больше растет накопление, тем сильнее развивается и это расчленение, тем сильнее обусловленность общественного труда этим расчленением²³⁶.

Тенденция экономического развития, обусловленная общественным разделением труда, состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта. И не только производство продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению.

Выполнение обособленных, частичных функций единого производственного процесса, которые разделены во времени и в пространстве, предполагает объединение работающих в коллективы на основе производственных контактов, т. е. кооперацию труда. Уже сама производительная сила различных индивидов, возникающая благодаря обусловленному разделению труда и, благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности, является умноженной силой. Это умножение, существенно превосходящее простое сложение экономического эффекта, и присуще экономической системе.

Поэтому кооперацию, независимо от масштабов ее реализации, целесообразно рассматривать как неотъемлемую составную часть экономической системы, которая объединяя относительно обособленные ее

части, активно воздействует на производительные силы, т. е. непосредственно создает производительную массовую силу.

Кооперация создает комбинации, обеспечивающие наиболее рациональное использование производительных сил, снижение расходов и непроизводительных издержек производства, экономии средств производства. Обособленные трудовые процессы формируют единый производственный организм. Поэтому, чем больше масштабы кооперации труда, тем больше возможностей потенциальные экономические возможности, но и возможности потерь вследствие возникающих нарушений.

Следовательно, кооперация труда как тенденция, основанная и имеющая противоположную направленность по отношению к разделению труда, реализуясь в экономической системе, объединяет относительно обособленные элементы, подсистемы, в единую целостную экономическую систему, что и определяет развитие в ней производительных сил. И чем выше степень реализации этой тенденции, тем больше масштабы преобразований в самой системе. Если в хозяйственных единицах кооперация подчинена единой системе управления, то в национальной экономической системе она осуществляется посредством рыночных отношений. Более высокий уровень их развития определяет и больший экономический эффект национальной экономики.

Но разделение труда и его кооперация оказывают не только непосредственное влияние на процесс производства. Это влияние распространяется и на распределение, обмен и потребление. Поэтому определение степени влияния кооперации и разделения труда на эти сферы даст не только более полное представление о содержании формирующейся тенденции экономиче-

ского развития под их влиянием, но и возможность определить специфику в эволюционном процессе экономических систем.

Рассматривая кооперацию как процесс сотрудничества людей в процессе производства, её необходимо представлять в неразрывной связи с распределением деятельности. Именно на эту необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях как необходимого условия предотвращения экономических кризисов, указывает в своем исследовании «Периодические промышленные кризисы» М.И. Туган-Барановский. Объективный характер этого распределения на различных этапах экономического развития, предполагает и соответствующие изменения определенных форм её проявления. Данное положение имеет важное методологическое значение для определения влияния распределительных отношений не только на развитие экономических систем, но и на предотвращение в них потерь, которые возникают в периоды экономических кризисов. Если для отдельно взятого производства, сокращение издержек в результате оптимального распределения ресурсов является жизненной необходимостью, чтобы соответствовать требованиям рынка, его сложившейся конъюнктуре, то в масштабе национальной экономики для её развития и предотвращения разрушительных потерь в периоды экономических кризисов, аналогичные межотраслевые пропорции играют не менее важную, если не более значимую, роль.

Сам же способ распределения изменяется в соответствии с эволюционными изменениями самого общественно-производственного организма. Поэтому осознанное влияние на общественное производство в форме государственного регулирования экономики, направленное на предотвращение масштабных потерь

с учетом циклического характера развития экономики, невозможно без понимания структуры формирования потребностей, и степени соответствия им структуры национальной экономической системы. На каждом конкретном этапе эволюции эти соотношения, а также допустимая степень государственного влияния на них, различны. Но если эволюция экономических систем предполагает соответствие каждому новому этапу развития определенную систему распределения, то и отношения распределения соответствуют исторически определенным формам процесса производства, и тем отношениям, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства. Поэтому в самом характере распределительных отношений решающее значение принадлежит распределению в сфере производства, а распределение предметов потребления есть лишь их следствием.

Следовательно, несмотря на то, что на поверхности явление распределения представляет собой самостоятельную систему по отношению к системе производства, между ними существует тесная причинно-следственная связь. Распределение, являясь следствием и вместе с тем – исходным пунктом процесса производства, определяет его структуру, эффективность и темпы развития. А концентрация производства в рамках одного капитала предполагает строгое распределение в процессе производства в соответствии со строго определенными производственными пропорциями и отношениями в распределении производственных функций.

Но распределение самих товаропроизводителей и средств производства между различными отраслями национальной экономической системы подчинены стихии формирования рыночных отношений, где возможны и игра случая, и произвол конкурентов, и

несоответствие предложения конъюнктуре спроса и т. д. Именно от их влияния отмежевывается Й. Шумпетер, для того чтобы они не увели от исследования действительно объективных процессов экономического развития.

Из этого, по нашему мнению, вытекает ряд важных методологических выводов.

Во-первых, внутри предприятия, подчиненного власти одного капитала, действует закон строго определенных пропорций и отношений. Объективное действие этого закона определено и самим характером кооперации труда в производственном процессе. Уже здесь можно отметить тесную связь общественного разделения труда, его пропорциональное распределение в процессе производства и тесную взаимосвязь производственных процессов, выраженную в кооперации. Но в данном случае и разделение труда, и вытекающее из него распределение, а также характер самой кооперации, ограничены рамками одного капитала.

Во-вторых, наличие и количественное состояние пропорций, а также взаимосвязь между ними, определяются уровнем общественного разделения труда и его кооперации. Следовательно, от степени их развития, зависит и уровень развития производства.

В-третьих, степень экономического эффекта ограничивается размером капитала, в рамках которого организовано производство. Чем больше размеры капитала, тем больше возможность использования преимуществ, основывающихся на общественном разделении труда и кооперации. Отсюда вытекает и объективно действующая тенденция к концентрации и централизации капитала в его организационных формах, которые в дальнейшем также будут подвергнуты анализу.

В то же время конкуренция в товарном производстве, принуждая к экономии на каждом отдельном

предприятия, посредством периодически повторяющихся экономических кризисов, обуславливает значительные потери в масштабах общества. Поэтому объективные потребности развития производительных сил, как в рамках национальной экономики, так и при формировании процессов мировой экономики настойчиво требуют более детального исследования природы экономических циклов и выработки эффективных механизмов государственного регулирования связей между товаропроизводителями, отраслями и сферами производства. До настоящего времени государственное регулирование, как правило, осуществляется в режиме принятия ответных мер на уже сложившиеся неблагоприятные тенденции, грозящие значительными потерями для экономической системы.

На эволюционный характер развития экономических систем оказывает влияние и распределение предметов потребления, где существенное значение принадлежит структуре их производства. Структура производства предметов потребления определяет структуру их распределения как по содержанию – распределяться могут только результаты производства, так и по форме – способ участия в производстве определяет и форму распределения. Поэтому при распределении предметов потребления также устанавливаются пропорции, состояние которых зависит от способа производства и оказывает влияние на отношение общества к процессу производства. К тому же в процессе производства члены общества создают товары в соответствии с потребностями, а распределение устанавливает пропорции их участия в произведенных товарах.

В последние десятилетия существенное и все более возрастающее значение приобретает развитие потребительских услуг в сфере нематериального производства, что свидетельствует как о качественно новом

этапе в развитии общественного разделения труда, так и дальнейшем усложнении системы распределительных отношений. Существенное увеличение сферы производства потребительских услуг и ее усложнение определяет дополнительные значительные изменения в национальные экономические системы, обеспечивающие их производство и дальнейшее совершенствование.

Развитие общественного производства знаменует собой и рост общественной производительности труда вследствие усиления личной заинтересованности производителей в результатах своего труда и степени участия в их распределении. Эволюция экономической заинтересованности в результатах своего труда делает труд более производительным.

Поэтому распределительные отношения во всех общественно-экономических формациях с их зарождением и развитием оказывают активное воздействие на производительные силы, способствуя их развитию.

Системы производства и распределения неразрывно связаны с обменом. Являясь зависимым, вторичным по отношению к общественному производству и распределению, обмен подвержен влиянию тех же факторов, которые воздействуют на процесс производства и распределения, вызывая в них изменения.

Процесс взаимодействия систем производства и обмена состоит в том, что они представляют собой различные функции единого процесса, но разные по своей значимости в нем. Если производство и распределение могут осуществляться без обмена, то обмен, не может существовать без производства и распределения.

Развитие систем производства и распределения влечет за собой изменение форм обмена. Но вместе с тем, как развитие производства и распределения, так и развитие обмена происходят под существенным влиянием

общественного разделения труда. Производство, распределение, а вслед за ними – и обмен составляют основу развития общественного производства, основу его отношений, основу того, как производятся продукты и как они обмениваются.

Возникновение первоначальной формы обмена обусловлено общественным разделением труда, вследствие чего продукты производятся сверх того, что требуется для личного потребления, избыточная часть продукта становится предметом обмена. Дальнейшее развитие форм обмена, превращение продукта в товар основывается на дальнейшем разделении труда. Для превращения продукта в товар разделение труда внутри общества должно развиваться до такой степени, чтобы разграничение способности товара удовлетворять определенным потребностям людей и его способности обмениваться на другой товар в определенных пропорциях, начинающееся в торговле при непосредственном обмене товара на товар, было закончено.

Следовательно, эволюционный характер развития систем производства, распределения и обмена в значительной степени обусловлены системой разделения труда, действующей как закон эволюционного развития систем, составляющих и определяющих развитие экономических систем.

Одновременно этот эволюционный процесс общественного разделения труда порождает два основных неотъемлемых свойства развития экономической системы: обособленность частных интересов товаропроизводителей, их конкуренцию, поиски путей совершенствования действующего производства, как определяющее условие развития экономической системы; всестороннюю взаимозависимость интересов товаропроизводителей, которая вытекает из объективной необходимости взаимного дополнения различных

видов труда. Это взаимное дополнение осуществляется в форме обмена, где обмен выходит за рамки чисто продуктового обмена и обогащается в общей экономической системе обменом трудовой деятельностью и способностями различных производителей.

Общественное разделение труда, стимулируя развитие индивидуальных производств, формирует в экономической системе характер общественных экономических отношений, которые соответствуют этапам ее развития, и которые подчиняют силой закона действия и отношения индивидов.

Но поскольку в условиях рыночных отношений производство ориентировано на конкретных потребителей и конечным предназначением всякого произведенного продукта является потребление, то уже ранее рассмотренные системы производства, распределения и обмена, органически дополняет система потребления. Она также подвергается существенному воздействию общественного разделения труда. Это выразилось и в отделении производственного потребления, автономного формирования спроса на средства производства, роста масштабов и его относительной обособленности в процессе эволюции экономических систем, от спроса на товары массового потребления населением. Именно на эту относительную обособленность спроса на средства производства, его автономное формирование и его значительное увеличение в периоды экономических подъемов обращают внимание М. И. Туган-Барановский, Н. И. Кондратьев, Й. Шумпетер, Л. Мизес и другие исследователи экономических циклов.

Разделение труда, усиливая тенденцию обособления спроса на средства производства, его автономное функционирование, при формировании большого экономического цикла создает условия существенного усиления спроса на средства производства. Они обладают

уникальными свойствами по отношению к своим предшественникам – формировать на основе зарождения и развития новых отраслей экономической системы качественно новую ступень разделения труда, обеспечивающую новый качественный скачок в повышении производительности труда, что и является основной причиной массового спроса на ее продукцию.

Поэтому процесс расширения производительного потребления должен рассматриваться в неразрывной связи с развитием общественного разделения труда, поскольку масса материалов, потребляемых в течение определенного промежутка времени, пропорциональна растущей производительности труда вследствие её разделения.

Эволюционный характер развития разделения труда в производстве приводит к разделению производства между территориями, городами, экономическими системами, каждое из которых обладает своими абсолютными и относительными преимуществами, усиленными специализацией производства, на основе чего обеспечивается дальнейший рост производительности труда как основного показателя экономического развития. Более того, развитие обмена, его динамичность и способность к совершению большего числа оборотов по сравнению с промышленным циклом, усиливая концентрацию и централизацию огромных финансовых ресурсов, оказывает существенное влияние на этот процесс, зачастую подчиняя его в своих интересах.

Анализ развития этих тенденций в мировой экономике указывает на тесную связь развития производства, распределения, обмена и потребления с усилением влияния общественного разделения труда, развитием земледельческого, промышленного и торгового населения, на специализацию производства. Внутри этого населения идет все дальше и дальше разделение об-

ществленного труда, растет численность торгово-промышленного населения, земледельческое население раскалывается на сельских предпринимателей и наемных рабочих, растет его специализация.

Специализация обеспечивает сокращение издержек, способствует более оперативному перенацеливанию производства, исходя из изменения структуры спроса. Поэтому здесь важная роль принадлежит закону стоимости, который определяет, какую часть рабочего времени общество в состоянии затратить на производство данного вида продукции, а также влияет на структуру производства, которая постоянно подвергается динамическим изменениям. Этот динамический процесс характеризуется двумя тенденциями. Первая тенденция определяется постоянным возникновением и разорением хозяйствующих субъектов, изменением структуры экономической системы. Вторая тенденция направлена на приведение различных отраслей производства и сфер деятельности к равновесию. Эта постоянная тенденция к равновесию является реакцией против постоянного нарушения этого равновесия. Пропорции, устанавливаемые заранее и действующие планомерно при разделении труда внутри производства, существенно отличаются от пропорций устанавливаемых действием рыночного механизма, которые реагируют на нарушения этих пропорций с опозданием, основываясь на колебании цен и циклического характера производства. Циклический характер производства усиливается обособлением и функционированием торгового капитала. Под его непосредственным воздействием противоречие между производством и потреблением, диспропорции в самом производстве, цикличность производства как внутри отраслей, так и в масштабах национальной экономики усиливаются, увеличивая масштабы кризисов. Стремление опередить конкурентов

стимулирует массовость закупок товаров торговцами, что приводит, независимо от изменения спроса, к увеличению объемов производства, к его перепроизводству.

В условиях производства основанного на рыночных отношениях, производство и потребление опосредованы многочисленным переплетением интересов, сталкивающихся в процессе реализации рыночного механизма. Увеличение общественного богатства реализуется как процесс, выражающий переплетение этих интересов в процессе производства и обращения. Но конечным этапом этого процесса является удовлетворение спроса потребителей. Именно поэтому причина кризисов кроется не в перепроизводстве товаров по отношению к потребителям, а в нарушении самой структуры производства.

Процесс дальнейшего углубления общественного разделения труда выступает на современном этапе развития общественного производства в различных формах как объективная потребность и закономерный процесс производственной специализации. Одной из таких форм выступает территориальное разделение труда, основанное на относительном обособлении районов и регионов для производства определенных видов товаров и услуг, основанного на наличии и оптимальном сочетании природных, социально-экономических и технологических факторов. Специализация производства, основанная на территориальном разделении труда, предполагает рациональное размещение производства в отношении близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всяким последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта. Она способствует созданию территориально – производственных комплексов и пред-

ставляет собой процесс дальнейшего развития территориального разделения труда как формы выражения экономики общественно-необходимого времени в производственном процессе и на его основе – специализации экономических районов.

Территориальное разделение труда, в качестве одного из важнейших показателей предполагает наличие трудовых ресурсов и качество их использования. Развитие производительных сил экономических районов осуществляется в соответствии с уровнем трудоемкости выпускаемой продукции и благоприятным балансом трудовых ресурсов, их качественным использованием.

Производительные силы общества – это результат практической деятельности людей, их общественных реальных действий. Поэтому развитие производительных сил предполагает постоянное совершенствование организации производства и труда, их кооперацией, что диктуется каждым новым уровнем общественного разделения труда.

Наличием этой же зависимости обуславливается необходимость рассмотрения вещественного разделения труда в отношении его количественных и качественных характеристик. В современных условиях становится возможным не только все более интенсивное использование результатов общественного разделения труда, но и его активное развитие по отношению к самому процессу воспроизводства, тем самым, расширяются возможности применения научного разделения труда в возрастающих размерах.

Качественной стороной общественного разделения труда является расчленения общественного производства на его составные части, формирование их функций, относительное обособление и создание на этой основе новой качественной структуры общественного производства. Это не простое механическое расщепление

целого на части, а процесс, обеспечивающий существенное качественное состояние не только характера труда, но и всех сфер общественной жизни общества.

Вместе с качественным расчленением общественное разделение труда развивает количественные нормы – пропорции общественного процесса труда. Количественная сторона, следовательно, предполагает наличие оптимальных соотношений не только между относительно обособившимися отраслями экономической системы, воспроизводственными фазами, но и между вещественным и личным фактором производства, его отраслями, сферами общественной жизни. Существенное нарушение этих соотношений и приводит к критическим нарушениям равновесия в экономических системах, характеризующихся как их кризисное состояние. После чего требуется определенный период для приведения нарушенных пропорций в соотношения, позволяющие экономической системе создавать условия для своего дальнейшего развития.

Но экономические системы могут развиваться и при наличии возникших и усиливающихся на протяжении веков существенных диспропорций, которые возникли как результат общественного разделения труда. Обособление промышленного и сельскохозяйственного производства, а также диспропорция, существующая в темпах их развития – закономерный результат развития общественного разделения труда. Отделившись на определенном этапе общественного разделения труда от земледелия, ремесло вследствие наиболее динамичного процесса углубления общественного разделения труда и кооперации производства достигает высоких темпов развития. Низкий уровень разделения и кооперации труда в сельскохозяйственном производстве является причиной относительно низких темпов его развития, приводит к значительным затратам обще-

ственного труда на единицу продукции. С одной стороны, это обусловлено спецификой естественных факторов сельскохозяйственного производства, с другой – устойчивым консерватизмом организации его производства. Но это отставание в развитии порождает и интересную особенность, которая может свидетельствовать о наличии более общей закономерности общественного развития.

Н. И. Кондратьев в формулировке третьей эмпирической правильности, отображающей динамику развития экономических систем, определяет длительную депрессию сельского хозяйства на понижательных волнах больших экономических циклов. Из этого можно сделать предположение, что чем ниже уровень разделения труда в одной из сфер человеческой деятельности, соответственно ниже ее уровень развития, тем больше времени необходимо для установления новых пропорций с целью дальнейшего развития производства данной сферы в экономической системе.

Этой же особенностью можно объяснить и особенности формирования большого экономического цикла в XX в., когда после экономических кризисов средних циклов наблюдалось более быстрое, в отличие от циклов XIX, восстановление и существенный рост производства.

Особое и все более возрастающее влияние на развитие производительных сил общества на экономико-живого и овеществленного труда оказывает развитие науки. Рациональное использование всех факторов и резервов повышения производительности труда, развитие и все более полная реализация потенциала трудовых ресурсов, высокоэффективное и экономное использование основных производственных фондов, энергетических и других материальных ресурсов становятся невозможными без использования научных достижений.

Обособившись в результате общественного разделения труда, наука в своем развитии проходит ряд качественных этапов. На каждом из них, находясь под воздействием общественного разделения труда, возникают новые отрасли науки. Расширяя масштабы познания мира, реализуя полученные знания в практической деятельности, наука вызывает революционные изменения в развитии производительных сил, что, в свою очередь, приводит к огромной экономии живого и овеществленного труда. Более того, развиваясь под воздействием общественного разделения труда, наука активно стимулирует этот процесс. Поэтому каждый новый этап общественного разделения труда становится основой, объективной материальной базой для создания и внедрения в производство новых изобретений, механизмов, их систем. В свою очередь, за каждым изобретением в области механики следует усиление разделения труда, определяющее все новую и новую структуру промышленного производства, которая, развиваясь, влечет за собой дальнейшее разделение труда и, соответственно, ведет к новым изобретениям, новым механизмам, механическим системам и т. д. Возрастание роли отраслевой науки, непосредственно связанной с производством, как важнейшего фактора ускорения развития материального производства, способствует тому, что наука способствует превращению ее в непосредственную производительную силу.

Значительное развитие получили системы нематериального производства, в том числе здравоохранение, образование, индустрия туризма и т. д., которые играют все более растущую роль в общественном воспроизводстве (Таблица 2).

Таблица 2.
Классификация систем

Классификационные признаки систем	Классы систем
По природе происхождения	Естественные. Искусственные
По природе существования элементов	Реальные. Абстрактные
По степени сложности	Простые. Сложные. Большие
По длительности существования	Постоянные. Временные
По отношению к среде	Закрытые. Открытые
По изменчивости свойств	Динамические. Статические
По реакции на внешние воздействия	Активные. Пассивные

Таким образом, тенденция развития общественного производства обусловлена дальнейшим углублением общественного разделения труда, специализацией, обособлением различных видов деятельности с выделением отдельных производственных функций в самостоятельные производства и значительным увеличением числа экономически обособленных производителей. Об этом свидетельствуют те факты, что в развитых странах только машиностроительных отраслей и производств насчитывается свыше двухсот, а рост числа предприятий во второй половине XX в. в США превзошел десятиллионный рубеж. В современной производственной системе развитых стран заложен огромный по своим возможностям потенциал и по масштабам своего производства, и по направлениям дальнейшего развития. Дальнейшее развитие и обособление науки во второй половине XX века привело к её превращению в непосредственную производительную силу. Для этого периода характерным является формирование, развитие, обособление и превращение в обособленную систему производства новых информационно-технологических и программных

продуктов, которое дало толчок новому крупному общественному разделению труда.

Обособление производств, отраслей национальных экономик, сфер деятельности базируются на общественном разделении труда и объединены соответствующими пропорциями в экономическую систему формируют экономическую основу полисистемности экономической динамики. На уровне мировой экономики указанный процесс характеризуется формированием мегасистемы, или всеобщей экономической системы, системообразующим фактором которой выступает международное разделение труда, а основными составляющими – относительно обособленные национальные экономические системы. Общие закономерности формируются мегасистемой, включая и циклический характер её развития, исследованный Н.Д. Кондратьевым, и являются определяющими для содержательных процессов в национальных экономиках.

Обособление обмена и выполнение им функций формирования, опосредованных через конкретные формы обмена, связей между обособленными производителями, характеризует процесс единства тенденций противоположной направленности. Общественное разделение и специализация труда, обуславливая относительное обособление труда, не могут развиваться, знаменуя собой качественно новые этапы в развитии общественного производства, без соответствующей системы взаимных связей, которые и определяют их объединение, единство в целостной экономической системе. Эти связи и должен обеспечить эффективно функционирующий механизм обмена.

В то же время развитие общественного разделения труда, дальнейшая производственно-хозяйственная и социально-экономическая обособленность собствен-

ников произведенного продукта требуют дальнейшего развития системы обмена, совершенствования её форм, способности предвидеть на основе изменения спроса потребность в изменении объемов и структуры общественного производства, выполняя тем самым вполне определенную прогностическую функцию. Дальнейшее развитие общественного производства характеризуется неизменно сопровождающими его процессами концентрации и централизации производства. В значительной степени это обусловлено необходимостью не только внедрения новых технологий, требующих сосредоточения значительных финансовых ресурсов, но и значительных инвестиций в процесс становления этих технологий – инноваций, вложений в научные разработки и их внедрение в массовое производство.

Более того, как показывает опыт развития ТНК, концентрация и централизация капитала влекут за собой не только рост масштабов организованного, кооперированного, планомерного производства, где вместо индивидуального доминирующим становится коллективное производство и коллективный характер труда. Этот процесс влечет за собой объединение под единым организационным началом огромных финансовых ресурсов, независимых от обособленных банковских структур, а также структур сбыта. Тем самым потери, характерные при функционировании обособленных экономических систем, вследствие недостаточно эффективной системы связей между ними, в масштабах ТНК минимизируются. На этой объективной экономической основе частный труд становится все более характерным для мелкотоварных предприятий, которые основываются на частной трудовой собственности, как, например, индивидуальное предпринимательство, мелкий, средний бизнес, сельскохозяйственное производство, основанное на ведении фермерских хозяйств.

4.3. Механизм формирования динамики экономических циклов

Формирование механизма динамики экономических циклов обусловлено полисистемным характером взаимозависимостей, как подсистем экономической системы, так и систем находящихся вне ее, но активно влияющих на характер процессов протекающих в экономической системе. Соответственно становление и развитие такого механизма включает в себя совокупность взаимодействующих систем, выполняющих определенные общественные функции и в значительной степени зависимых от уровня развития разделения труда: воспроизводственных систем, определяющих уровень развития производительных сил и системы экономических отношений, институциональных отношений, социальной системы в целом, системы знаний, развития науки и т. д. Взаимодействие и взаимобусловленность этих систем опосредуется функционированием рынка, и прежде всего – рынка капитала.

Следовательно, полисистемность динамики экономических циклов обуславливается не только наличием с экономической системе подсистем, образовавшихся в процессе её эволюции, относительно обособившихся друг от друга и функционирующих в соответствии с общими закономерностями развития экономической системы, но и тем, что сама экономическая система подвержена влиянию общих закономерностей эволюционного процесса биологических, технических и социальных систем, природы и общества и активно взаимодействует с ними. Поэтому динамика любых движущих сил развития биологических, социальных, экономических, технических систем обусловлена эволюционным смыслом, в соответствии с которым функционируют механизмы естественного отбора²³⁷. Чем выше развито общество, тем больше вариантов прояв-

ления оптимального соотношения функционирующих, взаимосвязанных систем, тем, соответственно, больше их взаимное влияние. Отсюда и вытекает необходимость более широкого подхода к формированию представлений об общих и специфических механизмах формирования общесистемных закономерностей динамики экономического развития общества в его естественно – историческом процессе развития.

Если эволюция любых развивающихся социальных систем обусловлена взаимодействием двух противоборствующих тенденций – тенденции к сохранению и тенденции к изменению данных систем, то эволюционные изменения в них определяются общими закономерностями биологических систем, где наследственность выражает общую тенденцию к их сохранению, передаче знаний информации новым поколениям, а изменчивость проявляется в приспособлении различных видов к среде обитания и борьбе за свое сохранение.

Соответственно и экономическая, и взаимодействующие с ней системы, подвержены влиянию тенденции к сохранению, которая проявляется в процессе наследования социальными системами. Преемственность социальной организации культуры и обеспечивает её адаптацию в связи с существенными изменениями в той или иной ситуации и необходимостью наиболее целесообразного поведения в ней, а также естественный отбор лучших форм хозяйствования. Эту взаимосвязь отмечает М.Я. Ковальзон, подчеркивая, что «...решающая роль в истории принадлежит деятельности людей только при наличии объективных условий. Если же теория и практика игнорируют объективные детерминанты деятельности, тогда героические усилия миллиарда людей дают не десять тысяч лет счастья за десять лет труда, а экономический и социальный хаос²³⁸».

В то же время изменения в экономической системе и составляющих её подсистемах представляет собой объективное условие изменений в тех же системах, с которыми она тесно связана и немыслима без их существования, так как изменения, происходящие в ней, будут отражать общую закономерность развития и других систем. Каждая из этих систем несет в себе ту составляющую общей основы изменчивости, без которой становятся невозможными изменения в экономической системе.

Общим, объединяющим элементом всех систем выступает человек, который, включаясь в каждую из них, наследует их типичные системные качества²³⁹. Вместе с тем человек одновременно выступает и потенциальным носителем исторической изменчивости этих систем. Его системные качества, выражая тенденцию эволюционирующей системы к сохранению, в то же время формируют и тенденцию к изменению (на основе творчества) самореализации и природного отношения к восприятию новизны.

Поэтому, на разных уровнях развития систем человека, с одной стороны, можно характеризовать в процессе его деятельности как консерватора, который обеспечивает жизнедеятельность систем, их сохранение и целостность, а с другой, отражая тенденцию развивающихся систем к эволюции, осуществляет изменения, которые выступают необходимой составной частью общего эволюционного процесса.

Вместе с тем исследования А.Г. Асмолова, В.А. Петровского²⁴⁰ показывают, что для разных уровней функционирования человека как определяющей составляющей развивающихся систем проявляются неадаптивные избыточные для этих систем формы активности. Это характерно и на уровне человека как индивида в биологической популяции, и на уровне лич-

ности как индивидуальности в социальной общности. Неадаптивные избыточные формы активности выражают тенденцию к их изменению и тем самым выступают как необходимый момент эволюционного процесса этих систем. Особое значение неадаптивные избыточные формы активности имеют в переломные периоды развития систем, с проявлением биологических катаклизмов, социальных кризисов, когда значение неадаптивной активности входящих в эти системы элементов возрастает и раскрывает содержание эволюционных процессов на их данном, конкретном этапе.

Постоянным спутником развития взаимосвязанных и взаимозависимых систем является как их гармоничное взаимодействие, где системы, взаимно дополняя друг друга, обеспечивают системный эффект от этого взаимодействия, который превосходит их механически объединенный суммарный эффект, так и наличие противоречий, конфликтов в процессе взаимодействия адаптивных форм активности этих систем. Соответственно, система, направленная на реализацию своих родовых программ и проявляющая активность, которая несет её индивидуальную изменчивость, во взаимодействии с другими системами не только корректируется под влиянием их активности, но и оказывает аналогичное воздействие на другие системы в зависимости от степени своей адаптивной активности и индивидуальной изменчивости.

Тем самым формирование полисистемного понимания развития экономической системы как одной из составляющих среди развивающихся биологических, социальных, производственных, технических и других систем приводит к необходимости понимания механизма их взаимодействия на системном уровне в общем процессе естественно – исторического развития человеческого общества как метасистемы. Раскрытие

этого механизма даст более полное представление не только о формировании экономической динамики, но и намного расширит целостное понимание проблемы динамики общественного развития в эволюционно-историческом плане. Оно позволит более полно представить системную обусловленность исторической изменчивости общества, его прогресса, более отчетливо увидеть механизмы, посредством которых формируются, взаимодействуют, влияют, изменяют друг друга эволюционирующие системы, обуславливая становление общих тенденций сохранения и сущностных изменений эволюционного процесса развития человеческого общества.

Эволюционный смысл динамики экономической системы, её подъемов и спадов, более интенсивного развития, кризиса и застоя как одной из составляющих общественной системы заключается в том, что за проявлениями её конкретных характеристик в показателях, отражающих состояние экономической динамики, протекают процессы её взаимодействия с другими системами. В этом процессе взаимодействия и формируются определяющие тенденции общественного развития.

Если исходить из этого более общего, но, по нашему мнению, и более обоснованного подхода к формированию экономической динамики, то проблема системообразующего фактора для экономической системы не может рассматриваться изолированно от взаимодействующих с ней систем. Свое существенное влияние он должен оказывать и на другие системы, в значительной мере проявляясь в их эволюционном процессе, влияя на динамику развития других систем.

Имеются ли в наиболее значимых исследованиях экономических циклов, экономической динамики под-

ходы к определению системообразующего фактора как определяющего в развитии экономической системы?

Исследуя проблемы экономического цикла М.И. Туган-Барановский в качестве определяющего фактора циклического развития капиталистической экономики устанавливает динамику капиталовложений.

Основное противоречие, по мнению М.И. Туган-Барановского, заключается не в ограничениях системы производства системой потребления, не в формировании на этой основе кризисов перепроизводства по К. Марксу, а в непропорциональном распределении капиталов между самопроизвольно разрастающейся сферой производства средств производства и относительным сокращением системы потребления. Разрешение этого нарушения и обеспечивается путем кризисов и уничтожения чрезмерно разросшихся предприятий в сфере производства средств производства.

По мнению М.И. Туган-Барановского, порочность сложившейся экономической системы заключается в том, что сложившаяся система производства, подчиняясь своим особым законам, оказывает определяющее влияние на систему потребления, а это противоречит здравому смыслу, в соответствии с которым система производства должна быть подчинена системе потребления. Следовательно, не система потребления оказывает определяющее влияние на систему производства, а наоборот, смена приливов и отливов промышленности вызывается законами производства.

Проанализировав значимые для того времени исследования по экономическим циклам и экономическим кризисам, М.И. Туган-Барановский приходит к выводу, что разрешить проблему кризисов не удавалось длительное время потому, что их причины искали в отдельных сферах экономической системы – производстве, распределении, обмене, потреблении. В

действительности же, отмечает он, они вызываются совокупностью явлений общественного хозяйства.

Понимая, что даже этот вывод не отражает достаточно полно характер цикличности развития экономической системы и формируемые в этом процессе кризисные явления, он заключает: «причина повторяемости кризисов, по-видимому, имеет социальный характер, и потому период наступления кризисов то растягивается, то стягивается в зависимости от изменения экономических, политических и, вообще, социальных условий данного времени»²⁴¹.

Тем самым становится очевидным, что, не найдя достаточно убедительного ответа о цикличности развития экономической системы, М.И. Туган-Барановский склоняется к полисистемной природе его происхождения.

Системный подход к анализу экономической динамики характерен и для исследований Н.Д. Кондратьева. Он отмечает, что попытки найти постоянные связи и зависимости между элементами социально-экономической действительности имеют глубокие исторические корни, поэтому понимание естественного порядка вещей, его элементы и связи проявляются уже в учении физиократов, несмотря на его статический характер.

Отмечая взаимосвязанность экономических процессов, определяя их необратимость во времени, обусловленную новой комбинацией условий, Н.Д. Кондратьев подчеркивает подверженность качественным и количественным изменениям экономических элементов как в экономической системе, так и каждого в отдельности: «Взятая в целом экономическая действительность представляет из себя как бы целый поток непрерывных и многообразных качественных и количественных изменений»²⁴². Поэтому в его понимании развитие экономической системы представляется необратимым про-

цессом перехода с одной ступени или стадии на другую. Отсюда и проблема изменений в экономической системе – это, прежде всего, проблема ступеней её развития.

По мнению Н.Д. Кондратьева, при построении абстрактной схемы равномерно эволюционирующего хозяйства, которое развивается непрерывно, необратимо, без потрясений, можно получить экономическую систему, находящуюся в динамическом равновесии. Но элементы экономической системы никогда не находятся в состоянии равновесия. Стремясь к нему, эти элементы описывают волнообразные движения около уровня равновесия. Поэтому, в связи с развитием экономической системы постоянно эволюционирует и сам уровень равновесия, а экономические элементы колеблются близ меняющегося уровня равновесия. Вследствие этого и большие циклы конъюнктуры характеризуются процессами отклонений реального уровня элементов экономической системы от эволюционирующего уровня равновесия этой системы.

Характеризуя взаимную обусловленность процессов в экономической системе, Н.Д. Кондратьев подчеркивает тесную взаимосвязь больших циклов конъюнктуры как со среднесрочными промышленными циклами, так и с краткосрочными колебаниями конъюнктуры. «Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии. Средние циклы поэтому как бы нанизываются на волны больших циклов»²⁴³. Тем самым определяется взаимное влияние экономических циклов, где для средних циклов на понижательном периоде большого цикла характерно ослабление повышательной тенденции и усугубление понижательной. Этим определяются особая

длительность и глубина депрессии, краткость и слабость подъемов. В то же время подъемы более стремительны, а экономические кризисы средних циклов менее глубоки на повышательной фазе большого цикла.

Вместе с тем и Н.Д. Кондратьев, отмечая органическую связь всех элементов экономической системы, установив системную обусловленность экономической динамики в эволюционном социально-экономическом процессе, определяет её тесную зависимость от влияния других систем, формирующих общие тенденции общественного развития: «если бы я изучал законы развития капиталистического общества в целом, то, разумеется, я должен был бы иметь в виду синтетическую точку зрения»²⁴⁴.

По Й. Шумпетеру, движущей силой инноваций, а, соответственно, и происходящих динамических изменений выступает предприниматель как экономический субъект, новатор, обладающий такими качествами как инициатива, способность предвидения и готовностью к риску. Побуждаемый высокими доходами, присущими инновациям, и учитывая её временный, недолговечный характер предприниматель формирует новую комбинацию факторов производства, обеспечивает производство новых товаров, путем внедрения новых методов производства и новых форм управления производством, создает рынки сбыта нового товара. В результате экономическая система получает толчок к развитию, новаторская форма производства, по мере её освоения и расширения объемов производства, постепенно превращается в традиционную деятельность, объемы доходов сокращаются, побуждая предпринимателей к поискам новых инноваций.

Й. Шумпетер отмечает, что внимание, которое уделяют хозяйствующие субъекты издержкам производства, уже определяет учет возможностей других вариантов

использования производственного потенциала. Тем самым в этом процессе отражаются, и во многом неосознанно, все связи и зависимости между потребностями и имеющимися средствами, в нем находят свое отражение и условия жизни, и хозяйственный кругозор²⁴⁵.

По мнению Й. Шумпетера, при объяснении развития как максимально всеобъемлющего исторического процесса необходим учет всех факторов, «которые характеризуют саму картину состояния, или определяют ход процесса»²⁴⁶. Именно поэтому «то или иное отличное от другого экономическое состояние народа возникает не просто из предшествующего экономического состояния, а из его предшествующего общего состояния»²⁴⁷.

Таким образом, даже при самом кратком рассмотрении подходов к определению основ экономической динамики только в фундаментальных исследованиях М.И. Туган-Барановского, Н.И. Кондратьева, Й.А. Шумпетера, мы можем сделать вывод о необходимости исследования механизма формирования экономической динамики не только в границах экономической системы, но и за её пределами.

Так, Й. Шумпетер характеризует внедрение нововведений как неравномерно протекающий, осуществляющийся скачками и рывками различной длительности, процесс разрушения экономической системы. По его мнению, «шторм» аналогов нового производства, сопровождаемый массивными инвестициями, и обуславливает циклическое движение экономики в целом и изменение её ведущих отраслей. Неравномерность экономического развития, заключая в себе определенную последовательность неожиданных подъемов, обусловлена не столько самим фактом внедрения инноваций, сколько массовостью их внедрения и распространения.

Основываясь на анализе его исследований, С. Кузнец определяет три основные проблемы теории Й. Шумпетера, которые не нашли своего объяснения: для образования длинной волны требуются или очень значительные нововведения, или должна быть обеспечена их значительная концентрация в ограниченный промежуток времени; нет объяснения причин длительности протекания в несколько десятилетий одних нововведений и в несколько лет – других; нет убедительности в объяснении периодичности повторяющимся депрессиям и неравномерности появления значимых нововведений.

Современная теория длинных волн, по мнению английского экономиста К.Ф. Фримена, представителя нешумпетерианского направления в экономической науке, одного из известнейших исследователей экономических циклов в рамках концепции длинных волн Н. Д. Кондратьева, дала ответ на все три вопроса.

Первые два вопроса нашли свое отражение в исследовании Г. Менша. Он разделил нововведения на базисные, формирующие новые отрасли промышленности и новые виды профессий, и улучшающие, обеспечивающие технические усовершенствования в сложившихся отраслях. По его мнению, концентрация базисных нововведений осуществляется на фазе депрессии длинной волны. Их последующее внедрение и реализация сопровождаются «штормом» улучшающих нововведений. Этот процесс характеризует исчерпание возможностей традиционных технологий, падение инвестиционной активности и поддержание потребительского спроса в них за счет незначительных изменений создающих видимость новизны.

Анализируя неравномерность инновационной активности, Г. Менш приходит к выводу, что она является порождением особенностей поведения инвесторов.

Предприниматели руководствуются в своих действиях сложившейся конъюнктурой рынка и упускают из вида долгосрочные альтернативы. Поэтому к внедрению радикальных нововведений приступают, когда в традиционных отраслях сформировались избыточные мощности, сформировалась жесткая конкуренция и дальнейшие инвестиции не обещают пропорционального роста дохода. Следовательно, внедрение базисных нововведений предоставляет наиболее очевидную возможность прибыльного осуществления инвестирования. Тем самым инвестирование побеждает депрессию.

Признавая убедительность и обоснованность доводов Г. Менша относительно анализа неравномерности инновационной активности, необходимо заметить, что предприниматели, руководствуясь в своих действиях сложившейся конъюнктурой рынка, не упускают из вида долгосрочные альтернативы и научились их хорошо просчитывать. Но тогда по-прежнему сохраняет свою актуальность ранее приведенное нами положение Л. Мизеса, что попытка истолковать развитие общества как результат развития техники является способом обойти проблему, не решая ее и не объясняя под влиянием каких общих законов развивается сама техника.²⁴⁸

По нашему мнению данная проблема имеет свою логику развития и разрешения.

Н.Д. Кондратьев отмечает, что внедрение изобретений имеет разный временной лаг, вплоть до тридцати лет. Можно обосновывать этот временной лаг отсутствием производственной базы для реализации новшеств. Но и формирование самой материальной базы обусловлено эволюционным характером социально-экономических изменений, которые анализировались ранее. Изобретения, открытия, научно-технические достижения, являются существенной, но только одной из составляющих, которые на повышательной

волне большого экономического цикла приводят к реализации качественно нового этапа в разделении, специализации и кооперации труда, обеспечивающего скачек роста производительности труда. Существенный рост производительности труда является очень серьезным сигналом для притока значительных объемов инвестиций в формирующиеся новые отрасли промышленности, которые становятся локомотивами в формировании повышательной волны большого экономического цикла.

Повышательная волна большого цикла включает три средних цикла. Их формирование объясняется следующим характером внедрения принципиально новой технологии, обеспечивающей три уровня разделения, специализации и кооперации труда на каждом из таких этапов. На первом среднем цикле внедрение новой технологии производства приводит к качественно новому уровню разделения труда и его специализации, что влечет за собой существенное повышение производительности труда. Оно достигает своего максимума в высшей точке цикла и, исчерпав свой потенциал, приводит к оттоку инвестиций и формированию кризисных явлений первого среднего экономического цикла. К этому времени формируется вторая стадия модификации новой технологии, с соответствующим новым уровнем разделения, специализации и кооперации труда, что обеспечивает новый уровень производительности труда. Исчерпание потенциала роста производительности труда приводит к запуску механизма оттока инвестиций в отраслях, внедривших новые технологии. Соответственно создаются условия для кризиса и последующего завершения второго среднего цикла. Третий средний цикл на фазе роста исчерпывает потенциал разделения труда, его специализации и кооперации новой технологии, обеспечивающей су-

ществленный рост производительности труда как основы формирования повышательной волны К-цикла, что приводит к последующему кризису на третьем среднем цикле и завершению повышательной волны К-цикла.

Особенностью понижательной волны большого экономического цикла является эволюционное поэтапное внедрение модификации ресурсосберегающих технологий. На первом среднем цикле ранее внедренные технологии подвергаются существенному совершенствованию, обеспечивающему сокращению издержек, что обеспечивает повышение уровня прибыли, способствует притоку инвестиций и формирует фазы оживления и роста первого среднего экономического цикла понижательной волны К-цикла. Исчерпание потенциала первого уровня модификации влечет за собой отток инвестиций и приводит к кризису первого среднего цикла. Фазы оживления и роста второго среднего цикла обеспечиваются вторым этапом совершенствования технологии по удельному снижению вовлеченных в производство ресурсов и оптимизации процессов производства, способствуя притоку капитала и его оттоку с исчерпанием потенциала второго уровня оптимизации и кризису второго среднего цикла. Соответственно для третьего среднего цикла понижательной волны К-цикла характерно завершение использования потенциала оптимизации технологии производства, обеспечившей повышательную волну, и завершение очередного большого экономического цикла.

Несмотря на то, что отрасли, определяющие экономическое развитие на очередном К-цикле, существенно снижают темпы своего развития на понижательной волне, их качественно новый уровень по производительности труда оказывает положительное влияние на другие отрасли экономической системы,

что обеспечивает восстановление нарушенного структурного равновесия экономической системы на качественно новом уровне.

Итак, по мнению Н.Д. Кондратьева, исходным моментом в формировании экономического цикла являются те объективные хозяйственные и материально-технические предпосылки, которые обуславливают предстоящий подъем экономики. Прежде всего, это накопление задолго до своего непосредственного применения в хозяйственной практике значительного числа изобретений, технических новинок, которые впоследствии, при вызревании объективных предпосылок их применения, оказывают значительное влияние на формирование экономической динамики.

Исключив чисто случайный характер открытий и изобретений, Н.Д. Кондратьев определяет направление и интенсивность научно-технических открытий и изобретений как функцию предшествующего этапа развития науки и техники, так и непосредственную потребность хозяйственной практики, что подтверждается одновременным независимым появлением одних и тех же изобретений в различных местах. Эта потребность значительно возрастает в периоды экономических кризисов и депрессий, что подтверждает правомерность выводов исследований в области психологии о неадаптивных избыточных формах человеческой активности, которые выражают тенденцию к изменению, выступая необходимой составляющей эволюционного процесса, тем более что особое значение неадаптивные избыточные формы активности имеют в переломные периоды развития систем с проявлением социальных кризисов, когда значение неадаптивной активности существенно возрастает, происходит их своеобразная мобилизация как элементов системы, обеспечивая её развитие.

В то же время, приведя примеры научно-технических изобретений XVII – начала XVIII в., которые были реализованы только в эпоху промышленной революции конца XVIII в., Н.Д. Кондратьев отмечает, что для действительного изменения техники производства, наличия научно-технических изобретений недостаточно, необходимо наличие экономических условий их использования.

Вместе с тем, по нашему мнению, одних экономических условий для формирования экономической динамики недостаточно. В сложном динамическом процессе одним из важнейших факторов экономического развития, обеспечивающего наследование, воспроизводство и последовательное совершенствование достигнутого выступают институты общества.

Именно эти институты, определяя писанные и общепринятые правила поведения в обществе, формируют процесс взаимодействия хозяйствующих субъектов, формируют экономические стимулы и взаимоотношения между политической, социальной и экономической системами.

Формируется прямая зависимость в соотношении уровня развития экономических институтов, с развитием системы производства, обмена, финансово-кредитной системой, эффективностью производства товаров и услуг как основы экономического роста. Тем самым экономические институты в этом сложном динамическом процессе выступают важнейшим фактором экономического развития, обеспечивающим наследование достигнутого, его воспроизводство и последовательное совершенствование с использованием все более эффективных факторов производства, которыми и являются научно-технические изобретения.

Кроме того, институты общества обеспечивают интеграционное взаимодействие экономической,

политической, социальной и других систем общества, вследствие чего в общественной системе формируются и развиваются процессы, определяющие общие закономерности эволюции самого общества.

Однако и развития институтов общества для обеспечения широкого, массового внедрения научно-технических изобретений, обеспечивающих значительный экономический подъем, с вовлечением в этот процесс новых территорий, в оборот – новых рынков сырья и сбыта товаров, усилением темпов развития общественного производства, недостаточно для формирования экономической динамики.

Существенный рост инвестирования капитала в новые производства приводит к серьёзным изменениям в условиях производства, обеспечивающим использование более совершенных технических возможностей повышения рентабельности производства и увеличения прибыли, а соответственно, и формирования выпуклой волны большого цикла экономической конъюнктуры, по нашему мнению, свидетельствует о созревании объективных предпосылок принципиально нового этапа развития общественного разделения труда. Каждый из этих этапов, определяя выпуклые волны больших экономических циклов, ведет к значительному росту производительности труда в новых отраслях, которые постепенно распространяют свое влияние на экономическую систему.

Именно в этот период происходит существенная реорганизация структуры общественного производства, изменение состава ведущих отраслей экономической системы, спад в старых отраслях и, с некоторым временным лагом, неравномерное расширение в новых, изменение в сложившейся системе производственных отношений, вследствие изменения предшествующего образа жизни.

По этой причине Й. Шумпетер называет процесс первоначальных накоплений, влекущих за собой серию сопряженных новшеств, что и предопределяет быстрый рост в них инвестиций, созидательным разрушением, в ходе которого происходит обновление производственного аппарата и закладываются основы перехода на более высокую ступень развития.

Но одновременно с этим происходит формирование внутренних противоречий экономических систем, которые порождаются и основываются на общественном разделении труда и его производных – отделении и обособлении отдельных видов труда. На начальном этапе из общего процесса выделяются отдельные виды труда и формируются различия между ними. На новом этапе процесс отделения завершается, различие превращается в свою противоположность – обособленность видов труда и их специализацию.

Складывающиеся противоречия находят свое разрешение вследствие взаимной обусловленности составных частей труда – в кооперации труда, а обособленных частей – в обмене между формами процесса труда.

Тем самым становление нового этапа в развитии общественного разделения труда приводит к формированию принципиально новых технико-экономических отношений, включающих отношения специализации и кооперирования, поставщиками и потребителями сырья, материалов, комплектующих изделий и др. на основе контрактных договоров, а также организационно-экономических отношений, которые охватывают своим влиянием и формирующиеся новые формы предприятий и принципиально новые структуры управления и т. д.

Вместе с тем формирующиеся и более сложные по своей структуре технико-экономические и организационно-экономические отношения порождают и устойчивые зависимости, в том числе соответствие формирующихся организационно-экономических отношений уровню, характеру и структуре производительных сил, соответствие организационно-экономических отношений уровню и структуре развития технико-экономических отношений и т. д.

Существенные отношения претерпевают и отношения собственности в сферах непосредственно производства, обмена, распределения и потребления, по поводу присвоения определенных объектов собственности, а также основных типов и форм собственности.

Следовательно, становление принципиально нового этапа развития общественного разделения труда на повышательной волне большого экономического цикла влечет за собой целый комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых преобразований в экономической системе.

Известный специалист в области теории длинных волн К. Фримен, изучая внедрение нововведений в период подъема в каждой из быстрорастущих отраслей, являющихся носителями длинных волн, и инициирование ими повышения спроса в старых отраслях на более поздних стадиях длинной волны, характеризует каждую из них как своеобразную эпоху в развитии производительных сил.

В формулировке второй эмпирической правильности формирования волн больших экономических циклов Н.Д. Кондратьев констатирует: «Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательной волны»²⁴⁹. Далее

Н.Д. Кондратьев пишет, что, констатируя эту экономическую правильность, он не отмечает какой либо причинной зависимости явлений²⁵⁰.

Критически анализируя влияние войн и социальных потрясений на ход экономического развития и их влияние на цикличность, отмечая их могущественное, иногда пертурбирующее влияние на темп и направление экономической динамики, Н.Д. Кондратьев констатирует, что войны и социальные потрясения включаются в ритмический процесс развития больших циклов, но оказываются не исходными силами этого развития, а формой его проявления.

Вместе с тем более правдоподобным, по его мнению, является допущение, что войны возникают на почве повышения темпа и напряжения хозяйственной жизни, что характерно для периодов повышающейся конъюнктуры, и обострения экономической борьбы за рынки и сырье, а социальные потрясения возникают, прежде всего, именно в период бурного натиска новых хозяйственных сил²⁵¹.

На основании проведенного нами анализа есть все основания полагать, что радикальные структурные преобразования в экономической системе, происходящие на повышательной волне большого экономического цикла, являются основным источником социальных потрясений и войн. Это обусловлено последствиями, вытекающими из процессов формирования нового этапа общественного разделения труда.

Во-первых, происходят существенные изменения в отношениях собственности в сферах непосредственно производства, обмена, распределения и потребления. Это выражается в значительном усилении инвесторов существенно обогатившихся в результате роста капиталов в инновационных и сопряженных с ними отраслях и заметном относительном снижении влияния на

происходящие экономические процессы собственников в традиционных отраслях.

Во-вторых, на повышательной волне происходят своеобразные тектонические подвижки в реструктуризации и межотраслевой миграции рабочих и служащих, обслуживающего персонала, сферы услуг. Причиной тому служит значительное увеличение занятых в новых и в сопряженных с ними отраслях, и сокращение численности занятых в традиционных отраслях.

В-третьих, особенно масштабным в этот период по численности населения, вовлекаемого в этот процесс, является частное разделение труда и специализация, что влечет за собой необходимость приобретения новых специальностей, переквалификации, повышения квалификации значительными массами населения.

В-четвертых, в аналогичные масштабные изменения по реструктуризации и миграции населения обусловлены сопутствующему повышательной волне и реструктуризации экономической системы территориальному разделению труда.

В-пятых, становление нового этапа в развитии общественного разделения труда приводит к формированию принципиально новой системы экономических отношений вследствие изменений отношений в системе собственности, существенных технико-экономических и организационно-экономических отношений, всего спектра производственных отношений.

В-шестых, существенные изменения в отношениях собственности, системе производственных отношений, реструктуризации и межотраслевой, территориальной миграции населения, изменения в частном разделении труда оказывают заметное влияние на политическую, социальную и другие системы общества,

на его общественные институты, требуя, под влиянием происходящих изменений, внесения изменений в институциональную структуру.

Основные виды структурных преобразований и характер изменений в социально-экономических отношениях представлены в таблице 3.

Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что кардинальные изменения в экономической системе, происходящие на повышательной волне большого экономического цикла являются основным источником социальных потрясений и войн.

Основоположник социологии как самостоятельной науки французский философ и обществовед Огюст Конт определил тесную взаимосвязь между предвидением, знанием и управлением: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять.

Огромные преобразования в структуре мирового общественного воспроизводства, существенные изменения в его количественных и качественных характеристиках, произошедшие после второй мировой войны породили иллюзию того, что перед человечеством открылся путь устойчивого развития, который сопровождается кратковременными, но не столь разрушительными спадами, как это было в предшествующие исторические периоды.

Именно поэтому разразившийся в 2007 г. мировой финансовый кризис, оказавшийся прологом кризису экономическому, стал для многих неожиданностью.

Поиск ответов на вопросы о глубине падения, о времени течения кризисных явлений, о результативности предпринимаемых мер и т. д. очень созвучны периоду вступления мировой экономики в фазу Великой депрессии 20-х гг. XX в.

Таблица 3.
Содержание структурных преобразований.

Вид структурных преобразований	Характер происходящих изменений в социально-экономических отношениях
Значительные изменения в структуре собственности.	Существенное увеличение объемов инвестиций в инновационных технологических кластерах и их сокращение в традиционных отраслях.
Реструктуризация экономической системы и межотраслевая миграция рабочих и служащих.	Значительное увеличение удельного веса инновационных отраслей и сокращение удельного веса традиционных отраслей, с соответствующими изменениями численности занятых в них.
Формирование нового качественного этапа в развитии политической, социальной и других системы общества	Становление новых и трансформация существующих элементов институциональной структуры общества с соответствующими преобразованиями политических, социальных, экономических институтов.
Формирование качественно новой системы производственных отношений	Существенные преобразования в технико-экономических и организационно-экономических отношениях на основе изменений в технике, технологии производства.
Новые качественные изменения в частном и межвидовом разделении труда	Преобразования в системе подготовки и переподготовки специалистов, вследствие изменения структуры производства.
Становление качественно нового этапа территориального и международного разделения труда	Изменение структуры территориального и международного разделения труда и становление на этой основе новой системы относительных преимуществ.
Существенные изменения в структуре мировой экономики и международных экономических отношений	Смена лидерства, активизация противоборства за сферы влияния и их перераспределение.

Об этом свидетельствует все чаще высказываемое в последнее время мнение о том, что мы вступили в полосу Великой депрессии – 2.

Учитывая то, что период Великой депрессии органично накладывается на понижательную волну третьего большого цикла, попробуем разобраться более детально в этом явлении, начиная с того периода, когда Н.Д. Кондратьев определяет переломную точку третьего большого цикла и его переход к понижательной волне 1914–1920 гг.

Большинство исследователей, анализируя формирование «К-волн» на основе статистических данных развития мировой экономики в XX в., увязывают переход мировой экономики на понижательную волну четвертого большого цикла с 1973 г., соотнося её с кризисом 1973–1982 гг., переходом от доминирования 4-го уклада к 5-му укладу. Их научную основу составили исследования 70–80-х гг., в том числе работа немецкого ученого Герхарда Менша «Технологический пат: инновации преодолевают депрессию». В ней колебания экономической активности тесно связаны с инновационной активностью и частотой нововведений, с периодом 50 лет, определяется переход от доминирования 4-го технологического уклада к 5-му укладу, которые положены в основу цикла Н.Д. Кондратьева.

При этом формулируется положение, что по мере усиления роли научно-технического прогресса в экономике циклы сжимаются во времени и их продолжительность сокращается с 50–55 лет в XIX в., до 40–45 лет во второй половине XX в.

На этой основе повышательная волна пятого цикла Н.Д. Кондратьева определяется второй половиной 80-х и до конца XX в. А снижение нормы прибыли на вложенный капитал и перелив средств из реального сектора в финансовый рынок к концу 90-х г., привел к его

перегреву и к распространению своего влияния на ипотечную сферу. Тем самым обосновывается формирование переломной точки в повышательной волне Пятого цикла.

Так в книге «Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие» на основе анализа тенденций и рисков развития мировой экономики обосновывается формирование четвертого и пятого циклов Кондратьева²⁵². Верхняя переломная точка Четвертого цикла определяется 1960 г., а нижняя – 1980 г., с фазой депрессии цикла с 1973 по 1982 г. Верхняя переломная точка Пятого цикла определяется в 2000 г., а завершение Пятого цикла – в 2020 году. Формирование и протекание больших циклов Н.Д. Кондратьева в этот период обосновывается четвертым и пятым технологическими укладами, которые и придали соответствующую динамику цикличности.

Диаграмма 1
Диффузия инноваций вдоль подъемов циклов экономической активности Кондратьева²⁵³

Эти импульсы Н.Д. Кондратьев объяснял обновлением основного капитала. Поэтому оживление в сфере технических изобретений наблюдается перед началом

и в самом начале повышательной волны большого цикла. Эти же импульсы Й. Шумпетер формулирует как системные, придающие динамику всей экономической системе. Следовательно, их системное влияние распространяется и на формирование средних (со средней продолжительностью 7–11 лет) и коротких циклов (продолжительность около 3,5 лет).

Аналогичного мнения был и Н.Д. Кондратьев, отмечая, что в рамках длинных циклов присутствуют средние (7–11 лет) и короткие (около 3,5 лет) волны.

По мнению В. Митчелла, мы лишь являемся свидетелями различных опережающих и отстающих реакций отраслей экономики на регулярные циклические колебания с различием амплитуд и общие волны экономики.

А. Бернс и В. Митчелл в работе «Измерение экономических циклов» так характеризуют эти тенденции системности и фамильного сходства циклов: «Индивидуальные своеобразия отдельных циклов в тенденции стираются; для одного и того же ряда средние циклы имеют в значительной мере одинаковый вид, какими бы различными ни были выборки циклов, из которых выведены эти средние; для различных рядов их характерные особенности в тенденции резко выделяются и взаимные отношения, существующие между рядами, сохраняются с большой регулярностью, как бы мы ни производили отбор циклов. Невозможно было бы в следующих друг за другом экономических циклах обнаружить эту тенденцию индивидуальных рядов к сходному поведению с точки зрения соотношений между ними, если бы силы, которыми вызываются экономические циклы, обладали лишь слабой регулярностью»²⁵⁴.

Проанализируем проявление этой закономерности на динамике процессов формирования средних волн.

С 1920 г. нарушение пропорций в воспроизводственной структуре, сформировавшиеся признаки перепроизводства и отсутствие должной реакции со стороны правительств привели к возникновению ощущения надвигающейся катастрофы, неуверенность в будущем и его непредсказуемость. Это и побудило Дж.М. Кейнса выступить в августе 1921 г. со статьей в газете «Санди таймс», где он сравнивает состояние национальных экономик в этот период с пребыванием в нижней точке обода колеса истории и характеризует ту неизвестность, которая предполагает и возможность подъема экономики, и возможность длительного пути стагнации.

Н.Д. Кондратьев пишет: «Кризис 1920–1921 г., являясь кризисом относительного перепроизводства, положил конец восходящей волне малого цикла, для которого война послужила исходной точкой и началом его нисходящей линии»²⁵⁵.

В то же время, как отмечает Н.Д. Кондратьев, под углом зрения больших циклов 1920 г. является годом перелома и переходу большого цикла к понижательной тенденции.

В докладе «Большие циклы экономической конъюнктуры», Н.Д. Кондратьев пишет, что, считая пока невозможным определить совершенно точно годы перелома в развитии больших циклов и учитывая неточность определения моментов таких переломов (на 5–7 лет), проистекающую из самого метода анализа данных, *можно все же наметить следующие наиболее вероятные границы больших циклов:*

1. Повышательная волна первого цикла – с конца 80-х – начала 90-х гг. XVIII в. до периода 1810–1817 гг.;
Понижательная волна первого цикла – с периода 1810–1817 гг. до периода 1844–1851 гг.;

2. Повышательная волна второго цикла – с периода 1844–1855 гг. до периода 1870–1875 гг.;

3. Понижательная волна второго цикла – с периода 1870–1875 гг. до периода 1890–1896 гг.;

4. Повышательная волна третьего цикла – с периода 1891–1896 гг. до периода 1914–1920 гг.;

5. Вероятная понижательная волна третьего цикла – с периода 1914–1920 гг.

На основе своего исследования Н.Д. Кондратьев приходит к заключению о наличии четырех эмпирических правильностей.

Первая – оживление в сфере технических изобретений задолго перед началом повышательной волны.

Вторая – преобладание на повышательных волнах социальных потрясений.

Третья – депрессии сельского хозяйства на понижающих волнах.

Четвертая и, как нам представляется, очень важная для получения ответов на дальнейшее формирование больших циклов: «Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии»²⁵⁶.

В формулировании четвертой правильности Н.Д. Кондратьев основное внимание обращает на ослабление или усиление тенденций в средних циклах в зависимости от их нахождения на повышательной или понижающей волне.

Но единый процесс динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии, проявляется и в том, что каждая повышательная и каждая понижающая волны содержит три средних цикла.

М.И. Туган-Барановский, изучая кризисы в Англии, отмечал, что для кризисов XIX в. характерна большая правильность в их периодичности. Средние экономические циклы то растягиваются до 11 лет, как это было в период кризисов 1825, 1836, 1847 гг., то сокращаются до 9–10 лет «в зависимости от изменения экономических, политических и, вообще, социальных условий данного времени», но регулярность их не вызывает сомнения²⁵⁷.

Средние кризисы в Англии чередуются с завидной периодичностью: 1783–1793, 1793–1805, 1805–1815 три средних цикла повышательной волны Первого большого цикла. Три средних цикла понижательной волны Первого большого цикла: 1815–1825, 1825–1836–1839, 1836–1839–1847. Три средних цикла повышательной волны второго большого цикла: 1847–1857, 1857–1866, 1866–1873. Три средних цикла понижательной волны второго большого цикла: 1873–1879, 1879–1886, 1886–1893. Три средних цикла повышательной волны третьего большого цикла: 1893–1900, 1900–1908, 1909–1920.

Средние циклы то сжимаются от 10–11 до 7 лет, то опять увеличиваются до 11 лет, но периодичность – шесть средних циклов в одном большом цикле – является закономерностью, которая не нарушается.

Аналогичные колебания внутри средних циклов, осуществляемых малыми циклами, с периодичностью в среднем три года тоже можно проследить таким же образом.

Следовательно, такая же закономерность должна сохраниться и в следующих больших циклах.

Основываясь на расчетах Н.Д. Кондратьева по определению вероятностной переломной точки формирования понижательной волны третьего цикла для уточнения её временных границ, мы согласовываем её с формированием и завершением очередного среднего

10–12–летнего цикла, который венчается кризисом в 1929–1933 г. Поэтому точка перелома третьей волны на основании этих событий, а также опираясь на свидетельства Дж.М. Кейнса, приходится на 1920 г.

Предшествовал кризису 1929–1933 гг. экономический подъем в США, где с 1921 г. произошло развертывание массового производства на основе конвейерных технологий, что обеспечило невиданный рост производительности труда и на этой основе – увеличение национального дохода к 1927 г. в 2,8 раза по сравнению с 1913 г.

Аналогичные процессы подъема экономики, с разной степенью интенсивности увеличения объемов производства и изменением ценовых индексов, происходят в странах Европы и в Канаде. С 1929 по 1933 гг. изменения в производстве промышленной продукции имеют отрицательную динамику.

Фактически же начало Великой депрессии увязывается с экономическим кризисом 1929–1933 гг., с началом невиданной до того времени биржевой паникой в США 24 октября 1929 г. и последовавшим за ней биржевым крахом.

Следовательно, Великая депрессия была обусловлена тем, что кризис 1929–1933 гг. значительно усилил негативные последствия общей понижительной волны третьего цикла. Этот эффект и определяет Н.Д. Кондратьев: «Действительно, если мы возьмем средние циклы, падающие на понижительный период большого цикла, то очевидно, что все повышательные тенденции элементов, участвующих в средних циклах, будут ослабляться, а все понижительные тенденции их будут усиливаться общей понижительной волной большого цикла»²⁵⁸.

Следовательно, первый средний цикл понижательной волны III «К-цикла» определяется периодом с 1920 по 1929–1933 г.

Следующая нижняя точка очередного среднего цикла формируется в 1938–1939 г. Уже в 1938 г. ведущие страны мира имеют отрицательную динамику производства промышленной продукции.

Отсюда границы второго среднего цикла должны определяться от 1929–1933 гг. до 1938–1939 гг.

По всей видимости, более сокращенные фазы средних циклов обусловлены закономерностью ослабления повышательных тенденций средних циклов на общей понижательной волне Большого цикла.

В США за период с 1938 по 1945 г. валовой национальный продукт вырос на 65 пунктов. Но в Западной Европе за этот период он сократился на 23 пункта. Еще более низким был этот показатель для Японии.

Очередной спад производства США наблюдается в 1948–1949 г.

В США это первый послевоенный спад производства, в ходе которого падение производства охватывает более 80% отраслей экономики.

Отсюда можно определять границы завершения третьего среднего цикла понижательной волны III «К-цикла» – 1938–1939 гг. – 1949 г. и завершение самого III «К-цикла» – 1920–1948–1949 гг.

Следовательно, повышающаяся волна IV «К-цикла» формируется в послевоенный период с 1949–1950 гг.

Восстановление экономики стран, непосредственно подверженных разорительному воздействию войны, накладывает свой отпечаток и на специфику их вовлечения в формирование средних мировых циклов.

Восстановление и развитие западноевропейской экономики основывалось на значительных объемах импорта из США, который в основном состоял из

трех видов поставок: первого – ассигнования на продукты питания, топливо, одежду; второго – промышленное оборудование; третьего – сырье, сельскохозяйственные машины, промышленные товары, запасные части и т. д.²⁵⁹

Для Франции период до 1958 г. был периодом восстановления экономики. На основе национализации 97% угольной промышленности, 80% энергетических и авиационных производств 95% выработки газа, значительной доли в атомной энергетике, темпы роста французской промышленности превзошли восстанавливающиеся экономики Европы. За последующие десятилетия объем промышленного производства составил 60%.

Значительные трудности в стимулировании экономического роста в этот период испытывала Великобритания. Темпы её развития ниже развитых европейских государств. Наблюдается неуклонный рост фондоемкости производства. Отстают по отношению к конкурентам расходы на НИОКР. Утрачено лидерство по вывозу капитала. Темпы роста: промышленности 3,5%; строительства 2,4%; транспорта и связи 2,3%.

Довольно высокие темпы промышленного производства набирала Германия. В 1950 г. её объем промышленного производства составлял уже 113,7% от уровня 1936 г.

Очень высокими темпами экономического роста с середины 50-х гг. характеризуется развитие Японии. В течение десяти лет она перегнала по объему ВВП и промышленного производства Италию, Францию, Англию и ФРГ.

Но уже 1957–1958 гг. знаменуются экономическим кризисом, охватившем и страны, которые существенно меньше пострадали от разрушительного влияния второй мировой войны.

Специфический характер кризиса порождает и его особые черты. В этом кризисе практически отсутствовали фазы депрессии и оживления – за спадом последовал самый значительный, повсеместный и самый продолжительный подъем. Это и явилось поводом для обоснованного, по нашему мнению, вывода Г. Хабера о том, что глубокие и длительные депрессии остались в прошлом, несмотря на то, что аналогичные явления падения производства и следовавший за ними подъем наблюдались и в кризисах XVIII, XIX в.

Следовательно, границы первого среднего цикла повышательной волны IV «К-цикла» определяются 1949–1950–1957–1958 гг.

Вместе с тем вторая мировая война и особенности послевоенного восстановления национальных экономик привели к нарушению синхронности формирования средних циклов в ведущих национальных экономиках, особенностям их проявления и влияния на воспроизводственный процесс.

Но постепенно эта синхронность восстанавливается и завершает свое формирование к 1973 г.

Этот кризис по ряду характеристик приблизился к кризису 1929–33. За период кризиса промышленное производство сократилось в США, например, на 13%, в Японии на 20%, в ФРГ на 22%, в Великобритании на 10%, во Франции на 13%, в Италии на 14%. Курсы акций только за год – с декабря 1973 по декабрь 1974 – упали в США на 33%, в Японии на 17%, в ФРГ на 10%, в Великобритании на 56%, во Франции на 33%, в Италии на 28%.²⁶⁰

Экономический кризис, начавшийся в США и существенно превзошедший кризис 1957–1958 гг., по масштабам распространения, глубине и разрушительной силе, ближе всего подошел к кризису 20-х годов. Тем не менее, по своей продолжительности, относи-

тельных масштабам экономических и социальных последствий, эти два кризиса несопоставимы.

Отсюда – границы второго среднего цикла определяются временными рамками 1957–1958–1973 гг.

Следующий средний цикл, завершающий повышательную волну IV «К-цикла», для многих стран мира характерен тем, что диспропорции стоимостной структуры, сформированные к 1973 г. и определившие кризис, за период с 1974 по 1980 гг. так и не были преодолены, а потому необходимо было прежде всего восстанавливать условия расширенного воспроизводства, нарушенные в конце 60–начале 70-х г.

Начавшийся в США в 1979 г. и развернувшийся в 1980 г. экономический кризис усилился инфляцией, что привело к невиданному взлету ставок по кредитам частных банков даже для надежных заемщиков – до 20–21%, а это, в свою очередь, – к стагнации экономики. К весне 1982 г. 26% производственных мощностей простаивали. Дефицит государственного бюджета составил 100 млрд долл. США при росте пассива торгового баланса – США начинали во все возрастающих объемах потреблять импортные товары. Он и послужил вероятностной переломной точкой формирования понижательной волны Четвертого цикла.

Следовательно, завершающим средним циклом 1973–1979–1980 гг. определяется и переломная точка повышательной волны IV «К-цикла»

Первый средний цикл понижательной волны IV «К-цикла» в конце 80 – начале 90-х гг. был ознаменован в США черным понедельником 1987 г. и его негативными последствиями. Американский фондовый индекс Dow Jones Industrial 19 октября 1987 г. «обвалился» на 22,6%. За американским рынком последовали фондовые рынки Австралии, Гонконга, Канады. В качестве одной из причин была выдвинута версия

оттока капиталов инвесторов с рынков как результат сильного снижения капитализации нескольких крупных компаний.

Этот период характеризуется самым глубоким экономическим спадом после начала 80-х гг. Он продолжался до 1993 г. Усилилась безработица, значительно затронувшая население, занятое в средних слоях социальной иерархии. Несмотря на сокращение военных расходов и на удорожание медицинского обслуживания населения, растет дефицит федерального бюджета.

Второй средний цикл характеризуется тем, что к 2001 г. экономическое развитие в США было признано как самое неудачное за последнее десятилетие. Кризисные явления отчетливо просматривались практически во всех отраслях национальной экономики – от высоких технологий до сельского хозяйства. Отрицательную динамику приобрели корпоративные прибыли, так за 11 мес. 2001г. прибыли американских корпораций снизились более чем на 65% . Это снижение эксперты назвали свободным падением. Существенно сократились инвестиции, снизилась импортно-экспортная активность, усилилась биржевая лихорадка. Единственным стабилизирующим фактором в общем негативе экономической конъюнктуры явились непроизводственные расходы, составившие 2/3 ВВП.

Существенный спад в экономике США, экономический кризис в Японии, снижение роста ВВП в европейских странах характеризуются как системный кризис в мировой экономике.

Третий, завершающий понижательную волну IV «К-цикла» средний цикл характеризуется экономический кризисом 2007 г., который, вследствие своей актуальности и внимания к нему, подвергается всестороннему описанию.

Вместе с тем внешнее проявление глубочайших кризисных процессов, происходивших в экономике (значительное увеличение объема денежной массы, существенный рост её суррогатов и массовая спекуляция на этой основе) воспринимается на поверхности явлений как причина положившая, начало самого экономического кризиса.

Экономический кризис 2007 – 2008 гг. свидетельствует о сокращении мирового ВВП впервые после второй мировой войны, что подтверждает, прежде всего, падение объемов производства экономик развитых стран. Этот кризис стал самым масштабным с середины 1970-х гг. Он явился свидетельством рубежного перехода от четвертого к пятому большому экономическому циклу, начало которого исчисляется с 2009 года. По данным МВФ уже с этого года прирост объемов производства в США возобновился на 2,8%, ЕС на 1,8%. В последующие годы произошла стабилизация темпов роста США и ЕС, что было характерно для большинства развитых экономик и экономических объединений в этом среднем цикле. Его характерная черта четко просматривается в лице активного перехода автомобильной промышленности к электродвигателям. Предполагается, что это будет характерная черта не только повышательной волны, но и пятого большого экономического цикла в целом. Особенностью этого среднего цикла является то, что экономика США, достигнув высшей точки подъема в середине второго десятилетия осуществляет плавный спуск к 2020 г. Об этом свидетельствуют данные МВФ: 2018 г. – 2,9%; 2019 г. – 2,5%; 2020 г. – 1,9%.

Следовательно, можно установить следующие средние экономические циклы, их длительность, осно-

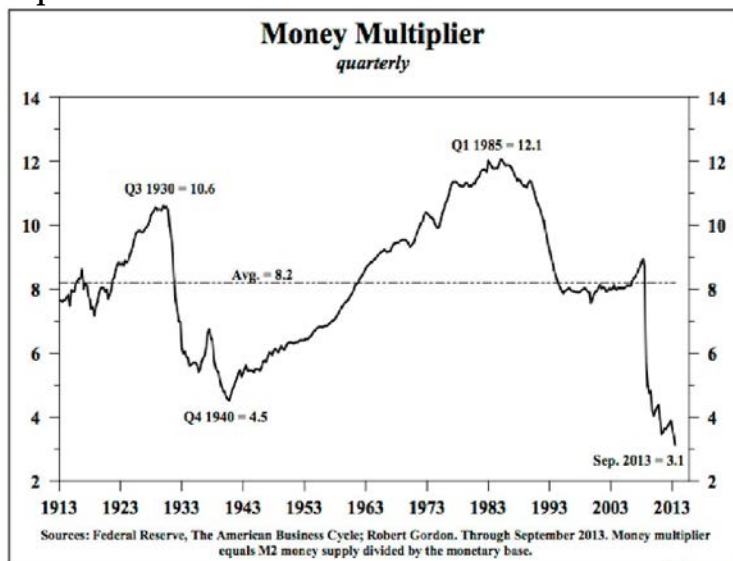
вываясь на нижних, кризисных точках средних циклов, и их взаимосвязь с «К-волнами» (Таблица 4).

Таблица 4

**Продолжительность больших и средних циклов
XX – начала XXI вв.**

Циклы	Начало	Завершение	Длительность
Понижительная волна III большого цикла	1920	1949	29 лет
Первый средний цикл	1920	1929–1933	11 лет
Второй средний цикл	1929–1933	1938–1939	7 лет
Третий средний цикл	1938–1939	1949	10 лет
Общая волна III большого цикла	1896	1949	53 года
Повышательная волна IV большого цикла	1949	1979	30 лет
Первый средний цикл	1949	1957–1958	8 лет
Второй средний цикл	1957–1958	1968–1969	10 лет
Третий средний цикл	1969	1979	10 лет
Понижительная волна IV большого цикла	1980	2008	28 лет
Первый средний цикл	1980	1990	10 лет
Второй средний цикл	1991	2001	10 лет
Третий средний цикл	2001	2008	7 лет
Общая волна IV большого цикла	1949	2008	58 лет
Повышательная волна V большого цикла	2009		
Первый средний цикл	2009		

Диаграмма 2 Изменение значений денежного мультипликатора США²⁶¹

Граница III большого цикла определяется первым послевоенным кризисом в экономике США. После него в экономике этой страны, наблюдается подъем, прерванный кризисом 1957 г., а также длительный послевоенный, прерываемый незначительными и в разные годы падениями объемов производства, подъем экономики стран Западной Европы. Основные тенденции понижательной волны III большого цикла и в целом четвертого большого цикла, по мнению Дж. Рубина, отражает и изменение значений денежного мультипликатора США (Диаграмма 2).

Продолжительность средних циклов повышательной волны IV большого цикла составила: I средний цикл – 8 лет; II средний цикл – 11 лет; III средний цикл – 10 лет. Общая продолжительность понижательной волны – 30 лет. Особенностью III среднего цикла

явилось то, что вследствие сформировавшихся проблем во II цикле и не нашедших своего разрешения во время кризиса в 1969 г., кризис 1973 г. прервал формирование нового цикла. К тому же к этому времени в европейских странах и Японии сформировались объективные экономические условия для восстановления синхронности цикличности ведущих экономик мира, т. е. в них к этому времени вызрели необходимые кризисные предпосылки. Эти предпосылки усилили неразрешенные проблемы в американской экономике, поэтому кризис 1973 г. был более глубоким и разорительным.

Особенностью послевоенных средних циклов является и снижение глубины падения экономических показателей, что приводит к сокращению прямых потерь в результате кризисов, но в связи с этим и восстановительные фазы стали длиннее.

Редким явлением стали и депрессии. Они во все меньшей степени характерны для средних циклов, а в большей степени соотносимы с переломными точками «К-волн». Но аналогичная тенденция наметилась уже в XIX в. и была отмечена М.И. Туган-Барановским.

Но самыми характерными показателями, оценивающими существенные изменения в тенденциях развитых стран, являются загруженность производственных площадей и среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения.

Загруженность производственных площадей свидетельствует о наличии устойчивой тенденции к сокращению использования производственных площадей (только в США к 2002 г. он составил 75,6%, в том числе в обрабатывающей промышленности – 73,2%, в высокотехнологичных отраслях до – 62,1%).

Подтверждается эта тенденция и существенным снижением темпов прироста реальных объемов ВВП

на душу населения. К 2001 г. по сравнению с 1980 г. в США они составили 78,2%, в ЕС – 66,6%, Япония – 32,3%. Вследствие этого длительный спад и застой в экономике Японии в этот период нередко называют периодом великой рецессии.

Следовательно, исходя из динамики и продолжительности средних циклов нет достаточных оснований утверждать, что во второй половине XX в. вследствие научно-технической революции и её влияния на динамику общественного воспроизводства произошло сокращение больших циклов конъюнктуры Н.Д. Кондратьева до 45–50 лет. Если бы это произошло, то прежде всего это отразилось бы на продолжительности средних циклов. Но их динамика сокращения и увеличения в понижительных волнах III и IV Большого цикла соотносится с динамикой средних циклов предшествующих «К-волн».

Распространение подобных взглядов, согласно которым происходит общее ускорение научно-технического прогресса и сокращение сроков внедрения новой техники, критикует и сам Г. Менш. На основе эмпирических данных он отмечает, что если такие явления и наблюдаются, то они относятся к улучшающим нововведениям. Сокращение времени внедрения новой базисной технологии происходит только внутри отдельных периодов и не затрагивает общую продолжительность длинной волны. Первые базовые нововведения очередной длинной волны осуществляются крайне медленно и мучительно. Очень немногие инвесторы решаются на этот шаг, предполагающий радикальное изменение сферы деятельности, налаживание новых производственных, сбытовых каналов. Значительные трудности заключаются в определении реакции рынка на нововведения. И только в процессе формирования благоприятных технологических условий

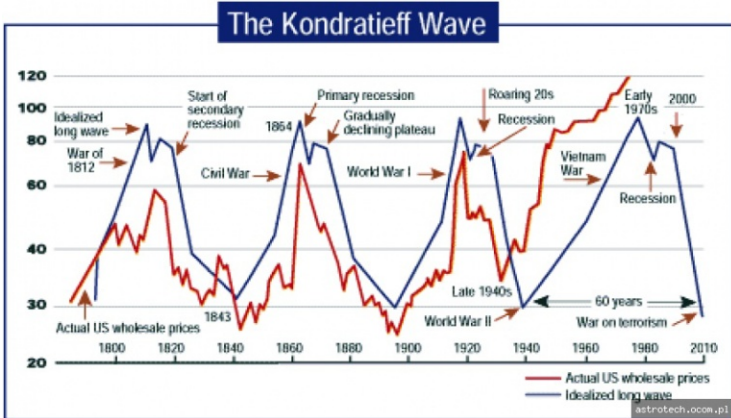
распространение нововведений ускоряется. Это объясняется снижением степени неопределенности и рисков в инвестиционной деятельности. Чем больше инвесторов втягивается в этот процесс, чем больше объем инвестиций концентрируется в нем, тем большие объемы они к себе притягивают.

Поэтому можно считать достаточно объективной оценку современного периода в развитии общественного производства экспертами Банка Великобритании, что в мировой экономике, в условиях современного мирового экономического кризиса, присутствуют основные признаки Великой депрессии II.

Наши расчеты в основном совпадают с диаграммой К-волн Я. Гордона.

Следовательно, реализация механизма формирования экономического цикла проходит в несколько этапов. При этом необходимо заранее определиться, что это деление чисто условное, так как в действительности слагаемые рассматриваемого механизма тесно связаны друг с другом, предполагая и обуславливая друг друга.

Диаграмма 3 Диаграмма К-волн Я. Гордона²⁶²

На первом этапе, основываясь на приспособлении образа мыслей и действий индивидов к природному и к социальному окружению, которое постепенно изменяется с развитием общества и экономических институтов, в условиях которых протекает человеческая жизнь. В этом процессе общественные институты являются особыми способами существования общества, которые и образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь, выступают действенным фактором отбора индивидов. Более того, они сами являются результатом процесса отбора и приспособления, формируют преобладающие, или господствующие типы отношений и духовную позицию. Поэтому изменение экономических институтов ведет к дальнейшему отбору индивидов с наиболее приспособленным складом характера, а также к приспособлению привычек и темперамента отдельных людей к изменяющемуся вследствие образования новых экономических институтов окружению.

В то же время институты общества меняются с изменением обстоятельств, так как по своей природе они служат способами реагирования на стимулы под влиянием изменяющихся обстоятельств. Поэтому развитие этих институтов под влиянием отношений между обществом и индивидами вследствие выполняемых ими функций определяет развитие самого общества.

Поэтому и динамика формирования институтов общества обусловлена существующими условиями под влиянием процесса принудительного отбора, действуя на формирование взглядов индивидов, изменяя или утверждая их позиции, унаследованные от прошлого. Поэтому, и прежде всего, общественные институты, отражая процессы приспособления к обстоятельствам прошлого, не в полной мере соответствуют требованиям настоящего времени, устаревают. Преодоление тенденции к устареванию заставляет общество делать новый шаг в своем развитии, изменяя ситуацию, которая требует нового приспособления.

На втором этапе, где индивид, являясь общим, объединяющим элементом системных качеств, выражая тенденцию эволюционирующей системы к сохранению, в то же время формирует и тенденцию к изменению на основе творчества, самореализации и природного отношения к восприятию новизны. Он, отражая тенденцию развивающихся систем к эволюции, осуществляет изменения, которые выступают необходимой составной частью общего эволюционного процесса. Являясь определяющей составляющей развивающихся систем, проявляя неадаптивные избыточные для этих систем формы активности, индивид определяет тенденцию к их изменению.

Эту тенденцию постоянно питают две составляющие.

Первая и важнейшая из них – сама природа, окружающая индивида. Многие открытия и изобретения,

направленные на совершенствование среды обитания индивидов, основаны на наблюдениях за живой природой, на существующих в природе и в живых существах примерах и формах и в значительной степени имитируют принципы и системы, воплощенные в них.

Одним из первых, кому пришла замечательная идея применения знаний о живой природе для решения инженерных задач, был великий художник и изобретатель эпохи Возрождения Леонардо да Винчи. Он оставил после себя не только прекрасные картины, удивительной точности анатомические рисунки, но и чертежи, наиболее известный из которых – чертеж летательного аппарата, содержащий целый ряд интересных инженерных решений.

Второй составляющей описываемой тенденции является развитие и последовательное накопление знаний о силах природы и о возможностях их использования. Развитие знаний во все возрастающей степени становится источником могущества людей. Посредством знаний человечеству предоставляется возможность овладеть силами природы. Поэтому по своему назначению познание должно быть направлено на познание естественных причинных связей явлений в природе, а средством этого выступают научные открытия и изобретения.

На третьем этапе, используются открытия и изобретения, которые обеспечивают существенно новый этап в развитии разделения труда, его специализации и кооперации, определяющих значительный рост производительности труда в этот период. Более того, на каждом новом этапе разделение труда само становится естественным следствием разрастания и усложнения техники. Способствуя материальному и интеллектуальному развитию, разделение труда усложняет и структуру материального производства, и структуру общества в целом.

В национальной экономике в период внедрения наиболее значимых для развития общественного воспроизводства открытий и изобретений происходит общее разделение труда вследствие отделения и обособления новых отраслей, формирования их внутренней структуры на основе частного внутриотраслевого и единичного разделения труда внутри организаций по технологическим, квалификационным и функциональным признакам.

Формирование новой структуры, обусловленное формированием новых отраслей и отраслей, обеспечивающих их развитие, формируют новый технологический кластер, который притягивает к себе значительную долю свободного капитала, что обеспечивает масштабность осуществляемых преобразований и формирование повышающей волны большого экономического цикла. Этот процесс определяет формирование новой структуры национальной экономики, где отрасли располагаются в соответствии с их значимостью в общественном воспроизводстве.

Соответственно, и структура общества изменяется, развивается, приспосабливается к изменяющейся обстановке. В соответствии с изменившимися условиями материального производства происходит дальнейшее развитие структуры и функций общества. Требуется формирование согласованности действий в масштабах общества к новым условиям. Новая ситуация приводит к изменению системы отношений между обществом и индивидами вследствие изменения выполняемых ими функций, что определяет развитие самого общества, которое требует нового приспособления к изменившимся условиям. Соответствующим образом требуется изменение и самих экономических институтов, что свидетельствует о начале формирования нового цикла социально-экономического развития.

Заключение

Осмысление тенденций развития человеческого общества и природы убеждает в возрастающей роли системных идей и представлений об окружающем нас мире. Идеи системности занимают все более значимое место в развитии современной науки, формируют более четкое представление о процессах, протекающих в сложных явлениях природы и общества, факторах обуславливающих их развитие и совершенствование. Возрастает роль системности в производственной и непроизводственной сферах деятельности человека. Системность во все большей степени становится востребованной в фундаментальных исследованиях, в сфере образования.

Системность, являясь всеобщим и неотъемлемым свойством материального мира, его биологических, физиологических и социальных организмов, представляется всеобщим и неотъемлемым свойством материи, её атрибутом, подобно таким её свойствам как отражение, движение, пространство и время. Определяя свойство упорядоченности движения в материальном мире и в общественном развитии, системность характеризует его организованную направленность в окружающей нас действительности. Расчлененность и структурированность материального бытия и общественного развития вследствие системности различных форм движения определяет его смысл и предназначение.

Важнейшее значение для понимания категории системности занимает понятие целостности, которое, будучи включено в системную концепцию обозначает важнейшее свойство систем, которое даже при самых высоких уровнях сложности и её жесткой структурной расчлененности сохраняет цепкую связь подсистем, что и обеспечивает системе возможность самосохранения,

самосовершенствования, саморазвития при неизменной качественной определенности.

Системность позволяет обнаруживать коренные, глубинные механизмы функционирования и развития сложных экономических процессов, обусловленных множеством факторов. В этой связи необходимо отметить, что в большинстве исследований отсутствует системный подход к проблеме экономической динамики. В определяющей степени динамика экономических циклов исследуется с конкретно-экономических позиций, без учета влияния действующих в жизни общества факторов на ее содержание и конкретные формы её проявления. В подходах к анализу процессов экономической динамики преобладает или исторический метод, связанный с формированием и развитием конкретных экономических циклов, или построение различного рода моделей с ограниченным числом переменных, существенно упрощающих взаимосвязи и взаимодействие элементов экономических систем.

В то же время процессы экономического взаимодействия усложняются. Возникают и развиваются их новые формы, в связи с чем, постоянно изменяется и структура экономических систем. Происходит ускорение экономических явлений и процессов, сокращается время взаимодействия элементов, что приводит к усилению плотности экономических отношений и скорости их изменений, к изменению форм проявления динамики.

Все вышеизложенное определяет состав и содержание рассматриваемой научной проблемы, которая состоит в недостаточной степени проработанности существующих концепций и теорий для понимания, объяснения содержательности и выявления перспектив развития экономической жизни общества, особенностей современных процессов экономической динамики и ее форм.

Знание общесистемных закономерностей и качеств современных процессов экономической динамики, форм её проявления в современных условиях является одним из важнейших условий формирования фундаментальных основ комплекса наук о сложных системах. Важнейшим направлением в создании данного комплекса выступает преодоление обособленности между сформировавшимися научными направлениями и переходе к исследованию системных механизмов, определяющих глубинные процессы общественной жизни и потенциал её развития.

Ориентация на использование системных закономерностей, заключенных в общественных процессах, позволяет полнее выявить научную и социальную ценность системного мышления, которое позволяет более полно определить взаимодействие и взаимное дополнение множества разрозненных, зачастую противодействующих друг другу факторов, в их единстве и функциональной целостности, обеспечивающих умножение совокупного системного эффекта.

Формирование системного мышления с его ориентацией на целостность, организованность обеспечит усиление и наращивание тенденций синтеза, интеграции и кооперации деятельности в научном познании общественных процессов, их прогнозировании и проектировании практики управления общественными процессами.

С возрастанием сложности, противоречивости, напряженности общественных процессов формирование системных подходов к их исследованию становится не просто желательным, а жизненно необходимым условием дальнейшего развития человеческого общества.

Список использованной литературы

1. ТРУДЫ КЛАССИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- 1.1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Прогресс, 1978. – 494 с.
- 1.2. Маркс К. Из рукописного наследства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 12. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 734.
- 1.3. Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 65. – С. 21.
- 1.4. Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 24. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 65.
- 1.5. Маркс К. К критике Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 19. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 20.
- 1.6. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 13. М.: Госполитиздат, 1961. – С. 7.
- 1.7. Маркс К. Наемный труд и капитал. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 133.
- 1.8. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 160.
- 1.9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 29.
- 1.10. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 46. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1961. – С. 27.
- 1.11. Макс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 47. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 285.

- 1.12. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 42. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 162–163.
- 1.13. Милль Дж. Основы политической экономии. Т. 1. – М.: Прогресс. 1980. – С. 494.
- 1.14. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Наука, 1993. – С. 130.
- 1.15. Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – С. 179.
- 1.16. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. // Соч. в 3 т. Т. 1. – М.: Госкомлитиздат. 1955. – С. 144.

2. КНИГИ, МОНОГРАФИИ, БРОШЮРЫ

- 2.1. Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методол. проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263с.
- 2.2. Анчишкин А.И. Наука-техника-экономика. – М.: Экономика, 1986. – 384 с.
- 2.3. Барт П. Философия истории как социология. – СПб.: Либроком, 2011. – 370 с.
- 2.4. Барулин В.С. Соотношение материального и идеального в обществе. – М.: Политиздат, 1977. – С. 105–106.
- 2.5. Бентам Ч. Избр. соч., Т. 1. – СПб: Рус. книж. Торговля. 1867. – С. 339.
- 2.6. Бляхман Л.С. Экономика научно-технического прогресса. – М.: Высшая школа, 1979. – 272 с.
- 2.7. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. – 304 с.
- 2.8. Большой энциклопедический словарь: В 2-х т.– М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 2. – С. 355.
- 2.9. Боуддинг К. Общая теория систем – скелет науки. В кн.: Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. М.: Прогресс. 1969. – С. 106–124.

- 2.10. Бурков В.Н., Новиков, Д.А. Как управлять проектами. – М.: Синтег. 1997. – 188 с.
- 2.11. Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. Репринтное воспроизведение издания 1925 года. – М.: Орбита, 1988. – 192 с.
- 2.12. Варшавский В.А., Поспелов Д.А. Оркестр играет без дирижера. Размышления об эволюции некоторых технических систем. – М.: Наука, 1984. – 208 с.
- 2.13. Вайдлих, В. Социодинамика // Системный подход к математическому моделированию в социальных науках. Пер с англ. / Под ред. Ю. С. Попкова, А.Е. Семечкин. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. – 480 с.
- 2.13. Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 576 с.
- 2.14. Вебер А. Теория размещения промышленности. – Л.-М.: Книга. 1926. – С. 27.
- 2.15. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
- 2.16. Велихов Е. П., Бетелин В. Б., Кушниренко А.Г. Промышленная политика, инновации, массовые информационные технологии, отечественные системообразующие компании. М.: Энергоиздат, 2007. – 100 с.
- 2.17. Волкова В.Н. «Из истории теории систем и системного анализа». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – 260 с.
- 2.18. Волкова В.Н. Системный анализ и принятие решений. М., Высшая школа, 2004. – 616 с.
- 2.19. Волкова В.Н., Денисова А.А., Основы теории систем и сложного анализа. СПб., СПбГПУ, 2004. – 520 с.

- 2.20. Воропаев В.И. Управление проектами в России. М.: Аланс. 1995. – 225 с.
- 2.21. Всемирная история экономической мысли. Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 606 с.
- 2.22. Всемирная история экономической мысли. Т. 2. – М.: Мысль, 1987. – 574 с.
- 2.23. Всемирная история экономической мысли. Т.3. – М.: Мысль, 1987. – 605 с.
- 2.24. Вторая Международная конференция «Системный анализ и информационные технологии». В 2 томах. Том 1: – С-Пб.: АКИ, 2007 г. – 288 с.
- 2.25. Вторая Международная конференция «Системный анализ и информационные технологии». В 2 томах. Том 2: – С-Пб.: АКИ, 2007. – 296 с.
- 2.26. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
- 2.27. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
- 2.28. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – 248 с.
- 2.29. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1972. – 371 с.
- 2.30. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
- 2.31. Гегель Г. Сочинения: Философия истории. Т. 8 – М – Л.; Соцэкгиз. 1935. – 470 с.
- 2.31. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с.
- 2.32. Глазьев С. Львов Д., Фетисов Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 1992. – 207 с.

- 2.33. Голик М.П. Анализ влияния научно-технического прогресса на эффективность промышленного производства. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 160 с.
- 2.35. Градов А.П. Резервы эффективности специализации производства. – Л.: Лениздат, 1983. – 136 с.
- 2.36. Гринин Л.Е. Производительные силы и исторический процесс. – Волгоград: Изд-во Учитель, 2003. – 272 с.
- 2.37. Гумилев Л.И. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: ЛГУ, 1989. – 495 с.
- 2.38. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1979. – 406 с.
- 2.39. Давыдов А.А. Системный подход в социологии: законы социальных систем. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- 2.40. Давыдов А.А. Системный подход в социологии: новые направления, теории и методы анализа социальных систем. – М.: КомКнига, 2005. – 328 с.
- 2.41. Давыдов А.А. Системная социология. Введение в анализ динамики социума. – М.: ЛКИ, 2010. – 248 с.
- 2.42. Дарвин Ч. Сочинения. – М.: Изд. АН СССР. 1959. – Т. 9. – С. 52.
- 2.43. Добрусин А.М., Ефимова Е.Г. Техника и труд: вчера, сегодня, завтра. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
- 2.44. Дрогобыцкий И.Н. Системный анализ в экономике. – М.: Финансы и статистика, 2007. – 512 с.
- 2.34. Дюркгейм Э., О разделении общественного труда. – Одесса, 1900. – С. 207.
- 2.35. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрополиграф, 2000. – С. 104.

- 2.36. Зинченко Г.И. Социальные проблемы научно-технической революции. – М.: Мысль, 1975. – 56 с.
- 2.37. Зомбарт В. Современный капитализм / В. Зомбарт. Т. 1: Введение. ... Ч. 1 / пер. с нем. Ст. Вольского. – М.-Л.: Госиздат, 1931. – 509 с.
- 2.38. Идеи Н.Д. Кондратьева и динамика общества на рубеже третьего тысячелетия. Материалы ко II Международной Кондратьевской конференции (Санкт-Петербург, 15–17 марта 1995 г.). – М.: ИЭ РАН, 1995. – 524 с.
- 2.39. Камаев В.Д. Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности. – М.: Мысль, 1972. – 261 с.
- 2.40. Капралов М.В. Тектологическое правило поведения самовоспроизводящихся систем. В кн.: Тектологический альманах. Выпуск I. Международный институт А. Богданова. – М.: Прогресс. 2000. – С. 121–127.
- 2.41. Карташев В. А. Система систем: Очерки общей теории и методологии – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 416 с.
- 2.42. Каутский К. Теории кризисов. – М.: Московский рабочий, 1923, – С. 39.
- 2.43. Козиков И.А. Диалектика социальной и научно-технической революции. – М.: Мысль, 1987. – 188 с.
- 2.44. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М.: Изд. Наркомзема «Новая деревня», 1922. – 352 с.
- 2.45. Кондратьев Н.Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. – Вологда: Изд. Вологодского Областного Отделения Государственного издательства, 1922. – 259 с.

- 2.46. Кондратьев Н.Д. Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта. – М.: Изд. Центросоюза, 1923. – 53 с.
- 2.47. Кондратьев Н.Д. М.И. Туган-Барановский. – Петроград.: Изд. «Колос», 1923. – 125 с.
- 2.48. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика. 2002. – С. 10.
- 2.49. Корнаи Я. Дефицит. – М.: Наука, 1990. – 607 с.
- 2.50. Корнаи Я. Путь к свободной экономике. – М.: Экономика, 1990. – 149 с.
- 2.51. Кузнецов О.А., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа-общество-человек: Устойчивое развитие. – М.-Дубна: – Издат. дом «Ноосфера», 2000. – 392 с.
- 2.52. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – М.: Политиздат, 1980. – 231 с.
- 2.53. Лавров Е.И., Капогузов Е.А. Экономический рост: теории и проблемы. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – 214 с.
- 2.54. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
- 2.55. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело, 2003. – 520 с.
- 2.56. Любимцева С.В. Трансформация экономических систем. – М.: Экономистъ, 2003. – С. 51–52.
- 2.57. Макаров В.А., Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний. – М.: Экономика, 2007. – 204 с.
- 2.58. Маршалл А. Принципы экономической науки: Пер. с англ. Т. 1. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 416 с.

- 2.59. Маршалл А. Принципы экономической науки: Пер. с англ. Т. 2. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 310 с.
- 2.60. Маршалл А. Принципы экономической науки: Пер. с англ. Т. 3. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 310 с.
- 2.61. Майр Э. Эволюция. – М.: Мир, 1981. – С. 11–31.
- 2.62. Мендель Г. Опыты над растительными гибридами // Тр. Бюро по прикладной ботанике, 1910. – Т. 3. – № 11. – С. 479–529.
- 2.63. Меньшиков СМ., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. – М.: Междун. отн., 1989. – 272 с.
- 2.64. Милль Дж. С. Основы политической экономии. Т. 3. – М.: Прогресс, 1981. – 447 с.
- 2.65. Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catalaxu», 1994. – С. 223.
- 2.66. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – М.: Экономика, 2000. – С. 137.
- 2.67. Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. – СПб., 1894. – С. 165.
- 2.68. Менгер К. Основания политической экономии. – Одесса, 1903. – С. 251–253.
- 2.69. Могилевский В.Д. Методология систем. – М.: «Экономика», 1999. – С. 7–8.
- 2.70. Новиков, Д.А. Стимулирование в социально-экономических системах (базовые математические модели). М.: ИПУ РАН. 1998. – 216 с.
- 2.71. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. – 180 с.

- 2.72. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. – М.: МГУ. Издательство «ДИС», 1997. – С. 67.
- 2.72. Омаров А.М. Управление и человек. – М.: Политиздат, 1989. – 80 с.
- 2.73. Основы функционирования экономической системы. – М.: Высшая школа, 1991. – 231 с.
- 2.74. Петражицкий Л.И. «Акции. Биржевая игра и теория экономических кризисов» Том 1. – С.-Пб, 1911, – 65 с.
- 2.75. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П., Введение в системный анализ. – М.: Высшая школа, 1989. – 367 с.
- 2.76. Переходы и катастрофы: опыт социально-экономического развития. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.- 192 с.
- 2.77. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: РОУ, 1992. – С. 25.
- 2.78. Пигу А.С. Экономическая теория благосостояния. Т. 2. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
- 2.79. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
- 2.80. Пригожий И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
- 2.81. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 333–335.
- 2.79. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
- 2.80. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания – М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.

- 2.81. Садовский В.Н. История создания, теоретические основы и судьба эмпириомонизма А.А. Богданова. – М.: «Республика», 2003. – 400 с.
- 2.82. Садовский В.Н. Людвиг фон Берталанфи и развитие системных исследований в XX веке. / Системный подход в современной науке. – М.: «Прогресс-Традиция», 2004. – 560с.
- 2.83. Седов Е.А. Части и целое в биосистемах: чего не знал Л. фон Берталанфи. / Системный подход в современной науке. – М.: «Прогресс-Традиция», 2004. – 560 с.
- 2.84. Сетров М.И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем. / Уч. записки кафедр общественных наук ВУЗов Ленинграда. Серия «Философия», вып. 8. – Л., 1967.
- 2.85. Симпсон Дж. Великолепная изоляция. История млекопитающих Южной Америки: Пер. с англ. – М.: Мир, 1983. – 256 с.
- 2.86. Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. – М.: УРСС, 2009. 296 с.
- 2.87. Сорокин Питирим А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
- 2.88. Спенсер Г. Социальная статика. – СПб. изд-во В. Врублевского, 1906. – С. 78.
- 2.89. Спенсер Г. Основные начала. Т. 1 – СПб.: 1899. – С. 312.
- 2.90. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа: Учеб. пос. – СПб.: Бизнес-пресса, 2000. – С. 8.
- 2.91. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез). – М.: Иссл. центр проблем кач. подг. спец-ов, 1994. – 168 с.

- 2.92. Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ. – К.: МАУП, 2003. – 368 с.
- 2.93. Тарасевич В.Н. Экономические парадигмы и парадигмальные теории. – Днепропетровск.: Січ, 1995. – 159 с.
- 2.94. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Прогресс, 1965. – С. 232.
- 2.95. Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
- 2.96. Труды Международного симпозиума «Совет – 99» 1999 г. – М.: Синтег, 1999. – С. 112–115.
- 2.97. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересм. изд. – Смоленск. Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 199.
- 2.98. Туган-Барановский М.И. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. С.-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1894. – 512 с.
- 2.98. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. – М.: Экономика, 1989. – 496 с.
- 2.99. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. – 272 с.
- 2.100. Уёмов А.И. Л. фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем. В кн.: Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс-Традиция», 2004. – 560с., – С. 37–52.
- 2.101. Уотермен Р. Фактор обновления. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 368 с.
- 2.102. Харрод Р. К теории экономической динамики. Новые выводы экономической теории и их применение в экономической политике. – М.: ИЛ, 1959. – 212 с.

- 2.103. Хайек Ф., фон Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: «Новости» при участии изд-ва «Catallaxu». 1992. – С. 46.
- 2.104. Хейне П. Экономический образ мышления: Пер. с англ. – М.: Дело, 1992. – 704 с.
- 2.105. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. – М.: Прогресс, 1988. – 488 с.
- 2.106. Цаголов Н.А. Вопросы методологии и системы политической экономии. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.
- 2.107. Человеческий фактор ускорения научно-технического прогресса. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1987. – 160 с.
- 2.108. Черемисинов Г.А. Большие циклы в экономике: исторический опыт, теоретические модели и государственная политика. – Саратов: СГПИ, 1993. – 55 с.
- 2.109. Черняк В.К., Якуша Ю.Г., Супрун В.П. и др. Экономические противоречия и их разрешение. – Киев: Наук. думка, 1991. – 279 с.
- 2.110. Чубаренко А.И., Шалимов В.Е., Колесников А.С. Экономическое управление научно-техническим прогрессом. – М.: Экономика, 1985. – 344 с.
- 2.111. Шаршов И.С. Новое качество экономического роста: сущность и факторы ускорения. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1990. – 179 с.
- 2.112. Шичкин П.В. Методологические основы организационно-экономического проектирования системы управления объединением (предприятием) – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – 156 с.

- 2.113. Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. – М.: МГУ, 1973. – С. 48.
- 2.114. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории: Пер. с англ. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 688 с.
- 2.115. Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 396 с.
- 2.116. Штеренберг М.И. Начала содержательной теории систем / Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с.
- 2.117. Штейнен К. Среди первобытных народов Бразилии. – М.: Молодая гвардия. 1935. С. 102.
- 2.118. Штракс Г.М. Социальное противоречие. – М.: Мысль, 1977. – 158 с.
- 2.119. Штракс Г.М., Штракс М.Г. Диалектика формирования научных убеждений. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 168 с.
- 2.120. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
- 2.121. Эволюционный подход и проблемы переходной экономики (Доклады и выступления участников международного симпозиума, г. Пущино, 12–15 сентября 1994 г.). – М.: ИЭ РАН, 1995. – 274 с.
2. 122. Фергюсон, А. Опыт истории гражданского общества. М.: ВЕЧЕ, 2000. – 567 с.
- 2.123. Флекснер К.Ф. Просвещенное общество. Экономика с человеческим лицом: Пер. с англ. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 304 с.
- 2.124. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте

- биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. – М.: Русский Двор, 1998. – 256 с.
- 2.125. Фромм Э. Из плена иллюзий / Фром Э. Душа человека. – М.: АСТ, 1998. – С. 583–584.
- 2.126. Эклунд К. Эффективная экономика: шведская модель: Пер. со швед. – М.: Экономика, 1991. – 349 с.
- 2.127. Экспериментальное решение одной эволюционной проблемы // Тр. 3-го Всерос. съезда зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде 14–20 дек. 1927 г. – Л., 1928. – С. 52–54.
- 2.128. Энтропийные и другие системные закономерности. Вопросы управления сложными системами. – М.: Наука, 2003 г. – 432 с.
- 2.129. Яковец Ю.В. Великая научная революция XXI века. – М.: МИСК, 2010. – 76 с
- 2.130. Яковец Ю.В. Закономерности научно-технического прогресса и их планирование. – М.: Экономика, 1984. – 240 с.
- 2.131. Яковец Ю.В. История цивилизаций. – М.: Владар, 1995. – 461 с.
- 2.131. Яковец Ю.В. Революция в экономике: ключевые проблемы, противоречия, перспективы перестройки. – М.: Экономика, 1990. – 191 с.
- 2.132. Яковец Ю.В. Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России. – М.: Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 1994. – 148 с.
- 2.133. Яковец Ю.В. Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм. – М.: Экономика, 1988. – 333 с.
- 2.134. Яковец Ю.В., Кузык Б.Н. Ответ на вызовы XXI веке – становление интегральной цивилизации. – М.: ИНЭС, 2009. – 96 с.

- 2.135. Яковец Ю.В., Кузык Б.Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том 6. Перспективы становления интегральной цивилизации (сокращенная версия). – М.: ИНЭС, 2009. – 160 с.
- 2.136. Юм Д. Сочинения. Т. 2. – М.: Мысль, 1965. – 686 с.

3. СТАТЬИ В СБОРНИКАХ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

- 3.1. Аврамов Р. Теория длинных волн: исторический контекст и методологические проблемы // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. С. 63, Алтухов Ю.П. Монолог о генетике // Человек, № 6, 2003. – С. 8–19.
- 3.2. Алтухов В. Экономические противоречия и их познание // Вопросы экономики. – 1987. – № 2. – С. 77–83.
- 3.3. Анчишкин А. Новое качество экономического роста // Вопросы экономики. – 1986. – № 9. – С. 3–14.
- 3.4. Амосов А. Инфляция и кризис: пути выхода // Вопросы экономики. – 1992. – № 2. С. 13–21.
- 3.5. Ананьин О. Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. С. 81–99.
- 3.6. Асмолов А.Г. Основные принципы психологического анализа в теории деятельности // Вопр. психол. 1982. № 2. С. 14–27.
- 3.7. Лукуционек С.П. О теориях неравномерности технического прогресса. // Экономика и математические методы. 1986. Т. XXII. Вып. 5. С. 806.
- 3.8. Балацкий Е. Циклические закономерности структурного развития экономики // Российский экономический журнал. – 1993. – № 7. – С. 60–69.

- 3.9. Баранцев Р. Г., Системная триада – структурная ячейка синтеза // Системные исследования. Ежегодник. М., 1989. – С. 193–210.
- 3.10. Белоусов А. Системный кризис как вызов российскому обществу // Проблемы прогнозирования. – 1998 – № 2. – С. 30
- 3.11. Бернштейн Н., «Теория рынка Маркса и М.И. Туган-Барановского» // Вопросы обществоведения, III. 1910.
- 3.12. Богачев В. Кризис и рынок // Экономические науки. – 1991. – № 12. – С. 49–55.
- 3.13. Бялый И.О. О противоречиях в экономике (Из публикации 20-х годов) // Экономист. – 1991. – № 4. – С. 123–128.
- 3.14. Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей // Эволюция психических способностей по чистым и смешанным линиям. Вып. 7. Л., 1928. – 50 с.
- 3.15. Ван Дейн Я. В какой фазе кондратьевского цикла мы находимся? // Вопросы экономики. 1992. – № 10. – С. 79–80.
- 3.16. Возняк В. Общественное развитие и экология: взаимосвязь, противоречия, кризисы // Вопросы экономики. – 1995. – № 2. – С. 129–138.
- 3.17. Воронцов Н. Н. Синтетическая теория эволюции: ее источники, основные постулаты и нерешенные проблемы // Журн. Всес. хим. о-ва им. Д. И. Менделеева. – 1980. – Т. 25. – № 3. – С. 293–312.
- 3.18. Герценштейн А. Н. Д. Кондратьев и Д.И. Опарин «Большие циклы конъюнктуры» // Большевик. 1928. – № 17–18. – С. 144–152.
- 3.19. Глазьев С. К эффективной модели управления научно-техническим прогрессом // Экономические науки. – 1990. – № 11. С. 22–28.

- 3.20. Глазьев С. Закономерности социальной эволюции // Российский экономический журнал. – 1993. – № 8. – С. 71–76.
- 3.21. Голендо М.С. Выступление в прениях по докладу Н.Д. Кондратьева (НК Зем.) В пленарном заседании Президиума Госплана СССР. 4 июля 1925 г. // Плановое хозяйство. – 1925. – № 8. С. 135–137.
- 3.22. Горохов В.Г., Симоненко О.Д. Социальные и методологические проблемы новой техники и технологии // Вопросы философии. 1988. – № 1. С. 48–55.
- 3.23. Готлобер В., Молочников М., Александрии Ю. Интеллектуализация трудовых процессов и изменение соотношений функций совокупного работника общества // Экономические науки. – 1986. – № 12. С. 51–55.
- 3.24. Гринченко С.Н. 2001б. О механизме иерархической оптимизации как инвариантном «каркасе» моделей суперсложных систем // Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика-2001. Материалы пятой юбилейной Международ. научно-практ. конф. Москва, 3–4 июля 2001 г., том 2. М.: ИПУ РАН. С. 128–136.
- 3.25. Гринченко С.Н. 2003б. Иерархическая адаптивная поисковая оптимизация – базисный инструментарий моделирования природных и общественных систем // Вторая международ. конф. по проблемам управления (17–19 июня 2003 года): Избранные труды в 2-х томах. Том 1. М.: ИПУ РАН, С. 190–197.
- 3.26. Дагаев А. Конкуренция и кооперация в области передовых технологий // Проблемы теории и практики управления. – 1994. – № 2. – С. 85–89.
- 3.27. Дементьев В.Е., Олевская Е.М. «План Маршалла»: взгляд из сегодняшней России // Российский экономический журнал. № 8, 1993. – С. 81–86.

- 3.28. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии. – М.: Сов. Радио, 1976 – С. 24.
- 3.29. Дубинин Н. П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. – № 11. – С. 62–74.
- 3.30. Дубинин Н. П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 67.
- 3.31. Дубинин Н. П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 64, 68.
- 3.32. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Социально-экономический кризис как кризис государственной социалистической собственности // Вопросы экономики. – 1990. – № 2. – С. 52–61.
- 3.33. Журавлева Т.А. Налоги как системообразующий фактор экономического развития // Финансы и кредит. – № 4. – 2004. – С. 47–49.
- 3.34. Зенькова Л.П. Инвестиционная теория циклов и трансформационная экономика Беларуси // Проблемы управления, № 1, 2006. – С. 6–11.
- 3.35. Иохин В. Общественное разделение труда в условиях НТР // Вопросы экономики. – 1985. – № 2. – С. 24–33.
- 3.36. Катунин В.А. Парадоксы неоклассического исследования природы частной собственности в современном рыночном хозяйстве // Экономика и управление: Российский научный журнал / гл. ред. В. А. Гневко.– 2009.– № 12(50). – С. 36–40.
- 3.37. Кац И. Планирование – системообразующий элемент государственного регулирования экономики. // Проблемы теории и практики управления – № 3. – 1997.
- 3.38. Кириченко В. Детонаторы кризиса производства // Экономист. – 1992. – № 2. – С. 3–13.
- 3.39. Ковальзон М.Я. Материалистическое понимание истории и деятельностная проблематика // Вопр. философ. 1985. № 3. С. 33–36.

- 3.40. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики, 2002, – № 4. – С. 10–12.
- 3.41. Кондратьев Н.Д. К вопросу о больших циклах конъюнктуры // Плановое хозяйство. – 1926. – № 8. – С. 231–241.
- 3.42. Кузьмин С. Социальный кризис и экономическая депрессия // Экономист. 1993. – № 9. – С. 29–34.
- 3.43. Лазуренко С. Проблемы долговременных колебаний экономической динамики // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. – С. 69–75.
- 3.44. Латышева Г., Радаев В. и др. Экономическая теория на пути к новой парадигме: методология подхода // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. – С. 100–112.
- 3.45. Лобанова Е. Прогнозирование с учетом цикличности экономического роста // Экономические науки. – 1991. – № 1. – С. 12–19.
- 3.46. Логинов В. Экономический рост и научно-технический прогресс // Вопросы экономики. – 1987. – № 8. – С. 20–29.
- 3.47. Логинов В. Есть ли выход из кризиса? // Вопросы экономики. – 1990. – № 4. – С. 3–13.
- 3.48. Лукашевич И. Развитие идей Н.Д. Кондратьева в теориях длинных волн нововведений // Вопросы экономики. – 1992. – № 3. – С. 16–25.
- 3.49. Львов Д. Закономерности технико-экономического развития и их деформации // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. – С. 31–38.
- 3.50. Маевский В. О характере длинных волн // Вопросы экономики. – 1992. – № 6. – С. 17–25.
- 3.51. Маевский В. Экономическая эволюция и экономическая генетика // Вопросы экономики. 1994. – № 5. – С. 4–20.

- 3.52. Моуги Р. Развитие процесса длинноволновых колебаний // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. – С. 76–78.
- 3.53. Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность (по материалам Международной научной конференции) // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. – С. 154–158.
- 3.54. Нижегородцев Р. Логика экономического кризиса // Вопросы экономики. – 1995. – № 1. – С. 155–158.
- 3.55. Общественные науки и современность. 1998. № 6. – С. 5–26.
- 3.56. Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры проф. Кондратьева // Плановое хозяйство. – 1926. – № 5. – С. 148–159.
- 3.57. Осипов Ю.М. Переходные кризисные процессы и их отражение в социально-экономической науке (доклад на международной конференции «Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность») // Вестник Московского университета. – Серия 6. – Экономика. – 1992. – № 5. – С. 73–77.
- 3.58. Перламутров В. Еще раз о траектории кризисного развития // Российский экономический журнал. – 1994. – № 5–6. – С. 14–23.
- 3.59. Прангишвили И. В. Системный подход, системное мышление и энтропизация фундаментальных знаний // Пробл. управл. № 1, 2003. – С. 3–7.
- 3.60. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 40–56.
- 3.61. Полетаев А.В., Савельева И.М. Длинные волны в развитии капитализма // Мировая экономика и международные отношения, 1988. – № 5. – С. 76.

- 3.62. Радаев В. Подходы к изучению человека в социальной теории (статья первая цикла «Экономическая социология») // Российский экономический журнал. – 1994. – № 8. – С. 71–78.
- 3.63. Радаев В. Что изучает экономическая социология // Российский экономический журнал. – 1994. – № 9. – С. 49–55.
- 3.64. Рязанов В. Реформы и циклы модернизации российской экономики // Российский экономический журнал. – 1992. – № 10. – С. 69–78.
- 3.65. Смирнова Е.Е., Недзвецкая Н.П. Современные кризисные процессы в социально-экономическом развитии: содержание, перспективы, последствия // Вестник Московского университета. – Серия 6. – Экономика. – 1992. – № 5. – С. 77–86.
- 3.66. Смирнов Б. Противоречия технологического развития // Российский экономический журнал. – 1993. – № 10. – С. 79–88.
- 3.67. Тахтаджян А.А. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. Ежегодник 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 200–277.
- 3.68. Томилов В. Формирование организационной культуры экономических систем // Проблемы теории и практики управления. 1995. № 1. – С. 69–73.
- 3.69. Тюплин А.А. Территориальное экономическое поведение: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03. – М.: 2010.
- 3.70. Уемов А.И. Карл Поппер. Объективное знание. Эволюционный подход // Вопросы философии, 2003. – № 8.
- 3.71. Хайек Ф. Безработица и денежная политика. Правительство как генератор «делового цикла» // Экономические науки. – 1991. – № 11. – С. 57–66.

- 3.72. Цыганов В. В., Багамаев Р. А. Механизмы формирования центров капитала // Пробл. управл., № 5, 2005. – С. 51–54.
- 3.73. Яковец Ю. Духовные блага в общественном воспроизводстве настоящего и будущего // Экономические науки. – 1991. – № 3. С. 3–10.
- 3.74. Яковец Ю. Инфляционная волна: причины, следствия, противодействие // Вопросы экономики. – 1989. – № 9. – С. 26–32.
- 3.75. Яковец Ю. Становление постиндустриальной цивилизации // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. – С. 18–25.

4. ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- 4.1. Berle Adolf A., Means Gardiner C. The Modern Corporation and Private Property – N.Y., 1934. – P. 47, 220, 221, 231, 233.
- 4.2. Burns A.F. and Mitchell W.C. Measuring Business Cycles, National Bureau of Economic Research. N. Y., 1946. – P. 480.
- 4.3. Csanyi V. General Theory of Evolution. Budapest, 1982. – P. 97.
- 4.4. Francis A. Company objectives, managerial motivation and the behaviour of large firms: an empirical test of the theory of «managerial» capitalism // Cambridge journal of economics, – N 4. – 1980.
- 4.5. Laszlo, A. Evolutionary Systems Design: A Praxis for Sustainable Development // OTASC, 2003 . V. 1. – № 1 – P. 29–46
- 4.6. Laszlo K.C. Evolving Development: An evolutionary perspective on development for an interconnected world // World Futures, 2003. V. 59, – № 2.
- 4.7. Mokyr J. The Lever of Riches. – New York and Oxford: Oxford University Press, 1990. – P. 82.

- 4.8. Moore W.E. Social Change. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1974. – P. 34–46.
- 4.9. Rosenberg N. Perspectives on Technology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 353 p.
- 4.10. Wallis John J. and Douglass C. North. Measuring the Transaction Sector in the American Economy. In S.L. Engerman and R.E. Gallman, (eds.), Long Term Factors in American Economic Growth – Chicago: University of Chicago Press, 1986. – P. 173.
- 4.11. Wails J. J. and North D.C. Integrating Institutional Change and Technical Change in Economic History: A Transaction Cost Approach.// Journal of Institutional and Theoretical Economics, 150 (1994): 4. – PP. 609–624.

5. ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- 5.1. http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:tUGDHK3zdpIJ:www.finansy.ru/st/post_1274934782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D
- 5.2. http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:tUGDHK3zdpIJ:www.finansy.ru/st/post_1274934782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D
- 5.3. http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:tUGDHK3zdpIJ:www.finansy.ru/st/post_1274934782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D
- 5.4. http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:tUGDHK3zdpIJ:www.finansy.ru/st/post_1274934782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D

- 5.5. [http://webcache.googleusercontent.com/search?q = cache :tUGDHK3zdpIJ:www.finansy. ru/st/ post_127 493 4782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1 % 82 % D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0% B 1% D](http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:tUGDHK3zdpIJ:www.finansy.ru/st/post_1274934782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D)
- 5.6. <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/183.html>
- 5.7. [http://www.mirkin.ru/_docs/_dumnaya/ neravno mer. pdf](http://www.mirkin.ru/_docs/_dumnaya/neravno mer.pdf)
- 5.8. [http://www.mirkin.ru/_docs/_dumnaya/neravno mer.pdf.](http://www.mirkin.ru/_docs/_dumnaya/neravno mer.pdf)
- 5.9. [www.socio.msu.ru/documents/science/theses/ D. 50 1 .../ th.2008-04-25-1.rtf](http://www.socio.msu.ru/documents/science/theses/D.501.../th.2008-04-25-1.rtf)
- 5.10. <http://ej.kubagro.ru/2007/09/pdf/10.pdf>
- 5.11. http://www.lib.csu.ru/vch/7/2005_01/004.pdf
- 5.12. [http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/ philoso phy/ popper.html](http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html)
- 5.13. [http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/ philoso phy/ popper.html](http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html)
- 5.14. [http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/ philoso phy/ popper.html](http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html)
- 5.15. [http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/ philoso phy/ popper.html](http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html)
- 5.16. [http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/ philoso phy/ popper.html](http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html)
- 5.17. [http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/ philoso phy/ popper.html](http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html)
- 5.18. <http://www.wider.unu.edu/>

Примечания и комментарии

¹ Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – С. 179.

² Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – С. 37.

³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. – С. 151.

⁴ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. // Соч. В 3 т. Т. 1. М.: Госкомлитиздат, 1955. – 238 с.

⁵ Там же. – С. 144

⁶ Там же. – С. 150

⁷ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т. 13. – С. 7.

⁸ Маркс К и Энгельс Ф. Статьи из «Neue zeitung» // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд. Т. 6. – С. 441.

⁹ Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 13 – С. 7.

¹⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. – 180 с.

¹¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46, ч. I. – С. 17- 48.

¹² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Там же. Т. 46, ч. I. – С. 27.

¹³ Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23 – С. 21.

¹⁴ Фромм Э. Из плена иллюзий // Фромм Э. Душа человека – М.: АСТ, 1998. – С. 583–584.

¹⁵ Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 576 с.

¹⁶ Зомбарт В. Современный капитализм / В. Зомбарт. Т. 1: Введение. ... Ч. 1. – М.-Л.: Госиздат, 1931. – 509 с.

¹⁷ Зомбарт В. Современный капитализм / В. Зомбарт. Т. 1: Введение. ... Ч. 1. – М.-Л.: Госиздат, 1931. – 509 с.

¹⁸ Тахтаджян А.Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. Ежегодник 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 200–277.

¹⁹ Сетров М.И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем. /Уч. Записки кафедр общественных наук ВУЗов Ленинграда. Серия «Философия», вып. 8. – Л., 1967 – С. 59.

²⁰ Moore W.E. Social Change. – Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1974. – P. 34–46.

²¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., Наука, 1993. С. 130.

²² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Наука, 1993. – С. 130.

²³ Юм Д. Сочинения, Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 513.

²⁴ Там же, С. 604.

²⁵ Хайек Ф., фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости при участии изд-ва «Catallaxu». 1992. – С. 46.

²⁶ Спенсер Г. Социальная статика. – СПб., изд-во В. Врублевского, 1906. – С. 78.

²⁷ Спенсер Г. Основные начала. Т. 1 – СПб.: Цинзерлинг, 1899. – С. 312.

²⁸ Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. – СПб.: Цинзерлинг, 1894. – С. 165.

²⁹ Менгер К. Основания политической экономии. – Одесса: А. Хакаловский, 1903. – С. 251–253.

³⁰ Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. – СПб.: Цинзерлинг, 1894. – С. 165.

³¹ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaxu», 1994. – 416 с.

³² Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaxu», 1994. – С. 80.

³³ Мизес, Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaxu», 1994. – С. 90.

³⁴ Там же – С. 203.

³⁵ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaxu», 1994. – С. 206 .

³⁶ Мизес, Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaxu», 1994. – С. 207.

³⁷ Мизес, Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaxu», 1994. – С. 207.

- ³⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – Одесса: тип. Г.М. Левинсона, 1900. – С. 207.
- ³⁹ Штейнен К. Среди первобытных народов Бразилии. – М.: Молодая гвардия, 1935. – С. 102.
- ⁴⁰ Рикардо Д. Сочинения. – М.: ОГИЗ. Госполитиздат. 1941. – С. 72.
- ⁴¹ Милль Дж. Основы политической экономии. Т. 1. – М.: Прогресс, 1980. – С. 494 .
- ⁴² Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaху», 1994. – 416 с.
- ⁴³ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaху», 1994. – С. 214.
- ⁴⁴ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaху», 1994. – С. 216.
- ⁴⁵ Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 133.
- ⁴⁶ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaху», 1994. – С. 217.
- ⁴⁷ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: «ВЕЧЕ», 2000. – 567 с.
- ⁴⁸ Барт П. Философия истории как социология. – СПб.: Либроком, 2011. – 370 с.
- ⁴⁹ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: «Catallaху», 1994. – С. 217.
- ⁵⁰ Маркс К. К критике Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. – С. 20.
- ⁵¹ Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 4. – С. 160.
- ⁵² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – Одесса: тип. Г.М. Левинсона, 1900. – С. 325.
- ⁵³ Бентам Ч. Избр. соч. Т. 1. – СПб: Рус. книж. Торговля, 1867. – С. 339.
- ⁵⁴ Вебер А. Теория размещения промышленности. – Л.-М.: Книга. 1926. – С. 27.
- ⁵⁵http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:tUGDНК3zdpIJ:www.finansy.ru/st/post_1274934782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D
- ⁵⁶ Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методол. проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263с.

⁵⁷ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

⁵⁸ Шичкин П.В. Методологические основы организационно-экономического проектирования системы управления объединением (предприятием) – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – 156 с.

⁵⁹http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:tUGDNK3zdpIJ:www.finansy.ru/st/post_1274934782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D

⁶⁰http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:tUGDNK3zdpIJ:www.finansy.ru/st/post_1274934782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D

⁶¹ Там же.

⁶²http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:tUGDNK3zdpIJ:www.finansy.ru/st/post_1274934782.html+%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D

⁶³ Кац И. Планирование – системообразующий элемент государственного регулирования экономики. // Проблемы теории и практики управления – № 3. – 1997.

⁶⁴ Журавлева Т.А. Налоги как системообразующий фактор экономического развития // Финансы и кредит. № 4. 2004. С. 47–49.

⁶⁵ Труды Международного симпозиума «Совет-99» 1999 г. – М.: 1999. – С. 112–115.

⁶⁶ Бурков В.Н., Новиков Д.А. Как управлять проектами. – М.: СИНТЕГ – ГЕО. 1997. – 188 с.

⁶⁷ Воропаев В.И. Управление проектами в России. – М.: Аланс. 1995. – 225 с.

⁶⁸ Новиков, Д.А. Стимулирование в социально-экономических системах (базовые математические модели). – М.: ИПУ РАН. 1998. – 216 с.

⁶⁹ Велихов Е. П., Бетелин В. Б., Кушнirenко А. Г. Промышленная политика, инновации, массовые информационные технологии, отечественные системообразующие компании. – М.: Энергоиздат, 2007. – 100 с.

⁷⁰ Велихов Е. П., Бетелин В. Б., Кушниренко А. Г. Промышленная политика, инновации, массовые информационные технологии, отечественные системообразующие компании. – М.: Энергоиздат, 2007. – С. 20–21

⁷¹ Велихов Е. П., Бетелин В. Б., Кушниренко А. Г. Промышленная политика, инновации, массовые информационные технологии, отечественные системообразующие компании. – М.: Энергоиздат, 2007. – С. 57–58

⁷² <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/183.html>

⁷³ http://www.mirkin.ru/_docs/_dumnaya/neravnomer.pdf

⁷⁴ http://www.mirkin.ru/_docs/_dumnaya/neravnomer.pdf

⁷⁵ www.socio.msu.ru/documents/science/theses/D.501.../th.2008-04-25-1.rtf

⁷⁶ Общественные науки и современность. – 1998. – № 6. – С. 5–26.

⁷⁷ Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. – М.: Прогресс, 1988. С. 278, 279, 283.

⁷⁸ Там же. – С. 441.

⁷⁹ Там же. – С. 270.

⁸⁰ Кейнс Дж. М. Общественная теория занятости, процента и средств. – М.: Прогресс, 1978. – С. 199–200.

⁸¹ Там же. – С. 368–369.

⁸² Там же. – С. 184, 378, 379, 385.

⁸³ Кейнс Дж. М. Общественная теория занятости, процента и средств. – М.: Прогресс, 1978. С. 290–291.

⁸⁴ Там же. – С. 453.

⁸⁵ <http://ej.kubagro.ru/2007/09/pdf/10.pdf>

⁸⁶ Катунин В.А. Парадоксы неоклассического исследования природы частной собственности в современном рыночном хозяйстве // Экономика и управление: Российский научный журнал. – 2009. – N12(50). – С. 36–40.

⁸⁷ Шкрядов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. – М.: МГУ, 1973. – С. 48.

⁸⁸ http://www.lib.csu.ru/vch/7/2005_01/004.pdf

⁸⁹ Белоусов А. Системный кризис как вызов российскому обществу // Проблемы прогнозирования. – 1998 – № 2. – С. 30.

⁹⁰ Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 2. – С. 355.

⁹¹ Любимцева С.В. Трансформация экономических систем. – М.: Экономика, 2003. – С. 51–52

⁹² Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. / Науч. ред. проф. А.В. Сидорович. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Издательство «ДИС», 1997. – С. 67.

⁹³ Могилевский В.Д. Методология систем. – М.: «Экономика», 1999. – С. 7–8.

⁹⁴ Там же. – С. 18.

⁹⁵ Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход. – М. Экономика, 1999. – С. 97.

⁹⁶ Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии. – М.: Сов. Радио, 1976. – С. 24.

⁹⁷ Csanyi V. General Theory of Evolution. Budapest, 1982. – P. 97.

⁹⁸ Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело, 2003. – 520 с.

⁹⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., Т. 46, ч. 1.

¹⁰⁰ Маркс К. Капитал. Том II. Книга II: Процесс обращения капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. 2-е изд. – М.: Госполитиздат. 1961. – С. 351–352.

¹⁰¹ Гегель Г. Сочинения: Философия истории. Т. 8. – М – Л.: Соцэкгиз, 1935. – 470 с.

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Избр. соч.: В 9 т. Т. 2. – С. 19–38.

¹⁰³ Дарвин Ч. Сочинения. Т 9. – М.: Изд. АН СССР. 1959. том 9. – С. 166–242.

¹⁰⁴ Мендель Г. Опыты над растительными гибридами // Тр. Бюро по прикладной ботанике, 1910. – Т. 3. – № 11. – С. 479–529.

¹⁰⁵ Экспериментальное решение одной эволюционной проблемы // Тр. 3-го Всерос. съезда зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде 14–20 дек. 1927 г. – Л.: 1928. – С. 52–54.

¹⁰⁶ Воронцов Н. Н. Синтетическая теория эволюции: ее источники, основные постулаты и нерешенные проблемы // Журн. Всес. хим. о-ва им. Д. И. Менделеева. – 1980. – Т. 25. – № 3. – С. 293–312.

¹⁰⁷ Майр Э. Эволюция. – М.: Мир. 1981. – С. 11–31.

¹⁰⁸ Симпсон Дж. Великолепная изоляция. История млекопитающих Южной Америки: Пер. с англ. – М.: Мир, 1983. – 256 с.

¹⁰⁹ Шмальгаузен И. И. Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). – М.-Л., – Изд-во АН СССР. 1946. – 396 с.

¹¹⁰ Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.

¹¹¹ Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания – М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.

¹¹² Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.

¹¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., 2 изд., Т. 3. – С. 29

¹¹⁴ Там же. – С. 449.

¹¹⁵ Энгельс Ф. Диалектика природы// Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд. Т. 20. – С. 489.

¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения, 2 изд., Т. 3. – С. 29

¹¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Из рукописного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса Ф. Сочинения, 2 изд., Т. 19. – С. 377.

¹¹⁸ <http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html>

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ <http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html>

¹²¹ <http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html>

¹²² Там же.

¹²³ Там же

¹²⁴ Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 333–335.

¹²⁵ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 142.

¹²⁶ Поппер, К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 333–335.

¹²⁷ Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 84, 75.

¹²⁸ Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 198, 199.

¹²⁹ Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 23–24.

¹³⁰ Там же. – С. 31.

¹³¹ Там же – С. 25–28.

¹³² Там же – С. 143.

¹³³ Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. – М.: Русский Двор, 1998. – 256 с.

¹³⁴ Барулин В.С. Соотношение материального и идеального в обществе. – М.: Политиздат, 1977. – С. 105–106.

¹³⁵ Laszlo, A. Evolutionary Systems Design: A Praxis for Sustainable Development // OTASC, – 2003. – V. 1. – № 1 – P. 29–46.

Laszlo K.C. Evolving Development: An evolutionary perspective on development for an interconnected world // World Futures, – 2003. – V. 59, – № 2.

¹³⁶ Макаров В.А., Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний. – М.: Экономика, 2007. – 204 с.

¹³⁷ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Прогресс, 1965. – С. 296 с.

¹³⁸ Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики, – 2002. – Т. № 4, – С. 6–7.

¹³⁹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 132.

¹⁴⁰ Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.

¹⁴¹ Berle Adolf A., Means Gardiner C. The Modern Corporation and Private Property – N.Y., 1934. – P. 47, 220, 221, 231, 233.

¹⁴² Francis A. Company objectives, managerial motivation and the behaviour of large firms: an empirical test of the theory of «managerial» capitalism // Cambridge journal of economics, – № 4. – 1980.

¹⁴³ Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.

¹⁴⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. – 180 с.

¹⁴⁵ <http://www.wider.unu.edu/>

¹⁴⁶ Отечественные записки, № 6 (20), 2004.

¹⁴⁷ Wallis John J. and Douglass C. North. Measuring the Transaction Sector in the American Economy. In S.L. Engerman and R.E. Gallman, (eds.), Long Term Factors in American Economic Growth – Chicago: University of Chicago Press, 1986.

¹⁴⁸ Rosenberg N. Perspectives on Technology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

¹⁴⁹ Mokyr J. The Lever of Riches. – New York and Oxford: Oxford University Press, 1990.

¹⁵⁰ Wails J. J. and North D.C. Integrating Institutional Change and Technical Change in Economic History: A Transaction Cost Approach. // Journal of Institutional and Theoretical Economics, 150 (1994): 4. – PP. 609–624.

¹⁵¹ Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересм. изд. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 199.

¹⁵² Туган-Барановский М.И.. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 203.

¹⁵³ См. Вопросы обществоведения, III. 1910. Н. Бернштейн, «Теория рынка Маркса и М.И. Туган-Барановского».

¹⁵⁴ Туган-Барановский М.И.. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 205.

¹⁵⁵ Туган-Барановский М.И.. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 210.

¹⁵⁶ Там же. – С. 210.

¹⁵⁷ Туган-Барановский М.И.. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория

кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 282.

¹⁵⁸ Туган-Барановский М.И.. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 240.

¹⁵⁹ Туган-Барановский М.И.. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 242.

¹⁶⁰ Туган-Барановский М.И.. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 245.

¹⁶¹Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 258.

¹⁶² Туган-Барановский М.И.. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 266.

¹⁶³ Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 266.

¹⁶⁴ М.И. Туган-Барановский. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 271.

¹⁶⁵ М.И. Туган-Барановский. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересмотренное издание. – Смоленск: Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 277.

¹⁶⁶ Петражицкий Л.И. «Акции. Биржевая игра и теория экономических кризисов» Том 1. – С.-Пб, 1911. – 65 с.

¹⁶⁷ Каутский К. Теории кризисов. – М.: Московский рабочий, 1923. – С. 39.

¹⁶⁸ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 128.

¹⁶⁹ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 318.

¹⁷⁰ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 320.

¹⁷¹ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М. Эксмо.2007.С. 324.

¹⁷² Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 329.

¹⁷³ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 333.

¹⁷⁴ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 336.

¹⁷⁵ Там же. – С. 337.

¹⁷⁶ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 342.

¹⁷⁷ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 350.

¹⁷⁸ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 356.

¹⁷⁹ Там же. – С. 356.

¹⁸⁰ Полетаев А.В., Савельева И.М. Длинные волны в развитии капитализма // Мировая экономика и международные отношения, 1988. – № 5. – С. 76.

¹⁸¹ Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: Владар, 1993.

¹⁸² Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 10.

¹⁸³ Милль Дж.С. Основы политической экономии. Т. 3. – М.: Прогресс, 1981. – 447 с.

- ¹⁸⁴ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 24–25.
- ¹⁸⁵ Там же. – С. 26.
- ¹⁸⁶ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 31.
- ¹⁸⁷ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 370.
- ¹⁸⁸ Там же. – С. 370.
- ¹⁸⁹ Там же. – С. 371.
- ¹⁹⁰ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 374.
- ¹⁹¹ Там же. – С. 376.
- ¹⁹² Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 379.
- ¹⁹³ Там же. – С. 346.
- ¹⁹⁴ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М. Экономика, 2002. – С. 382.
- ¹⁹⁵ Там же. – С. 383.
- ¹⁹⁶ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 388.
- ¹⁹⁷ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 390.
- ¹⁹⁸ Там же. – С. 391.
- ¹⁹⁹ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 394.
- ²⁰⁰ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 41.
- ²⁰¹ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007. – С. 446.
- ²⁰² Подробнее см.: Лукуционек С.П. О теориях неравномерности технического прогресса. // Экономика и математические методы. 1986. – Т. XXII. – Вып. 5. – С. 806.
- ²⁰³ Глазьев С. Львов Д., Фетисов Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 1992. – 207 с.
- ²⁰⁴ Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993. – С. 192–193.
- ²⁰⁵ Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993. – С. 192–193.

- ²⁰⁶ Дубинин Н. П. . Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. – № 11. – С. 62–74.
- ²⁰⁷ Дубинин Н. П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. – № 11. – С. 67.
- ²⁰⁸ Там же. – С. 64, 68.
- ²⁰⁹ Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: РОУ, 1992. – С. 25.
- ²¹⁰ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: ЭКСМО, 2007. – 864 с. (Антология экономической мысли).
- ²¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2, Т. 23. – М.: Политиздат, 1981. – С. 188 -189, 383.
- ²¹² Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2, Т. 6. – М.: Политиздат, 1981. – С. 441.
- ²¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2, Т. 3. – М.: 1981. – С. 36.
- ²¹⁴ Спицнадель В.Н. Основы системного анализа: Учеб. пос. – СПб.: Бизнес-пресса, 2000. – С. 8.
- ²¹⁵ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000. – С. 104.
- ²¹⁶ Мизес Л., фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – М.: Экономика, 2000. – С. 137.
- ²¹⁷ Смит А. Исследование о природе и кризисах богатства народов. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – С. 253.
- ²¹⁸ Там же. – С. 27–29
- ²¹⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Этюды об организации высших обществ. Одесса, 1900. – С. 38.
- ²²⁰ Там же. – С. 133.
- ²²¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Этюды об организации высших обществ. Одесса, 1900. – С. 179.
- ²²² Там же. – С. 220-221.
- ²²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47. – М.: Политиздат, 1981. – С. 285.
- ²²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23. – М.: Политиздат, 1981. – С. 346.
- ²²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – т. 23 – М.: Политиздат, 1981. – С. 348.
- ²²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., – т. 16. – М.: Политиздат, 1981. – С. 283.

²²⁷ Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики, 2002, – № 4. – С. 10 – 12.

²²⁸ Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики, 2002, – № 4. – С. 6-9.

²²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах, т. 1. – М.: Политиздат, 1966. – С. 65.

²³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е – т. 42. – М.: Политиздат, 1981. – С. 162–163.

²³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т. 1. – М.: Политиздат, 1966. – С. 69.

²³² Там же. – С. 21.

²³³ Там же. – С. 8.

²³⁴ Там же. – С. 29.

²³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е – Т. 46. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1981. – С. 25.

²³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е – т. 3. – М.: Политиздат, 1981. – С. 66.

²³⁷ Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей. Эволюция психических способностей по чистым и смешанным линиям. Вып. 7. – Л., 1928. – 50 с.;

Варшавский В.А., Поспелов Д.А. Оркестр играет без дирижера. Размышления об эволюции некоторых технических систем. – М.: Наука, 1984. – 208 с.

²³⁸ Ковальзон М.Я. Материалистическое понимание истории и деятельностная проблематика // Вопр. философ., 1985. – № 3. – С. 33–36.

²³⁹ Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – М.: Политиздат, 1980. – 231 с.

²⁴⁰ Асмолов А.Г. Основные принципы психологического анализа в теории деятельности // Вопр. психол. 1982. – № 2. – С. 14–27.

Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопр. психол., 1981. – № 2. – С. 40–56.

²⁴¹Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е пересм. изд. – Смоленск. Издание Книжного Кооперативного Т-ва при Смолгубкоме РКП, 1923. – С. 282.

²⁴² Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – С. 24-25.